

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (11)

Киров
2018

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров); ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (11)

Kirov
2018

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. East. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. Sciences, prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg); ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»
Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

<i>Юнгблуд В. Т.</i> Цивилизационный статус России.....	8
---	---

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Захаров В. А.</i> Антибольшевистское восстание рабочих в Ижевске 8 августа 1918 г.	16
<i>Чащухин А. В.</i> «Вот называется друг, – мерзавец, а еще сидел рядом с товарищем Сталиным». О драматургии политических коммуникаций послевоенного времени	27
<i>Чемоданов П. А.</i> Кризис статуса: Вятский регион в конце 1920-х – середине 1930-х гг.	35

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Богов В. А.</i> Проблемы межнациональных отношений в Лифляндии (историографический аспект)	41
---	----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Трушкова И. Ю.</i> Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX – начале XXI в.	54
<i>Акилбаев А. В.</i> Украшения головы из марийских могильников конца XI–XIII вв.	61
<i>Теленков А. В.</i> Верховная власть и национальное самосознание уральских старообрядцев в конце XIX – начале XX в.	68

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Петров А. В., Ярина Н. В.</i> «Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даиэристки (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой)	78
<i>Двоеглазов В. В.</i> Идеино-художественное своеобразие романа М. Г. Чиркова «Возвращение Христа»	84
<i>Низовцева С. Г.</i> Некоторые наблюдения над системой личных прозвищ жителей русских поселений Республики Коми	91
<i>Истомина П. А.</i> Рассказы о нечистой силе в лоемской локальной традиции (первые подступы к материалу).....	99

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Галицких Е. О.</i> Учитель и общество: художественная правда и правда жизни	106
<i>Касанов А. С.</i> Парикмахерское дело в Вятке сто лет назад	113

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Помелов В. Б. Вятский уроженец М. П. Коробейников: генерал-майор, выдающийся психолог и известный прозаик..... 117

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Калинин А. А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии 123

Минаков А. С. Пыжиков А. В. Взлет над пропастью. 1890–1917 годы..... 129

Поспелова Н. И. Человеческое измерение рукописей, которые не горят (О новой книге «Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох»)..... 133

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

Yungblud V. T. Civilizational status of Russia..... 8

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

Zakharov V. A. Anti-Bolshevist uprising of workers in Izhevsk August 8, 1918 16

Chashchuhin A. V. «That's called friend, the bastard, and sat next to comrade Stalin.»
On the dramaturgy of post-war political communications 27

Chemodanov P. A. Crisis of status: Vyatka region in the late 1920s-mid-1930s 35

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

Bogov V. A. Problems of interethnic relations in Livonia (historiographical aspect) ... 41

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Trushkova I. Yu. Old believer communities in the Russian abroad:
the strokes of ethno-cultural everyday life in the late XX-early XXI century 54

Akilbaev A. V. Head ornaments from Mari burial grounds
of the end of XI–XIII centuries 61

Telenkov A. V. Supreme power and national identity of Ural old believers
in the late XIX-early XX century 68

PHILOLOGICAL SCIENCES

Petrov A. V., Yarina N. V. «God, I got scared and screamed... awaked...»:
«literary» dreams of a woman diarist (E. A. Diakonova and L. N. Tolstoy) 78

Dvoeglazov V. V. Ideological and artistic originality of M. G. Chirkov's novel
«The Return of Christ» 84

Nizovtseva S. G. Some observations on the system of personal nicknames
of residents of Russian settlements of the Komi Republic 91

Istomina P. A. Stories about evil spirits in the loem local tradition
(first approaches to the material) 99

CULTURAL STUDY

Galitskykh E. O. Teacher and society: artistic truth and truth of life 106

Kasanov A. S. Hairdressing in Vyatka a hundred years ago 113

PERSONALITY IN HISTORY

Pomelov V. B. A native of Vyatka M. P. Korobeinikov: major-general,
outstanding psychologist and well-known novelist 117

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Kalinin A. A. The struggle for peace as the Soviet version of public diplomacy 123

Minakov A. S. Pyzhikov A. V. Take off over the abyss. 1890–1917 years 129

Pospelova N. I. The human dimension of manuscripts that do not burn About the new
book «Russian song and European romance in the manuscript collection
of the early XIX century: emotional culture at the turn of eras» 133

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 008(470)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.033

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС РОССИИ

В. Т. Юнгблюд

доктор исторических наук, профессор, президент ВятГУ,
главный редактор журнала «Вестник гуманитарного образования».
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается цивилизационный статус современной России.

Своеобразной интеллектуальной осью общественно-политического дискурса страны конца XX – начала XXI вв. стала проблема соотношения глобализации и поиска идентичности. Сторонники глобализации ратовали за стирание граней между культурами, тиражирование моделей общественно-политического развития и правовых норм, считавшихся универсальными и подходящими для утверждения «подлинной демократии», за абсолютизацию идеи прогресса и безграничных возможностей рынка и новейших технологий. Движение в направлении поиска национальной и культурной идентичности ориентировалось на укрепление традиций, признание самоценности достижений культуры, цементирующих фундамент дальнейшего развития.

В статье обозначены различные подходы к определению российской идентичности в конце XX – начале XXI вв., оценивается определение России как «православной цивилизации». Охарактеризована современная система образования, являющаяся государственным институтом, ответственным за формирование российской идентичности как «полиэтнической цивилизации». Отмечена роль историко-культурного стандарта в решении этой задачи.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, российская идентичность, глобализация, историко-культурный стандарт, культура, православие, гуманитарное знание.

В конце прошлого века Сэмюэл Хантингтон в знаменитом историко-политологическом трактате «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» сформулировал тезис о том, что «цивилизация – это самое большое “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома», при том, что цивилизация – это то, что «отделяет нас от всех “них”, тех, что вовне» [20, 14].

Эта книга не обещала народам вечного мира, напротив, она пророчествовала грядущую войну культур и восхождение исламского экстремизма. Сформулированные в ней выводы уже тогда воспринимались как предупреждение о будущих прямых и явных угрозах. Главная идея автора заключалась в том, что «после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности (которая в самом широком понимании совпадает с идентичностью цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [15]. Иными словами, утверждалось, что самые опасные международные конфликты в будущем будут происходить в зонах фронтального соприкосновения различных культур, а для того, чтобы избежать глобальных конфликтов, государствам придется создавать межцивилизационные коалиции и налаживать диалог культур.

Книга сразу же вызвала нешуточный резонанс. Автор был причислен к разряду классиков. Однако желающих поставить под сомнение его выводы было тоже немало. Международная обстановка в целом в те годы создавала благоприятную для полемики среду: только что закончилась холодная война, до 11 сентября 2001 г. было еще далеко и читатели в США, в России, да и во всем мире тогда предпочитали думать о хорошем. То есть о том, что иной опасности, кроме той, что может явиться из космического «извне», у человечества нет, а уж если в обозримом будущем Галактика и бросит вызов, то народы планеты примут его, сплотившись на основе общечеловеческих ценностей. Тревожные сигналы, правда, также посту-

пали. Межэтнические конфликты на Балканском полуострове, войны на Северном Кавказе и Ближнем Востоке свидетельствовали о том, что идеи Хантингтона, первоначально сформулированные в виде рабочей гипотезы, вполне жизнеспособны.

Таким образом, своеобразной интеллектуальной осью общественно-политического дискурса конца XX в. стала проблема соотношения процессов глобализации с одной стороны и закрепления (или поиска) идентичности – с другой. Сторонники глобализации ратовали за стирание граней между культурами, тиражирование моделей общественно-политического развития и правовых норм, считавшихся на тот момент наиболее универсальными и подходящими для утверждения «подлинной демократии», за абсолютизацию идеи прогресса и безграничных возможностей рынка и новейших технологий. Крушение дупольности и доминирующее положение США как ведущей экономики мира, контролирующей важнейшие политические и финансовые рычаги воздействия на международные процессы и обладающей колоссальными военными и научно-техническими ресурсами, укрепляли позиции глобалистов. Движение в направлении поиска национальной и культурной идентичности ориентировалось на укрепление традиций, признание самоценности достижений культуры народов, изучение их исторического наследия и его достойное сохранение, в том числе и для того, чтобы оно цементировало фундамент дальнейшего развития. Poleмика между сторонниками указанных векторов развития продолжается до настоящего времени. За четверть века она не стала менее острой, поскольку в ее основе лежат реально происходящие на наших глазах процессы, охватывающие все регионы и уровни экономического, политического и социокультурного развития человеческой цивилизации. Дополнительную остроту, порой доходящую до ожесточения, полемике придает тот факт, что за аргументами ее участников просматриваются вполне определенные материальные интересы.

В нашей стране дискуссии на эту тему наполнены особым смыслом, прежде всего, потому, что для россиян в силу особенностей истории страны и, в частности, современного ее этапа, исключительно деликатной является проблема историко-культурной идентификации, т. е. предельно четкого определения того «самого большого “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома», о котором писал Хантингтон. С одной стороны, в нас живет историческая память, постоянно возвращающая к образам Руси, Российской империи, СССР [19].

С другой стороны, Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной, и границы отнюдь не единичных цивилизационных размежеваний (если вслед за Хантингтоном понимать цивилизацию в культурно-конфессиональном смысле) проходят в ней не только по внешней стороне государственной границы, но и внутри страны, и, следовательно, здесь каждое действие или даже слово, затрагивающее национальные и религиозные чувства людей, имеют исключительно высокую цену.

Наконец, последовательная государственная политика, направленная на восстановление авторитета и международного статуса страны, модернизацию и укрепление внутренней цельности России как самостоятельной уникальной цивилизации, составляющей ядро «русского мира», сопровождается признанием неотвратимости определенных глобализационных приоритетов – инновационного пути развития экономики, норм международного права, информационной открытости и демократических институтов.

Задача, таким образом, заключается в том, чтобы стать современной страной, стоящей вровень с наиболее развитыми державами мира, но при этом сохранить свою цивилизационную уникальность и традиции народов России.

Нельзя сказать, чтобы сложность решения этой задачи не осознавалась представителями интеллектуальной элиты. Есть примеры обоснований принципиальной невозможности достижения этой двуединой цели. В частности, определенное распространение получили либерально-западнические характеристики России как «несовременной» страны, «не желающей (или неспособной) воспринимать “очевидные” достижения цивилизации» [4].

Причем тезисы о «негативной исключительности» и «исторической бесперспективности»¹ российской исторической аномалии сопровождаются четкими и недвусмысленными

¹ Например, В. Л. Иноземцев в опубликованном недавно бестселлере пишет: «Идеологический провинциализм и интеллектуальная деградация, которые являются практически “визитной карточкой” России XXI века ... находят свое воплощение в одной из самых популярных концепций своего времени – так называемой теории “русского мира”. ... Данный концепт прочно занял свое место в арсенале реакционеров, стремившихся максимально отдалить Россию от европейского пути, но при этом некогда преуспевших в обеспечении ее устойчивого развития» (Иноземцев В. Несовременная страна. С. 248).

указаниями на универсальность и безусловную предпочтительность западной модели развития, которая якобы «одна только и может стать основой для подлинной свободы», поскольку «кроме нее в мире не существует иной модели, способной стать основой саморегулирующегося демократического общества» [3].

Таким образом, в качестве условия развития страны и ее присоединения к сообществу «современных цивилизованных» государств называется отказ от культурной уникальности, ментальное и идеологическое перекодирование населения в соответствии со стандартами вестернизованного мира. Но что в этом случае произойдет с государственным суверенитетом и национальной самобытностью?

Формулируются и компромиссные подходы, согласно которым предлагается «искать национальную идею на пути единого восприятия нашей общей истории, без ультралиберальных и новорадикальных черно-белых красок» [1]. При этом отмечается, что «есть свои сложности в определении национальной идеи в культурно-цивилизационном измерении», поскольку постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп ряда субъектов Российской Федерации» [1].

Отмеченная двойственность очевидна и представляет главную трудность в современном проектировании стратегии развития Российской Федерации, поскольку добиться «единого восприятия нашей общей истории» вряд ли когда-либо удастся без своего рода национального ковенанта по поводу культурно-цивилизационных характеристик. Причем такое межэтническое и межконфессиональное согласие, помимо конституционно-юридических, должно иметь прочные ценностные и нравственные основания, обеспеченные всей системой гуманитарного образования и духовной жизни. История и культура неотделимы друг от друга, по этой причине достижение национального согласия в отношении прошлого возможно только в случае создания реальных условий для диалога и взаимного обогащения культур.

Различные варианты формирования новой российской идентичности на основе патриотических формул либо в формате «русского мира» [7], либо в соответствии с концепцией «альтернативного Запада» [6] также можно расценивать как своеобразные версии компромиссных проектов, ориентированных на вариативные сценарии обретения межэтнического и межконфессионального консенсуса.

Для обозначения контуров современных цивилизационных разграничений Хантингтон воспользовался термином «православная цивилизация» (orthodox civilization), что в отношении России не только неверно, но и небезопасно. Большинство российских регионов действительно расположено в пределах конфессионального преобладания православия, однако далеко не все, к тому же практически повсеместно, православные общины соседствуют с иными, вполне равноправными конфессиями [10]. Кроме того, православие не является внутренне цельным, а православные христиане в настоящее время проживают на всех континентах [9]. Наконец, по ряду признаков, в частности по приверженности традиционным ценностям в противовес экспансии либеральных свобод и «иных разрушительных постмодернистских инноваций», российское православие тесно смыкается с другими конфессиями, в том числе нехристианскими [8].

Тем не менее положение о «православной цивилизации» нередко используется крайними этническими националистами, призывающими к созданию моноэтнического государства. Официальная оценка подобных призывов была дана на самом высоком уровне государственного руководства, когда было заявлено, что «попытки проповедовать идеи построения русского “национального” моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. ... Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [12].

Гуманитарные знания являются важнейшим мировоззренческим ресурсом. Потенциал истории, филологии, культурологии всегда использовался как для решения собственно образовательных задач (подготовки просвещенных, эрудированных специалистов, с широким кругозором и развитыми профессиональными компетенциями), так и для формирования ценностной структурирующей основы личностных качеств людей – граждан страны, воспринимающих себя россиянами, способными осознанно и гармонично идентифицировать свою принадлежность одновременно и к великой державе, и к малой родине.

Предназначение просвещения сегодня становится особенно значимым в связи с тем, что «современному человеку присуща множественность идентичностей» [17]. Ю. Н. Харари, в

частности, констатирует, что в последние десятилетия «национальные сообщества вытесняются потребительскими». Незнакомые друг с другом члены таких воображаемых общин имеют сходные потребительские предпочтения и привычки и «оттого чувствуют себя частью этого целого» [16]. Так возникают общества поклонников поп-звезд, фанатов спортивных клубов, защитников окружающей среды, вегетарианцев и иные объединения людей.

Потребительство (консюмеризм) чаще всего является важным критерием самоидентификации. Социальные сети создают благоприятную среду для организации таких сообществ. Кроме того, в современном обществе «информация любой степени достоверности стала общедоступной, а ее тиражируемость не имеет временных, пространственных или авторских ограничений». В результате постепенно вытесняются традиционные культурные коды, этические эталоны и языковые модели [13]. В таких условиях на систему образования возлагается ответственная задача – на иерархической шкале идентичностей всех групп обучающихся россиян закрепить безусловный приоритет их принадлежности к «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром» [12].

Поскольку устойчивые концептуальные смыслы у больших сообществ людей «формируются и поддерживаются целой системой институций» [5], транслирующих знания и воспитывающих в молодых людях чувства причастности к «самому большому “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома», то достижение этой цели потребует долгосрочных целенаправленных действий по отбору содержания учебных курсов и подготовке адекватных обучающих методик. Министр просвещения Российской Федерации О. Ю. Васильева большие надежды в этом смысле возлагает на недавно принятый историко-культурный стандарт, задача которого, по ее мнению, состоит в том, чтобы «помочь в воссоздании разрушенного в 1990-е годы общероссийского образовательного пространства – как географического, так и ценностно-смыслового», для того, чтобы приблизиться к достижению «общенационального консенсуса в отношениях с нашим непростым прошлым» [2].

За этой простой формулировкой кроется гигантский объем работы, направленной на решение небывалой по своей сложности задачи. Уникальность предстоящей просветительской миссии состоит в том, что существенное обновление всего гуманитарного знаниевого комплекса предстоит осуществить в условиях максимальной информационной открытости и неизбежной в условиях продолжающейся глобализации экспансии в пределы российского образовательного пространства альтернативных методологических установок и мировоззренческих клише.

В третий номер журнала вошли статьи, затрагивающие широкий спектр проблем отечественной и зарубежной истории, культурологии и филологии.

Рубрику «Проблемы отечественной истории» открывает статья члена удмуртского регионального отделения Российского общества историков-архивистов (РОИА) В. А. Захарова «Антибольшевистское восстание рабочих в Ижевске, 8 августа 1918 г.», в которой подробно восстанавливается история антисоветского выступления «Союза фронтовиков», послужившего началом Ижевско-Воткинского мятежа. Это событие, являвшееся, по мнению автора, одним из крупнейших в России вооруженным выступлением рабочих против советской власти, до сих пор слабо изучено и содержит множество «белых пятен», что создает благоприятную почву для всевозможных спекуляций. Помимо реконструкции хода событий 8 августа 1918 г., автор анализирует причины поражения сторонников советской власти, исходя из соотношения сил и расположения сторон, а также самой возможности положительного для них исхода событий. Статья содержит прежде не публиковавшиеся архивные материалы ЦДНИ УР.

Продолжает рубрику статья кандидата исторических наук, доцента НИУ «Высшая школа экономики» в Перми А. В. Чашукина «“Вот называется друг”, – мерзавец, а еще сидел рядом с товарищем Сталиным”. О драматургии политических коммуникаций послевоенного времени». На примере агитационных мероприятий, посвященных фултонской речи У. Черчилля, автор выявляет особенности взаимоотношений власти и населения. Политические ритуалы позднего сталинизма рассматриваются как особые театральные действия, формировавшие социальную реальность. Используемая в статье драматургическая оптика позволяет выявить особенности использования политического языка, обнаружить разрывы между государственной идеологией и представлениями советских граждан. Автор полагает, что отчеты партийных функционеров,

ответственных за проведение агитационных мероприятий, содержат материалы о представлениях и практиках, выходящих за рамки идеологических кампаний.

Редакция продолжает публиковать исследования, посвященные истории Вятской губернии. В настоящий номер включена статья об истории ликвидации Вятской губернии и последующего возрождения самостоятельности Вятской земли, но уже как Кировского края. На основе архивных материалов и периодики кандидат исторических наук П. А. Чемоданов освещает последствия убийства С. М. Кирова (1886–1934) для города Вятки/Кирова и административно-территориальных процессов в регионе. В статье раскрываются основные характеристики политического, экономического и социокультурного развития региона в 1932–1936 гг. на фоне местных территориальных трансформаций и непростой политической обстановки в стране. Отдельное внимание уделено единственному руководителю Кировского края – А. Я. Столяру (1901–1938).

Раздел «Проблемы всеобщей истории» представлен статьей латвийского ученого, директора Фонда развития культуры В. А. Богова о мультикультурных контактах на территории современной Латвии. В работе представлен сравнительный анализ средневековых хроник. Они рассматриваются в хронологическом порядке, с особенностями периода своего появления. Автор подробно останавливается на их содержании. Основное внимание уделено ретроспективному осмыслению межнациональных отношений в Лифляндии с акцентом на XIX – начало XX вв.

В разделе «Проблемы археологии и этнографии» представлены материалы, посвященные повседневной жизни старообрядческих общин. Так, доктор исторических наук И. Ю. Трушкова в статье «Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX – начале XXI вв.» на основе экспедиционных материалов рассматривает современные модели этнокультуры у разных групп старообрядцев в Молдавии, Румынии, Латвии, Литве и Польше. Представлены результаты исследования традиций хозяйствования, повседневных занятий староверов Бессарабии, Прибалтийского края и Польши. Выявлены некоторые характеристики традиционной одежды, которая в наши дни воспроизводится в стилизованном виде и консервируется религиозными воззрениями в качестве «моленной». Отмечено состояние языка, книжности, религии. Автор приходит к заключению, что в ряде исследуемых местностей русский язык не просто становится вторичным в повседневном использовании, но и частично утрачивается.

Продолжает тему старообрядчества статья научного сотрудника Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН А. В. Теленкова «Верховная власть и национальное самосознание уральских старообрядцев в конце XIX – начале XX вв.», в которой автор приходит к выводу, что этническое самосознание старообрядцев отличалось существенным своеобразием. В первую очередь это проявлялось в вопросах отношения к власти (центральной и местной). В то же время старообрядцы выступали хранителями русских традиций, культуры, книжности.

Завершает раздел статья научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева А. В. Акилбаева «Украшения головы из марийских могильников конца XI–XIII веков». Автор ставит цель рассмотреть средневековые марийские головные украшения. Работа основана на материалах могильников конца XI–XIII вв. (Выжумский II, Выжумский III, Починковский, Руткинский, Дубовский). Автором приводится обзор элементов головного убора, серег и височных колец. Разрабатывается их типология, выявляются местные и привозные изделия, делаются предположения о путях поступления привозных украшений, определяются аналогии с материалами других территорий и период их использования. Статья сопровождается иллюстративным материалом – прорисовками рассмотренных вещей.

Филологический раздел журнала открывает статья с интригующим названием «Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даизеристики (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой)» доктора филологических наук, профессора Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова А. В. Петрова и аспирантки кафедры языкознания и литературоведения Н. В. Яриной. Дневник Е. А. Дьяконовой (1874–1902), один из интереснейших «человеческих документов» русской словесности конца XIX – начала XX вв., до сих пор не исследован в отечественной и зарубежной науке. Из его богатейшего содержания была выбрана одна запись, в которой даизеристка описывает свой сон. С одной стороны, в нем отразился читательский опыт Дьяконовой, а именно ее постоянный интерес к творчеству Л. Н. Толстого; с другой – «индивидуальная» и «коллективная» составляющие ее «бессознательного».

Продолжает раздел статья кандидата филологических наук В. В. Двоеглазова «Идейно-художественное своеобразие романа М. Г. Чиркова «Возвращение Христа». Это произведение вятского писателя характеризуется критиками как этапное, говорящее о творческой зрелости его создателя. Цель, которую ставит перед собой автор статьи, – обнаружить специфику художественного содержания романа и образной формы его воплощения. Анализ текста, выполненный с опорой на высказывания самого писателя, доказывает ориентированность сюжетно-композиционной организации и всей образной системы романа на раскрытие авторской этико-философской позиции.

Научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН С. Г. Низовцева представляет работу о системе личных прозвищ жителей русских поселений Республики Коми. Фольклорная культура локальных традиций относительно недавно попала в поле зрения исследователей, экспедиционные изыскания по этой тематике проводятся лишь с начала XXI в. В статье рассматривается корпус личных прозвищ, записанных во время полевых экспедиций 2008–2017 гг., предпринята попытка их описания и систематизации. Отмечены общие и отличительные черты в прозвищном имянаречении жителей заводских поселений верхней Печоры.

Исследование локальных традиций в настоящее время является одним из перспективных направлений в фольклористике. Научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН П. А. Истомина исследует феномен нечистой силы в лемской локальной традиции. В статье использованы устные рассказы о мифологических персонажах, рассматриваются их основные сюжеты и мотивы. Суеверная проза представлена несколькими группами текстов: о демонологических персонажах; о нечистых местах; о людях, обладающих сверхъестественными способностями, знающих с нечистой силой.

Раздел «Культурология» открывает статья, поднимающая дискуссионную проблему ответственности профессиональной педагогической деятельности учителя запросам общества. Автор – доктор педагогических наук, профессор Вятского государственного гуманитарного университета Е. О. Галицких. В статье сопоставляется «правда жизни» как представление общества о роли педагогов в формировании будущего с художественной правдой современной литературы, которая транслирует образ современного учителя в сознание читателей – родителей учеников, журналистов, чиновников, обывателей. Статья включает читательские оценки книг о школе и учителе, в которых можно увидеть тенденции развития педагогического сознания учителя, его профессиональную рефлексию. Статья раскрывает важный источник культурологических знаний учителя – самообразовательное чтение, педагогическую рефлексию, отражающую современные представления о детях цифрового века, задачах образования, педагогических приоритетах профессионального роста учителя. Мысли, изложенные в статье, будут безусловно полезны и важны для современных педагогов, психологов, организаторов повышения квалификации, руководителей образовательных организаций.

Доцент кафедры туризма ВятГУ, кандидат исторических наук А. С. Касанов обращается к истории парикмахерского дела на Вятке в начале XX в. Используя архивные источники, автор сумел значительно расширить представления о состоянии парикмахерского искусства в губернском городе на рубеже веков. Исследование затрагивает ряд смежных вопросов: о характере работы сервисных служб в губернском центре, о деятельности санитарных чиновников, о степени вовлеченности первых лиц губернии и города в процессы регулирования деятельности ремесленных и сервисных предприятий. Статья будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся историческим и культурологическим краеведением.

В рубрике «Личность в истории» представлена статья доктора педагогических наук В. Б. Помелова, посвященная уроженцу Вятской губернии, известному российскому психологу, писателю-прозаику, генерал-майору Максиму Петровичу Коробейникову. История жизни этого многогранного человека раскрыта на фоне ключевых событий эпохи и содержит богатый фактический материал.

Раздел, посвященный научной жизни, открывается развернутым эссе по поводу монографии доктора исторических наук Н. И. Егоровой «“Народная дипломатия” ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы» доцента кафедры истории и политических наук ВятГУ А. А. Калинина, который отмечает, что данная монография является крупным вкладом в исследование Движения сторонников мира и стала заметным вкладом в отечественную и зарубежную историографию холодной войны.

В рецензии на монографию А. В. Пыжикова «Взлет над пропастью. 1890–1917 годы», подготовленную доктором исторических наук, заместителем дирекции изучения истории МПГУ А. С. Минаковым, отмечено, что ценность рецензируемой книги заключается прежде всего в анализе политических и социально-экономических реформ, которые оказали существенное влияние на внутреннее развитие и международное положение Российской империи в конце XIX – начале XX вв. На направленность развития российской истории значительно повлияли проекты преобразований, разработанные представителями прогрессивной части высшей бюрократии Москвы и Санкт-Петербурга, претендовавшими на определение экономического курса государства.

Завершает рубрику рецензия кандидата искусствоведения, доцента ВятГУ Н. И. Поспеловой на изданную в 2017 г. издательством Уральского федерального университета монографию «Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох». Подчеркивается, что этому фундаментальному труду свойственна высокая культура научного комментирования. Тексты собранных в нем песен отражают не столько знания о социальной и политической жизни начала XIX в., сколько собственные русскому народу общечеловеческие чувства и переживания.

Список литературы

1. Астахов Е. М. Глобальная цивилизация и Россия // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 54.
2. Васильева О. Ю. Учитель – ключевое звено системы образования // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2018. № 4. С. 16.
3. Иноземцев В. Л. Испытание культурой // Бенхабиб С. Притязания культуры. М. : Логос, 2007. С. XXIX
4. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М. : Альпина Паблишер, 2018. С. 14–15.
5. Корсунский А. Г. Философский аспект концептуальных политических антиномий // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 75.
6. Кургиян С. Суть времени: философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке. В 2-х т. Т. 2. М. : МОФ ЭТЦ, 2013. С. 107–108.
7. Нарочницкая Н. Русский мир. СПб : Алетейя, 2007.
8. Печатнов В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. 2017. № 1. С. 41–43.
9. Печатнов В. В. «... От русского корня»: пути американского православия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 140–146
10. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Всемирное православие в зеркале социологических опросов // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. Том LXXXV. 2018. С. 36–51.
11. Печатнов В., Печатнов Вал. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 9. С. 58
12. Путин В. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета, 23 января 2012. URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/851392-echo>
13. Стрельчук А. Р. Культурная идентификация в условиях трансформирующегося коммуникативного пространства // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 82.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Распад и рождение государств. 1997. № 2. С. 117.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : AST Publishers, 2018. 639 с.
16. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М. : Синдбад, 2019. С. 440.
17. Хенкин С. М. Ракурсы идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 271.
18. Юнгблюд В. Т. Культурные контуры образов будущего и гуманитарное знание // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 1. С. 9–11.
19. Юнгблюд В. Т. Обновление идентичности: национальные традиции и культурные ценности современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 8–11.
20. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996.

CIVILIZATIONAL STATUS OF RUSSIA

V. T. Yungblud

Doctor of historical sciences, professor, President of VyatSU, editor-in-chief of the journal «Herald of humanitarian education».

ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Abstract. The article deals with the civilizational status of modern Russia.

A kind of intellectual axis of socio-political discourse of the country at the end of XX – beginning of XXI centuries was the problem of the relationship between globalization and search of identity. The supporters of globalization advocated blurring the lines between cultures, replicating models of socio-political develop-

ment and legal norms that were considered universal and appropriate for the establishment of "true democracy", absolutizing the idea of progress and the limitless possibilities of the market and the latest technologies. The movement towards the search for national and cultural identity focused on strengthening traditions, recognition of the self-value of the cultural achievements that cemented the basement for further development.

The article describes different approaches to the definition of Russian identity in the late XX – early XXI centuries, evaluates the definition of Russia as an "Orthodox civilization". The modern system of education, which is a state institution responsible for the formation of Russian identity as a "multi-ethnic civilization, is characterized. The role of historical and cultural standard in solving this problem is noted.

Keywords: Russia, civilization, Russian identity, globalization, historical and cultural standard, culture, Orthodoxy, humanitarian knowledge.

References

1. Astahov E. M. *Global'naya civilizaciya i Rossiya* [The global civilization and Russia] // *Vestnik MGIMO-Universiteta – Herald of MSIIR-University*. 2012, No. 5, p. 54.
2. Vasil'eva O. Y. *Uchitel' – klyuchevoe zveno sistemy obrazovaniya* [Teacher is a key link in the education system] // *Voroncovo pole. Vestnik fonda «Istoriya Otechestva»* – Vorontsov field. Herald of the Foundation "History of the Fatherland". 2018, No. 4, p. 16.
3. Inozemcev V. L. *Ispytanie kul'turoj* [Culture test] // *Benhabib S. Prityazaniya kul'tury* [Claims of culture]. M. Logos. 2007. P. XXIX
4. Inozemcev V. *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka* [Old-fashioned country: Russia the world in the twenty-first century]. M. Alpina Publisher. 2018. Pp.14–15.
5. Korsunskij A. G. *Filosofskij aspekt konceptual'nyh politicheskikh antinomij* [Philosophical aspect of conceptual political antinomies] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2018, No. 4, p. 75.
6. Kurginyan S. *Sut' vremeni: filosofskoe obosnovanie messianskih pretenzij Rossii v XXI veke. V 2-h t. T. 2* [The essence of time: the philosophical justification of Messianic claims of Russia in the XXI century. In 2 vol. Vol. 2.] M. International public Foundation "Experimental creative center". 2013. Pp. 107–108.
7. *Narochnickaya N. Russkij mir* [Russian world]. St. Petersburg. Aleteya. 2007.
8. Pechatnov V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Rossiya XXI – Russia in XXI*. 2017, No. 1, pp. 41–43.
9. Pechatnov V. V. *«... Ot russkogo kornya»: puti amerikanskogo pravoslaviya* ["... From the Russian root": ways of American Orthodoxy] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tomsk State University*. 2017, No. 425, pp. 140–146
10. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Vsemirnoe pravoslavie v zerkale sociologicheskikh oprosov* [World Orthodoxy in the mirror of sociological surveys] // *Cerkov' i vremya. Nauchno-bogoslovskij i cerkovno-obshchestvennyj zhurnal* – Church and time. Scientific-theological and Church-public journal. Vol. LXXXV. 2018, pp. 36–51.
11. Pechatnov V., Pechatnov Val. *Menyayushchijsya religioznyj landshaft Ameriki* [The changing religious landscape of America] // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World economy and international relations*. 2018, vol. 62, No. 9, p. 58
12. Putin V. *Rossiya: Nacional'nyj vopros* [Russia: national question] // *Nezavisimaya gazeta, 23 yanvarya 2012* – Independent newspaper, January 23, 2012. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/statya/851392-echo>
13. Strel'chuk A. R. *Kul'turnaya identifikaciya v usloviyah transformiruyushchegosya kommunikativnogo prostranstva* [Cultural identification in the conditions of transforming communicative space] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2018, No. 4, p. 82.
14. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij i izmenenie mirovogo poryadka (otryvki iz knigi)* [The clash of civilizations and the changing global order (excerpts)] // *ProetContra. Raspad i rozhdzenie gosudarstv – ProetContra*. The collapse and the birth of States. 1997, No. 2, p. 117.
15. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of civilizations]. M. AST Publishers, 2018. 639 c.
16. Harari Y. N. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A brief history of mankind]. M. Sinbad. 2019. P. 440.
17. Henkin S. M. *Rakursy identichnosti* [Perspectives on identity] // *Vestnik MGIMO-Universiteta – Herald of MSIIR-University*. 2018, № 4 (61), p. 271.
18. Yungblud V. T. *Kulturnye kontury obrszov budushchego i gumanitarnoye znanie* [Cultural curcuit of images of future and humanitarian knowledge] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of humanitarian education*. 2018. No 1. Pp. 9–11.
19. Yungblud V. T. *Obnovlenie identichnosti: nacional'nye tradicii i kul'turnye cennosti sovremennoj Rossii* [Identity renewal: national traditions and cultural values of modern Russia] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of humanitarian education*. 2018, No. 2, pp. 8–11.
20. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon & Schuster, 1996.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947(470.51)«1918»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.034

Антибольшевистское восстание рабочих в Ижевске 8 августа 1918 г.

В. А. Захаров

член Удмуртского регионального отделения Российского общества историков-архивистов.
Россия, г. Ижевск. E-mail: vasilyZx@yandex.ru

Аннотация. Данная статья является попыткой максимально подробно восстановить ход событий антисоветского восстания «Союза фронтовиков» в Ижевске 8–9 августа 1918 г., послужившего началом Ижевско-Воткинского мятежа. Несмотря на то, что данные события явились самым крупным вооруженным выступлением рабочих против советской власти, они до сих пор слабо изучены исторической наукой и содержат множество «белых пятен», что в свою очередь создает благоприятную почву для различных спекуляций на данной теме. Помимо реконструкции самих событий 8 августа 1918 г. в данной статье дается анализ причин поражения сторонников советской власти, исходя из соотношения сил и расположения сторон, а также самой возможности положительного для них исхода событий. Статья выполнена на основе архивных материалов ЦДНИ УР (воспоминания участников событий).

Ключевые слова: Ижевско-Воткинский мятеж, «Союз фронтовиков», 1918 г., антисоветское восстание, уральские рабочие, Прикамье, Восточный фронт, восстание рабочих.

Несмотря на то, что прошло уже сто лет с момента начала Ижевско-Воткинского мятежа, события тех дней до сих пор слабо изучены, что создает благоприятную почву для различных спекуляций вокруг тех событий, начавших активно развиваться в 90-е гг., после крушения СССР.

Если не считать ряда статей, то на данный момент историография восстания ограничена обобщающими работами ижевских историков П. Н. Дмитриева и К. И. Куликова (чья совместная монография до сих пор является единственной развернутой и наиболее полной историей восстания от его предпосылок до исхода остатков «ижевцев» и «воткинцев» за границу), небольшой работой историка Н. А. Зайца и работами Е. Г. Ренева, посвященными отдельным аспектам тех событий.

Само же Ижевско-Воткинское восстание, являясь не только одним из самых крупных выступлений городского населения против советской власти, но и самым крупным рабочим восстанием в период Гражданской войны, представляет собой целый комплекс не разрешенных историографией проблем. Решение их поможет не только лучше понять процессы Гражданской войны в России и их динамику, но и изучать гражданские конфликты в других странах и регионах.

Среди них можно выделить такие, как взаимодействие национального и социального факторов в гражданском противостоянии (факт того, что значительная масса повстанцев в сельской местности являлась удмуртами, до сих пор практически игнорируется в историографии); роль добровольческих формирований из числа местного населения; процессы трансформации взглядов и симпатий гражданского населения к различным сторонам конфликта; взаимодействие официальных властей и неформальных и полупоформальных организаций и объединений населения.

Цель данной работы хотя и не носит такого глобального характера, тем не менее представляется необходимым этапом в понимании тех событий. Попытка максимально подробно описать ход событий 8–9 августа 1918 г. в Ижевске позволит дать ответ на ряд важных взаимо-

связанных вопросов: могли ли большевики подавить восстание в тот же самый день; насколько было недовольно население Ижевска текущей ситуацией в городе и советской властью и, соответственно, так ли велико было число активных сторонников мятежа. И в дальнейшей перспективе все это поможет понять, действительно ли Ижевско-Воткинское восстание было неизбежным и общенародным с точки зрения сложившихся в регионе обстоятельств.

Следует сразу оговориться, что, в отличие от восстания декабристов, воссоздать точную «почасовую» картину тех дней невозможно, так как источники позволяют установить лишь примерное время, когда происходили те или иные события. Сам временной отрезок 8–9 августа выбран потому, что без описания дальнейшей судьбы вырвавшихся из городов отрядов красных воссоздание самого мятежа не будет полным, а ликвидация отрядов Бабушкина и Пастухова ставит логическую точку в существовании большевистского совета и борьбы за контроль над городом в тот момент.

Данная работа базируется на воспоминаниях ижевских красноармейцев и милиционеров, принимавших участие в тех событиях. Благодаря воспоминаниям, хранящимся в фондах ЦДНИ УР, выходу в свет книги А. В. Коробейникова «Ижевско-Воткинское восстание: правда победителей», часть этих источников стала доступна широкому кругу исследователей и интересующихся.

Основная проблема имеющихся источников – это их односторонность. Они позволяют увидеть ход восстания только со стороны красных. О том же, что делалось в лагере мятежников, практически ничего не известно. К сожалению, в советское время никто не озаботился сбором воспоминаний самих участников мятежа. Однако не стоит перекладывать всю вину на специфику того времени и идеологические установки. Огромная часть вины лежит и на самих белых. Наверняка среди группы эмигрантов в Сан-Франциско были люди, знакомые с событиями того дня. Однако и там никто не попытался провести какую-либо исследовательскую работу или хотя бы собрать воспоминания эмигрантов. Все, что мы имеем, – это куцые, малоинформативные воспоминания полковника Федичкина, первого командующего Ижевской народной армией, такая же книга Ефимова (бывшего офицера Ижевской бригады, исследователя и мемуариста) и несколько коротких опусов за авторством Уповалова (меньшевика, участника Ижевско-Воткинского восстания), Наумова (участника Ижевско-Воткинского восстания) и Гутман-гана (участника восстания в г. Воткинске, издателя газеты «Воткинский вестник»). Публикации в белой печати Сибири и Урала также не содержат сколько-нибудь значимых подробностей, ограничиваясь лишь самым общим описанием произошедшего.

Поэтому невозможно ответить на ряд важных для понимания тех событий вопросов:

1. Что происходило в среде заговорщиков после ареста руководителей «Союза фронтовиков» Яковлева и Солдатова?

2. Как был собран митинг у угольных ворот утром 8 августа?

3. Что происходило в тот день на территории завода и в лагере самих заговорщиков?

4. Что делали меньшевики, как им удалось организовать переговоры о сдаче оружия?

5. Что происходило в Заречной части Ижевска?

6. Что происходило в стане заговорщиков, когда рабочие начали складывать оружие?

Эти вопросы отнюдь не праздные, так как помимо прочего ответ на них позволил бы однозначно ответить на вопрос, было ли возможно подавить восстание в тот же самый день.

Но перейдем к событиям того дня.

К 8 августа в распоряжении большевиков были следующие силы:

2. Рота красноармейцев в 100 человек. Это были местные жители, записавшиеся в добровольцы в ходе мобилизации, проводившейся 1 августа [3, с. 9]. Учитывая наличие заговора, Ревком решил оставить часть сил для охраны порядка.

3. 60 венгров-красноармейцев из бывших военнопленных, присланных накануне из Перми. Часть их несла охрану завода и в первые же минуты восстания оказалась разоружена [10, с. 106].

4. 100 пеших и 20 конных милиционеров [13, с. 53].

Всего 280 человек. За вычетом венгров – 220 человек. Схожую цифру, в 250 человек, приводит в своих воспоминаниях Попцов (ижевский большевик, участник подавления Ижевско-Воткинского мятежа в составе Вятской особой дивизии) [5, с. 3]. Историки Дмитриев и Куликов, на основании документов ЦГАСА, оценивают численность красных в 260–350 человек [14, с. 73]. Ефимов в своей книге почему-то приписывает сюда еще две артиллерийские батареи и продотряды, действовавшие в сельской местности. Непонятно, что же помешало

ему включить сюда еще и части 2-й армии, находившиеся в Сарапуле, и воткинских красногвардейцев?

Вдобавок к своей малочисленности защитники советской власти были еще и плохо обучены. По воспоминаниям красноармейца Популлова [5, с. 1], многие красноармейцы не умели обращаться с оружием, и к тому же на них давил моральный фактор. Осознание того, что одним рабочим приходится стрелять в других рабочих, действовало на них деморализующе.

Что касается численности самих восставших, то сказать что-либо определенное здесь трудно.

Дмитриев и Куликов, ссылаясь на разведсводки 3-й армии, указывают численность восставших в 6300 человек. Из них 300 офицеров, 3000 «фронтовиков» и 3000 рабочих. По другим данным, рабочих было 2000. Дмитриев и Куликов считают эту цифру более достоверной [14, с. 73]. Также они пишут о том, что 3000 рабочих не участвовали в самом бою, но «поддерживали лозунг Учредительного собрания» [14, с. 73]. Таким образом, мы имеем 9300 активных и пассивных сторонников свержения большевиков.

Что же, 6300 человек – это довольно внушительная цифра. Однако она вызывает некоторые сомнения. Сейчас ее уже невозможно документально подтвердить или опровергнуть. В то же время факт численного перевеса восставших не вызывает сомнений. На это косвенно указывают как сами белые, говоря о «всенародности» восстания, так и сам его ход событий. Но этот же «ход» заставляет усомниться в том, что все заявленные 6300 человек активно участвовали в восстании. Все-таки такой массы агрессивно настроенных и мотивированных людей вполне бы хватило, чтобы еще в начале восстания смять малочисленные кордоны милиции и красноармейцев. Тем более, что основные силы красных были собраны и введены в бой спустя примерно час.

Во-первых, надо было занять территорию завода и обеспечить ее охрану, так как там находилось несколько тысяч рабочих, которые не поддержали восставших и которых фронтовики не выпускали с территории завода, хотя к вечеру большая часть из них перелезла через забор и разошлись по домам. Затем надо было занять и обеспечить охрану вокзала и телефонной станции. Также нужно было обеспечить контроль Заречной части города. Тенсин (ижевский рабочий, очевидец событий) [7, с. 10] вспоминает, что к 15.00 территория между 7-й и 14-й улицами патрулировалась вооруженными рабочими, хотя патрулирование можно было поручить и «примкнувшим».

В полдень фронтовики начали переправляться через пруд в Колтому (ныне – район ИЭМЗ «Купол»), что также требовало людей, причем из числа активных сторонников мятежа.

Обратим внимание на другой важный момент. После того, как на переговорах с заводской делегацией было достигнуто соглашение о сдаче оружия и прекращении сопротивления, рабочие начали сносить и складывать винтовки возле угольных ворот. Вряд ли это были «воздержавшиеся» и «поддерживающие лозунг Учредительного собрания» рабочие. Сдавались те, кто примкнул к мятежу.

Если брать за отправную точку цифру в 6300 человек, представляется правомерным считать, что приняли активное участие в восстании и составили его ударную силу примерно 3000 человек, членов «Союза фронтовиков» и их сторонников. Напомним, что перед этим на митинг 7 августа фронтовиками было собрано около 1500 человек, что говорит о радикальности настроений среди данной части рабочих. Скорее всего, активных участников восстания насчитывалось примерно столько, так как даже 3000 человек было бы достаточно, чтобы разметать 200 деморализованных и недостаточно организованных бойцов. А вот среди 3000 «примкнувших рабочих» как раз и следует искать «поддерживающих лозунг Учредительного собрания» «попутчиков», которые, увидев, что весь мятеж внезапно забуксовал и восставшим не удастся прорваться к Михайловской площади, быстро поддались на уговоры меньшевиков и согласились сдать. На то, что эта группа восставших («попутчики») была довольно значительной по численности, косвенно указывает эпизод, описываемый Тенсиным со слов меньшевика Астраханцева [7, с. 23]. Когда рабочие начали складывать оружие, раздались выстрел, после чего кто-то кинулся к ним с криком: «Смотрите, что вы делаете, вы складываете оружие, а большевики нас убивают». Если бы это была какая-то незначительная группа, то ее бы просто разоружили свои и никакой необходимости в провокации не возникло. Похоже, что у руководителей мятежа не было уверенности в стойкости основной массы фронтовиков и они опасались, что это вызовет цепную реакцию и остальные участники мятежа начнут сдавать оружие и расходиться по домам.

Таким образом, правомерно считать, что активное и непосредственное участие в мятеже, то есть в бою с красноармейцами, принимала лишь часть от общего числа восставших. И если отталкиваться от цифры в 6300 человек, то «идейных» среди них было примерно 3000 человек, тех самых «фронтовиков», а остальные 3000 составляли своего рода массовку и в самом бою активного участия не принимали. Это отчасти подтверждается воспоминаниями Сошникова (одного из членов красноармейского отряда), который говорит, что в финальном штурме Михайловской площади участвовало 2500 человек [12, с. 21].

Теперь пара слов о составе восставших. Не все восставшие были рабочими, хотя, несомненно, что рабочие составляли среди них большинство. Ведь активное участие в мятеже приняли и представители других слоев населения – офицеры, гимназисты, служащие. Также неверно сложившееся в советской историографии разделение на собственно фронтовиков и рабочих, так как «фронтовики» (т. е. лица, призванные в армию в период Первой мировой войны) в массе своей были коренными ижевскими рабочими.

Теперь же обратимся непосредственно к самим событиям 8 августа 1918 г.

Утро 8 августа, казалось, не предвещало ничего необычного. Рабочие находились в цехах. Венгры привычно несли караул у проходных. Красноармейцы были заняты на занятиях во дворе Военного отдела. Большевики готовились к усилению охраны в городе. Однако эта обыденность была обманчива. Так, один из рабочих, Ф. М. Матвеев, вспоминает, что, придя на работу, он почувствовал какое-то напряжение, витавшее в воздухе. Рабочие собирались группами и беседовали [4, с. 2]. Внезапно утренний воздух прорезал рев заводского гудка. Это фронтовики собирали митинг у угольных ворот. К ним стали присоединяться остальные рабочие. Со слов Тензина, собрались 1000–1200 человек [7, с. 11].

Как пишет в своих воспоминаниях полковник Федичкин, гудок, послуживший сигналом к началу митинга, был дан самими фронтовиками [15, с. 471]. Естественно, туда тут же были высланы представители власти. К угольным воротам выехал заместитель начальника милиции Большаков с пятью милиционерами [8, с. 6].

Белые мемуаристы говорят, что они сходу начали разгон митинга. Однако сомнительно, что эти шестеро были настолько лихими ребятами, чтобы сходу начать разгонять тысячную толпу, махая нагайками и стреляя в людей. Ругань и угрозы, возможно, имели место, но стрельба... Ижевские большевики вообще были людьми демократичными и не склонными к пролитию крови.

Сам Большаков описывает это так: «По прибытии на собрание я объяснил присутствующим о преступной провокации, распространяемой контрреволюционерами с целью внести смуту среди рабочих, предложив избрать комиссию, которая бы выяснила в Ревкоме и лично убедилась бы в неверности слухов. Рабочие с таким предложением вполне согласились и хотели приступить к избранию делегации, как вдруг кто-то из толпы сообщил, что в здании Совета выставлены пулеметы и хотят всех нас здесь расстрелять. И действительно, где-то не далеко от собрания раздались два или три провокационных выстрела, которые сначала навели небольшую панику, а потом усилили волнение и недовольство рабочих по адресу Ревкома. Когда я постарался успокоить, указывая на провокационные выходки контрреволюционеров, слышались крики, что вы, мол, с целью приехали, чтобы задержать нас своими баснями и накрыть врасплох. Волнения среди рабочих усиливались, провокационные крики все больше и больше повторялись. Наконец слышались открытые угрозы. Угрозы по моему адресу и приехавших со мной товарищей со стороны тех, кто сознательно задумал спровоцировать рабочих на восстание. В такой обстановке чрезвычайно трудно было говорить, и я ограничился первым предложением об избрании комиссии. Чтобы помешать выборам делегации, специально подготовленная толпа из солдат-фронтовиков решила приступить от слов к действию и стала окружать нас в пленное кольцо для учинения расправы. Двоих приехавших со мной милиционеров эта толпа успела стащить с лошадей и избить их до полусмерти, а все остальные товарищи возвратились в Ревком благополучно» [8, с. 6–7]. Это единственное сколько-нибудь подробное описание того злосчастного митинга, к тому же данное одним из непосредственных участников.

Тем не менее общая канва совпадает у всех, кто касается этой темы: митинг у угольных ворот, нападение на милиционеров, выстрелы, рабочие взбудоражены, начинается разоружение охраны и захват заводских корпусов.

Новость о произошедшем на плотине моментально облетела завод. Пара выстрелов в воздух была раздута до «расстрела безоружных рабочих». Этого было достаточно для того,

чтобы подтолкнуть часть рабочих примкнуть к восстанию. Сложившаяся в городе напряженная обстановка действовала на руку восставшим.

Заговорщики действовали быстро. Немногочисленная охрана завода была быстро разоружена. На всех проходных и у ворот были выставлены свои люди. С территории завода никого не выпускали. В поверочной мастерской в руки восставших попало 1200–1500 винтовок [14, с. 73]. Была занята и телефонная станция. У угольных ворот и у Долгого моста начали организовываться отряды восставших.

Однако большевистское руководство тоже не сидело сложа руки. Узнав о случившемся на митинге, Ревком незамедлительно начал действовать. К Долгому мосту и плотине были высланы отряды милиционеров. Лихвинцев (секретарь исполкома Совета и военный комиссар города Ижевска) и Папирмейстер отправились в Военный отдел, где проходили занятия красноармейцев. Предложив тем, кто еще не получил оружия, разойтись по домам до особого распоряжения, Лихвинцев разделил оставшихся на три отряда. Первый под командой Смирнова был направлен к Долгому мосту и занял позиции по берегу р. Иж. Второй отряд под командой Журавлева занял Михайловскую площадь и территорию, прилегающую к заводоуправлению (набережная ижевского пруда возле плотины, само здание в настоящий момент снесено), там же находились и милиционеры. Третий отряд под командой Тетерина оставался в Военном отделе в качестве резерва. В здании Совета были установлены два пулемета. Один со стороны плотины, другой – со стороны Долгого моста. Еще один пулемет разместили на площади возле собора. В это время, захватив в поверочной мастерской оружие, фронтовики по плотине атаковали позиции милиционеров возле заводоуправления, но Пастухов (председатель Ижевского исполкома) из здания Совета открыл огонь из пулемета в воздух, и нападавшие бросились назад. Согласно воспоминаниям милиционера Сафронова, вначале у милиции был приказ стрелять в воздух [6, с. 11].

В это же время у Долгого моста фронтовики завязали перестрелку с милиционерами. С территории завода восставшие обстреливали само здание Совета.

Стрельба становилась все сильнее. Отряд восставших прорвался через Долгий мост, сбил милицкий заслон, но возле здания Женской гимназии попал под пулеметный огонь, был контратакован подоспевшим отрядом Смирнова и был вынужден вернуться на прежние позиции.

То, что фронтовики не смогли сразу же прорваться в Нагорную часть, было большой удачей для большевиков. Нагорная и Заречная части Ижевска разделены прудом и р. Иж. Пересечь их можно было по плотине, Долгому и Железнодорожному мостам либо вплавь, что создавало большие удобства для обороны, особенно учитывая малочисленность красных. Кроме того, Нагорная часть находилась значительно выше завода и самой Зареки. Позиция в здании Совета позволяла держать под огнем плотину, Долгий мост, пруд и даже территорию завода. Однако эта, казалось бы, прекрасная оборонительная позиция оказалась одним из факторов гибели Ревкома. Силы красных были слишком малочисленны, чтобы долго удерживать даже такое ограниченное число переправ. К тому же они оказались моментально отрезаны от линий связи (фронтовики не отключили телефонную связь, но спокойно прослушивали переговоры красных) и железной дороги, так как вокзал и телефонная станция располагались в Зареке. И самое главное, в Нагорной части проживала наиболее зажиточная и, следовательно, враждебно настроенная к Советам часть жителей, что вскоре сыграет свою роковую роль. Рабочие же в основном проживали в Заречной части, и Ревком оказался моментально отрезан от той части жителей, которая могла бы оказать ему поддержку в борьбе.

В то же время и у восставших имелись свои трудности. Это и нехватка патронов на начальном этапе восстания, и наличие огромной массы отказавшихся их поддержать рабочих, которые могли оказаться бомбой замедленного действия, чей взрыв быстро бы склонил чашу весов в пользу Совета. И если первая проблема была решена посылкой отряда в Гольяны, где было захвачено 240 000 винтовочных патронов [15, с. 94], то вторая дала о себе знать буквально через пару часов.

Около часу дня перестрелка стихла и отряд, залегавший у плотины за стеной заводоуправления, заметил парламентариев [2, с. 13]. Их провели в здание Совета. Большаков пишет, что идея переговоров принадлежала Ревкому. С его слов, он был отправлен к заводу с задачей указать восставшим на возможные последствия их действий и предложить им сдать оружие. Но у центральных ворот он натолкнулся на цепь фронтовиков. Все же Большаков смог договорится с повстанцами, что «Союз фронтовиков» пришлет в здание Совета делегацию для переговоров [8, с. 7]. Однако данный эпизод более никем не упоминается.

Будаков, находившийся в это время в здании Совета в качестве пулеметчика, вспоминает, что это была делегация из трех человек во главе с меньшевиком Попцовым [1, с. 27].

Пока парламентарии восставших находились в здании Совета, фронтовики в лодках стали переправляться в Колтому. Кто-то дал команду открыть огонь. Заработал пулемет. Но тут же с наганом в руке подбежал Матвеев, крича: «Что вы делаете? Ревком ведет переговоры, а вы стреляете». По словам Будакова, большевики потребовали, чтобы рабочие сложили оружие. Делегация отправилась на завод передать эти требования, после чего по телефону сообщили, что рабочие согласны. Однако в это время восставшие попытались перейти Долгий мост и перестрелка вдоль Ижа возобновилась вновь. Ревком, видя, что положение ухудшается, в свою очередь связался со штабом 2-й армии в Сарапуле и, сообщив о происходящем, запросил помощь. В штабе пообещали к утру прислать отряд.

К этому времени восставшие уже контролировали всю Заречную часть города, включая вокзал.

Однако большевики не собирались ограничиваться обороной и попытались перехватить инициативу. По воспоминаниям красноармейца Попцова [5, с. 2], отряд Тетерина около 3 часов дня выступил по Церковной улице в сторону р. Иж с задачей переправиться и атаковать фронтовиков. План строился на предположении, что у тех мало патронов и поэтому несколькими десятками красноармейцев удастся легко перейти реку и отогнать восставших. Однако эти расчеты не оправдались. Попав под ружейный огонь превосходящих сил противника, красноармейцы вернулись на свой берег и залегли. Тетерин запросил из Военного отдела пулемет, рассчитывая пулеметным огнем ослабить сопротивление обороняющихся и перейти реку. Однако доставленный пулемет оказался неисправен.

Надо сказать, что у этого пулемета выдался богатый на события день. Он несколько раз упоминается в воспоминаниях различных участников событий. Сперва, около часу дня, его повезли на подводе к Долгому мосту, но испугавшиеся выстрелов лошади опрокинули подводу, и при падении у пулемета в стволе заклинило патрон. Затем его привезли в здание милиции с целью установить на крыше. Однако, когда пулемет попытались привести в порядок и извлечь перекосивший патрон из ствола, произошел произвольный выстрел, которым был ранен проходивший мимо двери Будаков [6, с. 11]. Затем пулемет отвезли в Военный отдел, а оттуда он уже попал к бойцам Тетерина.

Около трех часов бой в центре вновь стих. На плотине снова появились парламентарии восставших. Эти переговоры упоминаются Матвеевым, Бутиным и Тенсиным, который передает рассказ меньшевика Астраханцева.

Часть меньшевиков, выступавшая против восстания, попыталась примирить обе стороны и решить дело миром. В принципе шансы на это у них были. Основная масса рабочих, как уже говорилось, была заперта фронтовиками на территории завода и участвовать ни в чем не собиралась. Было их значительно больше восставших, и они, несмотря на отсутствие оружия, представляли значительную силу, которая вполне могла при определенных условиях устроить фронтовикам «неприятный сюрприз».

Данные переговоры можно считать доказательством того, что фронтовики слабо контролировали положение дел на территории завода. Кроме того, сам факт, что прошло уже по меньшей мере пять часов, а никаких подвижек не произошло и стороны находились на тех же позициях, что и в начале восстания, играл на руку большевикам и сторонникам мирного разрешения конфликта. Возможно, что и часть рабочих, примкнувших к восстанию, начала испытывать сомнения в удачном исходе всей затеи и заколебалась.

Новая делегация состояла из уже участвовавшего в переговорах меньшевика Попцова и эсера Юминова [14, с. 74]. Со стороны Ревкома переговоры вел Холмогоров (заместитель председателя исполкома Ижевского Совета, начальник Военно-революционного штаба Ижевска). Эти переговоры оказались более успешными. Сторонам удалось договориться о прекращении огня на следующих условиях:

1. Восставшие немедленно сдают все захваченное оружие, которое должно быть снесено к Угольным воротам.
2. Фронтовики, подпадающие под призыв возрастов, немедленно отправляются на фронт под Казань.
3. Ревком считает восстание досадным инцидентом и обязуется не наказывать никого из участников.

После этого Холмогоров проводил парламентариев до памятника Дерябину, откуда те направились к Угольным воротам для передачи рабочим условий сдачи. Холмогоров же

направился в кабинет Пастухова. Особого чуда от этих переговоров большевики не ждали. И у них на то были веские причины. Это и численный перевес восставших, и тот факт, что во время обоих переговоров восставшие открыто продолжали переправу на другой берег пруда [2, с. 14], и срыв первых переговоров. Да и тот факт, что обе делегации представляла не руководителей мятежа, а, по сути, третью сторону, пытавшуюся уладить дело миром, также не прибавлял Ревкому уверенности.

Большевики собирают совещание, на котором решают вывезти ценности из казначейства в Военный отдел и быть готовыми оставить город. Пастухов, Матвеев и Ольшанский направились в казначейство.

В это время делегаты меньшевиков вернулись на завод и передали рабочим условия сдачи. Возражающих не нашлось, и повстанцы (по крайней мере находившиеся у плотины, со стороны пруда) начали собирать оружие в указанное место. Однако подобный поворот дел не входил в планы эсеров. Как приводит слова Астраханцева Тенсин, когда рабочие стали сносить оружие к воротам, с башни завода раздался выстрел и кто-то подбежал к ним с криком: «Смотрите, что вы делаете, вы складываете оружие, а большевики нас убивают» [7, с. 23]. Пастухов в это время заканчивал погрузку ценностей. В. Матвеев тоже упоминает, что, когда выносил последний мешок с николаевками из подвала казначейства, раздался выстрел со стороны башни завода [11, с. 13]. Мирный исход опять был сорван. Возле пруда снова затрещали выстрелы. На этот раз чаша весов стала склоняться в пользу восставших. В тыл к красным пробрались группы фронтовиков, переправившихся через Колтому. Фронтовики начали переправу через Иж, в обход отряда Тетерина, и одновременно начали атаковать отряд Смирнова у Долгого моста. По красноармейцам начали стрелять из окон домов. Одним из таких выстрелов был убит Смирнов. Тетерин же сбежал, бросив своих людей. Оставшиеся без командиров и обстреливаемые со всех сторон красноармейцы запаниковали и начали разбегаться, наиболее стойкие начали отход к Михайловской площади. Узнав о прорыве позиций 1-й роты у Долгого моста и у Ижа и поняв, что фронтовики просочились в тыл, Ревком решает оставить позиции у полтины и здания Совета и стянуть оставшиеся силы к Михайловскому собору. Отряд, занимающий Михайловскую площадь, получает приказ направить часть сил вдоль 7-й улицы для прикрытия эвакуации Совета и казначейства. В это время ранение получает политком Жечев, спешивший с этим приказом к командиру второй роты.

После эвакуации Совета бойцы стягиваются на новые позиции на Михайловской площади. Отходившим к площади от Долгого моста остаток 1-й роты приходилось нелегко. Как вспоминает красноармеец Хмурович, на перекрестках их поджидали группы фронтовиков по 5–6 человек [10, с. 110], которые обстреливали отступающих. В этих условиях отход красных мог закончиться их полным разгромом. Однако фронтовики не сильно утруждали себя преследованием потрепанного и деморализованного противника. По словам Сафронова [6, с. 10], они занялись разгромом здания Совета, благодаря чему оставшимся силам красных удалось собраться у собора и занять новые оборонительные позиции. Произошло это между 17 и 18 часами вечера. Штаб красных переместился в здание Военного отдела. Там же находились отряд венгров и четыре телеги с деньгами, пулеметами и другим имуществом. Еще один небольшой отряд охранял пороховой погреб. Из Военного отдела Папирмейстер вновь связался с Сарапулом и, сообщив о критическом положении, потребовал прислать помощь. В третий раз все стихло. Фронтовики стали готовиться к решающей атаке.

Среди и так малочисленных красноармейцев началось дезертирство. Сафронов пишет, что после отхода к собору бойцы под разными предлогами стали расходиться по домам. Основным предлогом, с его слов, было то, что наступает вечер, холодает и надо одеться теплее [6, с. 11].

В 10 вечера фронтовики пошли на решающий штурм. По словам Сошникова, в нем участвовало 2500 человек [12, с. 21]. На площади началась стрельба. В. Михайлов отправился выяснить, что происходит. Завязался бой, но оставшиеся красноармейцы, почти не оказывая сопротивления, разбежались. В это время в бою у водонапорной погиб Холмогоров. Пастухов решил не дожидаться новостей и с отрядом и ценностями покинуть город. Обоз покинул двор Военного отдела и, беспрестанно обстреливаемый на улицах, тем не менее смог выбраться из города и направиться в сторону Воткинска. Еще четыре человека вместе с редактором «Ижевской правды» Михайловым на одной телеге с пулеметом [10, с. 110] направились по Якшур-Бодьинскому тракту к станции Чепца. Матвеев смог добраться до г. Вятки (ныне – Киров) и сообщить губерньским властям о случившемся.

Итак, цепь у собора рассеяна атакующими. Восставшие ворвались в покинутое здание Военного отдела и освободили арестованных лидеров «Союза фронтовиков». Со слов Хмуровича, многие члены партии требовали расстрелять их. В частности, Бабушкин настаивал на этом за несколько часов до ухода из Ижевска. Однако руководители Совета отказались от этого предложения.

Бабушкину, Михайлову, Осинцеву, Булдакову, Сошникову и группе красноармейцев, всего 20 человек [12, с. 25], удалось покинуть площадь и пробраться к пороховому погребу. О том, что происходило далее (включая и отступление данного отряда под началом председателя Ижевской ЧК Бабушкина), известно по воспоминаниям Сошникова.

Соединившись с охранявшим пороховой погреб отрядом Циганчука, Бабушкин берет командование на себя, после чего решает с отрядом, в котором теперь было 35 человек [12, с. 27], покинуть город. Но между большевиками произошел спор. Бабушкин торопил всех с отходом и хотел просто оставить погреб со всем имуществом. Другие возражали и требовали при отходе взорвать его. В целом ситуация проста. Бабушкин запаниковал, опасаясь что вот-вот сюда нагрянут фронтовики и тогда уйти вообще не удастся. Другие же не хотели оставлять в руках противника солидный запас боеприпасов. Со слов Сошникова, несмотря на отсутствие ключей от дверей хранилища, он предлагал взорвать погреб с помощью бикфордова шнура. (Хотя не понятно, как он собирался это сделать. Допустим, можно как-то просунуть шнур под дверь. Но, во-первых, где гарантия, что шнур уперся бы в ящики со взрывчаткой или бикфордовым шнуром, а не остался просто лежать посреди пола. Во-вторых, боеприпасы от пары искр не взрываются. Конечно, в погребе хранился порох, который легко детонирует от простой искры, но и порох не хранился открыто, да и как Сошников собирался через закрытую дверь подвести шнур именно к тому месту, где этот порох лежал?) Так или иначе, Бабушкин отказался от этой идеи, даже после того, как ему разъяснили принцип действия (в воспоминаниях Сошников не поясняет, в чем же этот принцип заключался). Остальные, посоветовавшись между собой, подчинились решению Бабушкина, возложив на него всю ответственность.

Рассиживаться дальше было нельзя, надо было уходить. Восставшие, зачистив Михайловскую площадь, готовились к штурму погреба. Красноармейцы успели покинуть его около полуночи, перед самым началом штурма. Как вспоминает Сошников, когда, уходя, они поднялись на окружавший погреб вал, он увидел в ночном небе две ракеты, с севера и юго-востока. Это был сигнал фронтовиков о начале штурма. Красные бегом бросились в сторону деревни Карлутка. Ижевск оказался полностью в руках восставших.

Уцелевшие большевики и красноармейцы вышли из города тремя группами – отряды Пастухова и Бабушкина и группа в четыре человека во главе с Матвеевым.

Самым многочисленным был отряд Пастухова. По данным Хмуровича, в нем было 87 человек, из них 60 – венгры. В числе прочих находились лидеры Ижевского Совета Михаил Пастухов, Рогалев, Фокин, Козлов, Какоулин. Все были вооружены винтовками. Кроме того, имелось 5 пулеметов. На двух телегах везли деньги из казначейства, патроны и другое имущество [10, с. 111–112]. Решено было двигаться к Воткинску. На рассвете возле деревни Пазелы Пастухов устроил привал и выслал к Ижевску трех конных разведчиков. Но они натолкнулись на повстанцев, и один разведчик попал в плен, после чего отряд двинулся дальше, в сторону Воткинской железной дороги.

Выйдя к железнодорожному полотну, красноармейцы увидели движущийся к Ижевску со стороны Воткинска состав. Это были спешившие на помощь Ижевску воткинские красногвардейцы.

Узнав о восстании, воткинцы незамедлительно выслали в сторону Ижевска отряд в 300 человек [9, с. 31], который занял село Июльское.

Этот состав и увидели бойцы Пастухова. Но красным в эти дни не везло. Посланный Пастуховым в Июльское разведчик, сохранилось даже его имя – Михаил Евстафьев [3, с. 9], вернувшись, сообщил, что село и станция заняты воткинскими фронтовиками. Похоже, что в рядах самих красноармейцев находились предатели.

Если бы командиры решили все же проверить его сообщение, они бы узнали, что село занято своими же. Но вместо этого, как пишет Хмурович, посоветовавшись, Рогалев, Фокин, Козлов, М. Пастухов и Какоулин решили закопать ценности и распустить отряд. Членам отряда выдали по 500 рублей и предложили идти, куда им хочется. После этого, как пишет тот же Хмурович, группа большевиков, включая Рогалева, Фокина, Сизова, Ильина, Лаврентьева, Михаила Пастухова, Какоулина и Никитина, направилась в неизвестном направлении, забрав с собой обе телеги с ценностями [10, с. 112]. Возможно, посчитав, что Воткинск тоже занят бе-

лыми, большевики решили, что дальше таким крупным отрядом перемещаться небезопасно. Он мог быть легко обнаружен и уничтожен повстанцами. Поодиночке же легче будет пробраться к своим или где-то затаиться. Однако их расчеты не оправдались. Не все бойцы смогли пробраться к своим. Часть их вернулись в Ижевск, где они были арестованы. Рогалев, Фокин и Пастухов, закопав деньги, также двинулись в сторону Ижевска. Зачем? Этого мы уже никогда не узнаем. Недалеко от Воложки они натолкнулись на группу вооруженных повстанцев. Приняв их за своих, Рогалев вышел к ним навстречу и был схвачен. Затем был убит Фокин. Пастухов смог бежать, но и он впоследствии был схвачен, доставлен в Ижевск и после нескольких дней допросов и пыток казнен. Другим повезло больше. Тот же Хмурович ушел на север и на станции Чепца встретил группу Матвеева, вместе с которой и добрался до г. Вятки.

Не менее трагично сложилась судьба отряда Бабушкина. Покинув пороховой погреб, отряд через лес двинулся в сторону деревни Карлутка. Дошли до опушки Карлутского леса и выяснили, что деревня занята фронтниками. После небольшого привала пошли к деревне Ярушки. Здесь произошел курьезный случай. Как вспоминает Сошников, отойдя немного от места стоянки, заметили, что Бабушкина нет. Бойцы решили, что он сбежал. Было решено вернуться и проверить стоянку. Оказалось что Бабушкин мирно спит под деревом и даже не подозревает, что все ушли. У входа в Ярушки красноармейцев встретила толпа вооруженных вилами и кольями крестьян. Оказалось, крестьяне были встревожены происходящим в Ижевске и готовились встретить отряд белых. Прояснив недоразумение, Бабушкин попросил подводы. Крестьяне согласились. Доехав на подводах до села Завьялово, красноармейцы не решились сразу входить в село, а выслали разведку. Восставших в селе не оказалось, но местное население также было встревожено слухами о восстании против советской власти (Ярушки и Завьялово были удмуртскими поселками). Здесь Бабушкин решил связаться по телефону с железнодорожниками в селе Гольяны и потребовать паровоз для переезда с отрядом на Каму. По словам Сошникова, телефон был переключен на связь с Ижевском, Бабушкин же этого не заметил и думал, что общается с гольянскими железнодорожниками [12, с. 29]. Однако кое-кому показалось странным поведение присутствовавшего при разговоре начальника станции, и в головы некоторых закралось сомнение, а с Гольянами ли разговаривал Бабушкин? Но, прождав несколько часов и так и не дождавшись обещанного состава, отряд двинулся пешком вдоль железной дороги дальше. Возле станции Барашки сделали привал. Часть людей ушла в деревню за продуктами, часть расположилась в поле недалеко от путей. В это время со стороны Ижевска подошел паровоз с пятью вагонами. Это были фронтники. Отряд Бабушкина был окружен. Завязался бой. Как вспоминает Сошников, красноармейцы метались в окружении не в силах вырваться. Метался и Бабушкин, который своими метаниями и угрозами только усиливал общий хаос. В итоге ему с одним отделением все же удалось вырваться из окружения и пробраться в Сарапул. Остатки отряда были взяты в плен.

Но это лишь отсрочило его гибель. Беспокойная чекистская натура, вкупе с обстоятельствами, потянула Бабушкина обратно в Ижевск. Где-то 10 или 12 августа он выехал из Сарапула по железной дороге через Агрыз, в составе отряда Бычкова, численностью в 219 человек пехоты [12, с. 41]. Узнав, что со стороны Агрыза движется отряд красных, ижевцы разобрали железнодорожный путь и устроили засаду в 6 километрах южнее города. По словам Ефимова, в этой операции участвовало 300 повстанцев [13, с. 55]. Отряд почти в полном составе попал в плен.

Бабушкин был доставлен в Ижевск и расстрелян вместе несколькими другими большевиками, о чем было объявлено Солдатовым на митинге 13 августа. Единственным спасшимся оказался местный большевик Циганчук, который выдал себя за чеха, смог вернуться в Агрыз, где примкнул к 4-му продполку Иванова и затем участвовал в боях в составе отряда Чеверева.

Самая малочисленная группа ижевских большевиков под руководством Матвеева, как уже говорилось, оказалась самой удачливой. Добравшись через село Игра до станции Чепца, Матвеев прибыл поездом в Вятку.

На этом злоключения защитников Ижевска заканчиваются. Большинство из них погибли или попали в ижевские тюрьмы. Лишь немногие смогли скрыться и продолжить борьбу.

Но, что же в это время делал штаб 2-й армии? Ведь там обещали прислать помощь.

Утром 9 августа из Сарапула по железной дороге, через Агрыз, к Ижевску выехал отряд, насчитывавший 250 человек [5, с. 3]. Федичкин пишет, что в отряде было 360 человек [15, с. 473]. Попцов в этот день уже был арестован, однако он мог узнать подробности от пленных бойцов этого отряда.

До Ижевска красноармейцы не добрались. Утром с линии Казанской железной дороги восставшим сообщили, что в сторону Ижевска движется отряд красных. Как пишет Федичкин,

он, собрав 300 фронтовиков, выступил навстречу [15, с. 473]. В 5 верстах под Ижевском красноармейцы попали в засаду и были в полном составе взяты в плен.

Так заканчивается начальный этап Ижевско-Воткинского восстания. Советская власть в Ижевске была ликвидирована. Погибли многие функционеры и сторонники большевиков, а сам город на три месяца оказался под властью эсеров.

Какие же факторы привели к падению Совета и был ли у Совета шанс справиться с мятежниками? Факторы давно известны:

1. Малочисленность защитников советской власти.
2. Плохая подготовка личного состава.
3. Отсутствие своевременной помощи от 2-й армии и воткинского Совета.
4. Невыгодное (с «политической» точки зрения) расположение красных отрядов. Основные советские учреждения и силы красных располагались в Нагорной части города, где проживали более зажиточные жители Ижевска, которые, естественно, были настроены враждебно к советской власти. Отсюда и пресловутая стрельба из окон по красноармейцам. Кроме того, Ревком оказался отрезан от железной дороги, линий связи и, самое важное, рабочих, которые могли его поддержать.

5. Личный фактор. Ижевские большевики оказались недалёковидными руководителями и очень наивными людьми. Иначе трудно объяснить два момента. Первый – почему заранее не были приняты жесткие меры против заговорщиков, тем более что Совет и ЧК знали о готовящемся выступлении, а арестованных накануне мятежа в большинстве своем отпустили. Второй – почему потом некоторые большевики, с таким трудом покинув город, на следующий же день вернулись назад, прямоком в руки повстанцев. В то же время руководители мятежа оказались более последовательными и расторопными в своих действиях.

Пункты 1, 2 и 4 не позволили большевикам реализовать плюсы их оборонительной позиции. Если абстрагироваться от политического фактора, то Нагорная часть имела ряд тактических преимуществ – это высота относительно Заречной части и территории завода, наличие двух водных преград, затрудняющих действия атакующих, – пруд и р. Иж. Имея преимущество в высоте и используя Иж как естественную водную преграду, можно было бы довольно успешно обороняться, держа Долгий мост, плотину, берег Ижа и пруд под пулеметным огнем, да и территория завода довольно неплохо простреливалась из здания Совета.

Что касается второго вопроса, то тут есть два «если», столь нелюбимых профессиональными историками. Первое «если» – это своевременное прибытие подкреплений. Учитывая не очень высокий боевой дух половины восставших, лишние 200 штыков, при решительных действиях, вполне могли в корне изменить положение дел и обеспечить победу Совета. Но, как уже отмечалось, помощь из Сарапула выехала только утром 9 августа, так что на что-либо повлиять данный отряд уже не мог. Продотряды, действовавшие в данном районе и насчитывавшие 3–4 тысячи человек, никак не могли помочь Ижевску в тот день, так как были разбросаны по огромной территории от Воткинска до Вавожа и не существовало никакой какой физической возможности даже просто оповестить их.

Второе «если» – это удачный исход переговоров с делегацией меньшевиков. Сейчас уже нельзя сказать, могли ли большевики как-то купировать провокации фронтовиков и как бы повлиял факт сдачи половины восставших на оставшихся «активистов». Однако логично предположить, что если бы сдача оружия прошла успешно, то это поставило бы точку на всем мятеже.

Суммируя все вышесказанное, можно дать твердый ответ – нет. У большевистского руководства Ижевска не было шансов ни подавить восстание в тот же самый день, ни решить дело миром, так как все факторы работали против них. В перспективе в течение августа 2-я армия имела вполне реальные шансы раздавить мятеж, стянув для этого более крупные силы, что и было сделано. Однако просчеты командования при планировании данной операции и несогласованность действий начальников отрядов не позволили этого сделать.

В то же время ход восстания 8 августа 1918 г. показывает, что повстанцы не имели широкой поддержки среди жителей Ижевска, особенно среди рабочих. На это указывают как факты переговоров между Советом и рабочими о сдаче оружия, так и сами события. Как уже отмечалось, в случае действительно массового выступления рабочих малочисленные силы большевиков были бы сметены уже к полудню. Однако восставшим пришлось прилагать значительные усилия, для того чтобы не только одержать верх в военном противостоянии, но и удержать под контролем большую часть примкнувших к ним рабочих. Все указывает на то, что правомерной стоит считать цифру в две тысячи сколько-нибудь активных повстанцев

[14, с. 73], т. е. примерно одна десятая часть всех рабочих в городе. Это полностью опровергает утверждения белоэмигрантской историографии о всенародном характере мятежа и говорит о том, что, несмотря на довольно высокий уровень недовольства, население в целом было настроено на компромисс с большевиками.

Список литературы

1. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 22.
2. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 24.
3. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 52.
4. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 58.
5. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 70.
6. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 86.
7. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 91.
8. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 106.
9. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 28.
10. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 29.
11. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 41.
12. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 47.
13. *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М. : АЙРИС-пресс, 2008.
14. *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск : Удмуртия, 1992.
15. *Коробейников А. В.* Ижевско-Воткинское восстание: правота побежденных. Ижевск : ИДНАКАР, 2018.

Anti-Bolshevist uprising of workers in Izhevsk August 8, 1918

V. A. Zakharov

member of the Udmurt regional branch of the Russian society of historians and archivists.
Russia, Izhevsk. E-mail: vasilyZx@yandex.ru

Abstract. This article is an attempt to restore as much detail as possible the course of events of the anti-Soviet uprising of the «Union of veterans» in Izhevsk on August 8–9, 1918, which served as the beginning of the Izhevsk-Votkinsk rebellion. Despite the fact that these events were the largest armed statement of workers against the Soviet government, they are still poorly studied by historical science and contain many «white spots», which in turn creates favorable conditions for various speculations on this topic. In addition to the reconstruction of the events of August 8, 1918 this article analyzes the reasons for the defeat of the supporters of the Soviet power, based on the balance of power and the location of the parties, as well as the possibility of a positive outcome for them itself. The article is made on the basis of archival materials of Center of Documentation of the Newest History of Udmurt Republic (memories of participants of events).

Keywords: Izhevsk-Votkinsk rebellion, «Union of veterans», 1918, anti-Soviet uprising, the Ural workers, Kama region, the Eastern front, the uprising of the workers.

References

1. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 22.
2. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 24.
3. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 52.
4. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 58.
5. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 70.
6. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 86.
7. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 91.
8. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 106.
9. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 28.
10. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 29.
11. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 41.
12. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 47.
13. *Efimov A. G.* *Izhevcy i votkincy. Bor'ba s bol'shevikami 1918–1920* [Citizen of Izhevsk and Votkinsk. The fight against the Bolsheviks in 1918–1920]. M. IRIS-press. 2008.
14. *Dmitriev P. N., Kulikov K. I.* *Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rajon* [Mutiny in the Izhevsk-Votkinsk area]. Izhevsk. Udmurtia. 1992.
15. *Korobeynikov A. V.* *Izhevsko-Votkinskoe vosstanie: pravota pobezhdennyh* [The Izhevsk-Votkinsk uprising: the right of the vanquished]. Izhevsk. IDNAKAR. 2018.

**«Вот называется друг, – мерзавец,
а еще сидел рядом с товарищем Сталиным».
О драматургии политических коммуникаций
послевоенного времени**

А. В. Чашухин

кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики». Россия, г. Пермь. E-mail: achashuhin@hse.ru

Аннотация. На примере агитационных мероприятий, посвященных фултонской речи У. Черчилля, делается попытка выявить особенности коммуникаций власти и населения. Политические ритуалы позднего сталинизма рассматриваются как особые театральные действия, обладавшие способностью формировать социальную реальность послевоенного времени. Используемая в статье драматургическая оптика позволяет выявить правила использования политического языка, обнаружить разрывы между государственной идеологией и представлениями советских граждан. Анализ отчетов партийных функционеров, ответственных за проведение агитационных мероприятий, обнаруживает представления и практики, выходящие за рамки идеологических кампаний. Лекции о международном положении становились площадкой, на которой рабочие обретали возможность требовательного голоса по отношению к власти.

Ключевые слова: сталинизм, фултонская речь, драматургия, перформативность, пропаганда, идеология, практики, тактики.

Цитату, вынесенную в заголовок этой статьи, посчитал своим долгом представить своему начальству один партийный работник г. Молотова. С его слов, именно так выражал свое искреннее возмущение действиями Уинстона Черчилля рабочий одного из заводов в середине марта 1946 г. Двуличие недавнего союзника объяснялось посредством отсылки к знаменитому снимку «большой тройки»: «...а еще сидел рядом с товарищем Сталиным» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 17). В исторической научной и популярной литературе фултонская речь обычно рассматривается в контексте международной политики. Не так давно одна из коллег жаловалась на то, что студенты на семинарах, посвященных началу холодной войны, неизменно употребляют местоимение «мы». Наверное, это не случайно. Британский премьер, президент США, генеральный секретарь ВКП(б). Читателю лестно оказаться в кругу лиц, ответственных за принятие судьбоносных решений. В подобной идентификационной рамке легко игнорировать другие лица – миллионы советских людей, к которым была обращена советская агитация и пропаганда. Между тем для рабочего промышленного предприятия, колхозника, школьного учителя, советского служащего политические ритуалы и агитация были частью социальной реальности. Для этих людей события, последовавшие после фултонской речи, были ярким примером работы советской пропагандистской машины. Ведь интервью Сталина корреспонденту «Правды» было адресовано не премьер-министру, а советскому населению.

В этой статье мы попытаемся понять некоторые механизмы работы пропагандистской машины позднего сталинизма. Точнее, способы и приемы коммуникации представителей власти и населения в рамках организованных политических ритуалов. Рассматривая государственную идеологию, мы зачастую оказываемся в плену стереотипов. Природа сталинского режима нередко создает представления о беспроблемной работе пропаганды и агитации. Противоположная точка зрения обращает внимание на несовпадение голоса «простого» человека и транслируемой сверху идеологии, предполагает наличие автономного субъекта, который обладает возможностью если не сопротивления, то перенаправления языка власти [10, с. 68–83; 6, с. 55–89; 5, с. 183–193]. В этой статье мы попытаемся уйти от проблемы интериоризации советским человеком ценностей государственной идеологии. Поставим проблему иначе. Политические ритуалы сталинской эпохи можно представить в форме особой драматургии. В форме спектаклей, которые осуществлялись по определенным сценариям. В этих

массовых действиях участники играли различные роли. Сценарий и расписанные диалоги во все не предполагают тождества различных исполнений. Актер может забыть или перепутать реплику. Из зала неожиданно может раздаться голос резонера. Неверно подобранные декорации могут исказить драматургический эффект [4, с. 54–63]. Политические ритуалы сталинской эпохи обладали перформативностью – свойством создавать реальность, в рамках которой происходили коммуникации между агентами власти и населением. Что дает нам изучение драматургии политических ритуалов? Во-первых, мы можем понять представления о нормах и девиациях в использовании политического языка. Во-вторых, изучение драматургии агитационных мероприятий позволяет реконструировать практики сложных коммуникаций в процессе организации и проведения политического ритуала. В-третьих, эта оптика позволяет обнаружить смысловые разрывы между предписанным сценарием и игрой актеров. Разрывы, которые позволяют говорить о практиках и представлениях обычных граждан, чье мнение могло быть отличным от транслируемой сверху идеологии.

Работа институтов, ответственных за идеологию, не была беспроблемной. Так, Д. Бранденбергер, рассматривая в своих работах изменение советской идеологии в 1930–40-е гг., обращает внимание на проблему низкой квалификации лиц, ответственных за трансляцию идеологии в массы, – агитаторов, лекторов, школьных учителей. Несмотря на это, многие элементы «национал-большевизма» и (или) «руссцентризма» были освоены в массовом сознании советского человека в годы войны [1, с. 126–144; 2, с. 246–274]. С последним можно спорить или соглашаться. Между тем следует признать, источники, которые оказываются в нашем распоряжении, крайне редко дают возможность «замерить» степень распространения государственных идей «в массах». Чрезвычайно сложно говорить и об искренности советского человека, который озвучивал официальные лозунги на организованном митинге. Еще сложнее – о связи индивидуальной рефлексии и публичного поведения советского человека. Мемуары имеют дело с интерпретацией «постфактум». Дневниковые записи, даже если имели антисоветский характер, необязательно вели к практическим действиям [3, с. 4–62].

Пролить свет на политическую драматургию сталинской эпохи способны источники, которые на партийном языке именовались «*о характерных вопросах, задаваемых на собраниях, лекциях, беседах*». Эти документы были призваны фиксировать обратную связь с населением, его реакции на транслируемую сверху информацию [7, с. 45–52]. Составитель отчета ориентировался на вышестоящее руководство, в глазах которого состоявшийся митинг или беседа должны были выглядеть успешно проведенными. Что это означало? Во-первых, необходимо было доложить о проведенной подготовительной работе среди низового звена агитаторов. Во-вторых, описать проведение митинга среди рабочих конкретного предприятия. В-третьих, задокументировать, с указанием конкретных имен и занимаемых должностей, политически правильные (или неправильные) реакции трудящихся в форме реплик и выступлений. В-четвертых, зафиксировать вопросы, которые трудящиеся задавали во время агитационного мероприятия. Смысловое совпадение указанных частей означало успешную коммуникацию, достижение необходимого перформанса. Смысловой разрыв, например неверные с политической точки зрения суждения рабочих, был указанием на наличие проблемы, которая могла интерпретироваться как антисоветская деятельность или как следствие недоработок ответственных лиц.

Итак, 14 марта в газете «Правда» появилось интервью Сталина (Правда. 1946. 14 марта). Этот публичный ответ на речь бывшего премьер-министра был предварен публикациями в советской прессе. Через три дня после фултонской речи внимательный советский читатель мог обнаружить информацию ТАСС о выступлении Черчилля и об откликах на нее за рубежом (Звезда. 1946. 9 марта). 11 марта в «Правде» появляется статья под названием «*Черчилль бряцает оружием*» (Правда. 1946. 11 марта). Наконец, 14 марта был нанесен главный удар – интервью Сталина. Этот ответ уже следовал сложившейся традиции. В своем выступлении генеральный секретарь интерпретировал придуманные или выдернутые из контекста фразы оппонента. Сталин обвинял Черчилля в развязывании войны и уподоблял бывшего премьер-министра Гитлеру, отрицал экспансионистские устремления СССР в Восточной Европе, объясняя исторической закономерностью рост влияния коммунистических партий за пределами Советского Союза. Бывший союзник был удостоен титула «*закоренелый тор*», который отличался «*донкихотскими замашками*». Речевой оборот «*интервью тов. Сталина с корреспондентом “Правды”*» в партийных документах приводился без малейших изменений. Имя журналиста не упоминалось. Стоять в одном ряду с именем вождя оно не могло.

Вряд ли бывший премьер-министр Великобритании догадывался о том, какая работа будет проделана в ближайшие недели тысячами журналистов, агитаторов и лекторов в Советском Союзе. Так, секретари двух райкомов г. Молотов отчитывались перед городским начальством о проделанной работе: «По неполным данным, по району проведено 320 бесед, ими охвачено 19.800 человек ...Всего по интервью тов. Сталина с корреспондентом "Правды" проведено 1244 бесед, 1480 читок, с общим охватом 20380 ч.» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 16, 44). В отчетах о реакциях трудящихся на интервью Сталина и фултонскую речь Черчилля не было места импровизациям. «14 марта 1946 года в парткоме завода им. Молотова было проведено совещание партторгов цехов завода, на котором даны указания, как правильно развернуть работу партийных организаций по разъяснению интервью тов. Сталина среди рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода. 15 марта в Райкоме ВКП(б) проведен семинар для зав. агитационными пунктами, где также даны указания, как нужно разъяснять интервью т. Сталина среди населения района. Кроме этого многих секретарей первичных организаций вызывали в отдел агитации и пропаганды РК ВКП(б), где давали соответствующие указания по поводу ознакомления рабочих и служащих района с интервью т. Сталина» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10). Мобилизация агитаторов начиналась в день официального выхода статьи в «Правде». Секретари первичек, агитаторы, партторги выходили «в люди» после полученных инструкций работы с текстом. Проводимые мероприятия фиксировались в отчетах, в которых указывалась и реакция населения. Выступления трудящихся тоже были заранее прописаны в сценарии политического спектакля. «Я презираю Черчилля как поджигателя войны. Но ответ тов. Сталина корреспонденту "Правды" воодушевляет нас на новые трудовые подвиги, на укрепление блока коммунистов и беспартийных, в связи с этим я подаю заявление о приеме меня в ряды коммунистической партии» (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10). Как уже говорилось, массовые политические мероприятия обладали перформативностью – свойством конструирования реальности. Так, приведенная выше фраза не описывала, а переопределяла ситуацию¹. Каким образом это осуществлялось? Для ответа на этот вопрос обратим внимание на место глаголов и местоимений (или существительных) в подобных публичных высказываниях. «Мы не можем забыть... Кое-где забывают... Мы усилим... Мы возьмем... Мы заставим замолчать... Мы дадим отпор... Сталин выразил мнение всего народа... Капиталистическая система делает вылазки... Народы мира не допустят... Трудящиеся не должны успокаиваться... Советский Союз найдет силы... Советский Союз завоевал... Мы выражаем любовь и веру... Мы теснее сплотим... Мы берем обязательства... Обязывает нас выполнить... Я презираю Черчилля... Я беру обязательства... Черчилль болтает... Черчилль будет бит... Они будут биты... Угроза войны будет бита... Они стремятся поработить народы... Народ сумеет... Народ будет поддержан» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10–20). Перформативные высказывания направляются на определение и публичную презентацию своей политической идентичности посредством одновременного конструирования образа Другого. Эта идентификация строилась на различении своих и чужих, которые наделялись оценочными позитивными и негативными характеристиками, обладали положительной и несокрушимой силой или достойной презрения слабостью. Мы (народ, СССР) все помним и обладаем силой, которая позволит нам взять, заставить замолчать, дать отпор Им (Ему). Они (капиталистическая система, Черчилль) угрожают войной, поработают народы. Но они слабы, только болтают, и поэтому будут биты. Ведь их мощь и поддержка несопоставима с Нашими силами. Мы готовы их продемонстрировать новыми обязательствами по перевыполнению плана, вступлением в партию, готовностью снова вести войну до победного конца.

Публичные высказывания трудящихся, которые озвучивали заготовленные фразы, имели в своей основе текст самого вождя. Подтверждением тому является простое сопостав-

¹ Использование понятия перформативной составляющей при интерпретации советских текстов является одной из главных идей Алексея Юрчак. Между тем Алексей Юрчак применяет его преимущественно по отношению к позднесоветским текстам, отличая их от текстов сталинской эпохи. По его мнению, в процессе десталинизации происходит так называемый перформативный сдвиг, форма или перформативная составляющая идеологических текстов становится определяющей в сравнении с констатирующей функцией, направленной на передачу смысла. См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак ; предисл. А. Беляева ; пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 62–71. Не отрицая отличий политического языка сталинской эпохи от позднесоветского времени, мы отстаиваем тезис о том, что перформативная составляющая была чрезвычайно важна и для сталинского политического языка.

ление передовицы «Правды» с речью выступавших. Сталин: «...Но если им это удастся, – что маловероятно, ибо миллионы “простых людей” стоят на страже дела мира, – то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад» (Правда. 1946. 14 марта). Рабочий Чарухин с 3-го участка Порты Молотов: «Сталин своими словами выразил мнение всего народа Советского Союза, и мы, говорит Чарухин, стоим за свою Родину, и если Черчиллю и удастся развязать войну, то они будут биты так же, как были биты в прошлом, 26 лет тому назад. Русского народа не победить» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 16). Сталин: «Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них». Рабочий участка № 4 Порты Молотов т. Кондрашин сказал: «Мы не можем забыть колоссальных жертв Второй мировой войны и будем впредь стоять на страже мира. Советский Союз найдет силы и средства дать ответ поджигателям войны». Сталин: «Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья паразитически напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 16). Рабочий: «Товарищ Сталин ясно ответил, что все миролюбивые народы мира не допустят и не дадут возможности Черчиллю выступить в шкуре Гитлера» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 19). Сходство речевых оборотов, используемых эпитетов и метафор очевидно. Между тем представленные фразы не являются продуктом простого формального цитирования. Здесь более уместна метафора *гипертекста*, который предполагает использование первоисточника на основе выработанного заранее ассоциативного ряда. Правильное построение подготовленной речи «рядового рабочего» должно было сочетать авторский текст вводя с образами и лексикой «простого советского человека». Под ним понимался, конечно, не реальный труженик, погруженный в лишения военного времени. Речь идет о роли, сообразно которой политический язык должен был по-разному звучать в устах «рабочего», «колхозника» или «инженера». Так, если рабочий после «искренного возмущения» выходками У. Черчилля и горячим одобрением ответа Сталина брал на себя выполнение повышенных плановых показателей, то учительница обещала развивать культуру. Женщина-мать получала больше возможностей для выражения экспрессии. «Столько злобы у меня, – говорит она, – кажется, перегрызла бы его зубами. Мы, матери, не можем забыть того горя и слез, той пролитой крови, что было вызвано войной. Мы выражаем глубокую любовь и веру тов. Сталину, наше счастье, что на страже мира стоит тов. Сталин. Черчилль со своей кликой будет бит так же, как Гитлер, если попытается развязать против нас войну» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10, 16.).

На первый взгляд, в этих сюжетах мы видим известные приемы пропаганды. Заготовленные в соответствующих инстанциях тексты вкладываются в уста рабочих, которые правильным образом играют свою роль. Их выступление фиксируется в отчете, что является для вышестоящих инстанций подтверждением успешно проведенного агитационного мероприятия. Перед нами – полное совпадение сценария политического ритуала с его исполнением. Иначе обстоит дело, когда автор отчета переходит к описанию вопросов трудящихся. Рабочие требуют уточнений, выясняют возможные последствия речи Черчилля. «Может ли повлиять выступление Черчилля на наши взаимоотношения с Англией? ...Как относится Трумэн к речи Черчилля и наши взаимоотношения с США? ...Как относится английское правительство на выступление Черчилля» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 21). Ситуация политического ритуала требовала интерактивности. Подобные вопросы можно сравнить с технологией обучения иностранному языку, когда повествовательные конструкции превращаются в вопросительные предложения. Так, по вопросу «Каковы отзывы иностранной печати на речь Черчилля?» (там же, л. 21) сложно представить себе желание политически грамотного рабочего узнать реальную обстановку на Западе. Отзывы иностранной печати, общественных деятелей на фултонскую речь после необходимой редакции печатались в советской прессе (Звезда. 1946. 16 марта, 23 марта). Лектору или агитатору это было известно. Вопрос о загранице, вычитанный из советских газет, предполагал ответ по газетному материалу. Другое дело, что политический язык мог причудливым образом видоизменяться при переходе в устный регистр. Использование шаблонов советской прессы не гарантировало правильного их применения. Создается впечатление, что рабочие, пытаясь поддержать митинг или беседу о фултонской речи, регулярно спрашивают... о другом. «Что предпринимает итальянское правительство по ликвидации армии Андерсена (так изменилось имя генерала Андерса в тексте отчета. – А. Ч.)? ...Имеются ли в Китае японские войска и в каком количестве? ...Как эвакуируют из Китая американские и английские войска?» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 22). Каким обра-

зом фултонская речь У. Черчилля соотносится с польскими войсками в Италии или обстановкой в Китае? Каким образом связано «интервью товарища Сталина» с еврейскими волнениями в Палестине и судьбой финского главнокомандующего? «Чем объяснить волнение в Палестине и восстание евреев против англичан? Чем объяснить уход в отставку Маннергейма и почему он не привлечен к судебной ответственности?» (там же, л. 22). Если вопросы о возможном союзе Англии, США и Франции выглядят как имеющие отношения к делу, то реплики, связанные со странами Азии или Латинской Америки, казалось бы, используются не к месту². В одной из предыдущих статей мной высказывалось предположение о том, что подобные вопросы упорядочивали воображаемую политическую карту, многие обозначения которой актуализировались во время войны. Временное исчезновение из сводок или газет того или иного персонажа не оставалось незамеченным (11, с. 180–188). В нашем случае «интервью товарища Сталина корреспонденту газеты «Правда»» относилось к далекому воображаемому миру внешней политики, сконструированной по лекалам советских газет. Если в одной газете можно было обнаружить интервью вождя и сообщения о гражданской войне в Китае, возможно, эти события становились связанными и в жизненных мирах рабочего и агитатора.

Совершенно иначе выглядят иные вопросы, которые фиксировали лекторы. Речь идет о репликах, связанных с локальным миром повседневности. «Почему плохо занимаются благоустройством Молотовского района? Газета «Звезда» писала, что т. Быховский дал согласие асфальтировать улицу 1905 года до сада, а фактически заасфальтировали 1 квартал, и работы прекратили... Когда будет разрешен вопрос о нормальной переправе через реку Каму против Молотовского района за счет строительства хотя бы понтонного моста?» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 28). Каким образом эти вопросы оказались в одном ряду с публичными гневными выступлениями в адрес У. Черчилля? В позднесоветском фильме «Формула любви» главный герой в одном из эпизодов искренне возмущен поведением за столом своих соседей – провинциальных дворян XVIII в.³ Вместо того, чтобы поддержать разговоры гостя, знаменитого Калиостро, о «высоких сферах», дворяне переводят разговор на тему цен и качества местного сена. Смысловой разрыв между обсуждением интервью товарища Сталина и обсуждением благоустройства района выглядит столь же нелепым. С одной лишь разницей. Вряд ли рабочих или составителя отчета можно заподозрить в иронии. Тем более в том случае, когда трудящиеся задавали вопросы, связанные с тяготами послевоенного времени. «Будет ли отменена карточная система в конце этого года?.. Когда предусматривается дальнейшее снижение цен на пром. и продовольственные товары?» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 28). Обнаруживаем ли мы в этих суждениях смысловой разрыв, непонимание политической повестки? Или же речь идет о своеобразной уловке, предполагавшей, что обсуждение внешней политики должно завершиться вопросами о материальном положении трудящихся? Заметим, ответственный за проводимое мероприятие не воспринимал эти вопросы как некорректные. В партийных отчетах опасные суждения неизменно фиксировались проверяющим как «нездоровые». В нашем случае этого не происходит. Вероятно, за послевоенное время эти темы стали настолько привычны для агитаторов и партийных инстанций, что делали незаметной профанацию политического ритуала⁴. Между тем в подобной раздвоенности таилось огромное социальное напряжение. Пройдет всего полгода, и «бытовые» вопросы для трудящихся станут основными. Резкое ограничение прав на карточки, вызовет серьезное возмущение [9, с. 64–109]. «Только в первый день выдачи карточек в заводской комитет профсоюза приходило более 70 чел. Рабочих, которые требовали разъяснить – почему лишили хлебных карточек их членов семьи. Еще более напряженное положение создалось 4 октября 1946 г., когда в завком профсоюза пришло сразу 133 человека и заявили: «Что они не уйдут до тех пор, пока не получат хлебных карточек на членов семьи». Среди них были такие рабочие, как Гилев, имеющий

² Подобные вопросы типичны для военного и послевоенного периода. Рабочие пытаются узнать об обстановке в Аргентине, Турции, Китае, Японии и т. п. Речь, конечно, идет о тех странах, названия которых упоминались в советской прессе.

³ Телефильм «Формула любви», реж. М. Захаров, Творческое объединение телевизионных фильмов, 1984 г.

⁴ Вопросы о бытовом положении, как правило, не вызывали особых реакций со стороны автора отчета. Исключением являются только те жалобы трудящихся, которые сопровождаются критикой государственной политики. Эти высказывания понимались уже как антисоветские. В сравнении с основной массой вопросов, такие суждения в отчетах встречаются относительно редко. При этом неизменно указываются предпринятые в ответ на подобные суждения санкции.

семью 10 чел., из них 8 чел. детей, Касимов, семья которого состоит из 7 чел., из них 5 чел. детей, Костарев – семья 8 чел., Васин – семья 8 чел., Плотников – семья – 9 чел. и др.» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 57). Конструируемый в этой ситуации образ виновного не был новым. Им становилось местное начальство, чье лучшее материальное положение вызывало обострение чувства социальной несправедливости. «Рабочие возмущались и обвиняли во всем местное руководство, которое, по их мнению, не заботится о рабочих, сами получили карточки и на этом успокоились, а наши семьи сидят голодом» (там же, л. 57). Подобные суждения обнаруживаются и в источниках иного рода. «На ноябрь месяц всем рабочим ставили хлебную норму на 100 грамм. Даже у детей и иждивенцев вырезали по 100 и по 50 грамм за один день, мотивируя тем, что в прошлый месяц был 31 день, и они забыли вырезать их в том месяце. Это еще раз доказывает, какие мелочные люди сидят в местных государственных аппаратах» (Дневник рабочего. [III.1946 – XII.1955]).

Подведем итоги. Драматургия послевоенных агитационных мероприятий характеризовалась сложной процедурой согласованных практик между различными агентами власти и населением. Между тем отработанный сценарий политического действия допускал некоторый люфт между срежиссированными публичными выступлениями и вопросами, которые задавались трудящимися. Реакции публики не исчерпывались обсуждением международной обстановки. Обличение мирового империализма неизменно заканчивалось вопросами про тяжелый быт послевоенного времени. Можно предположить, что эта условная дифференциация дискурса была связана с различным пониманием высшей и региональной власти. В этой системе могли ужиться поддержка вождя и критика местного начальства. Следуя терминологии М. де Серто, можно сказать, что трудящиеся послевоенного времени в ответ на стратегии власти изобретали повседневные тактики [8, с. 107–113]. В пространстве института, целиком и полностью принадлежавшем власти, рабочие заводов обращались к темам, не предусмотренным сценарием политического спектакля.

Спустя двадцать лет возникнут социальные позиции, которые позволят отчужденно воспринимать официальные политические ритуалы. Воспроизводство дискурса при столкновении с повседневностью и профессиональными мирами будет способно вызывать чувство иронии, интерпретироваться как абсурдная ситуация. В качестве примера можно вспомнить песню А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»⁵. Применительно к позднесталинскому периоду такие автономные социальные позиции представить сложно. Это не означало невозможности антисталинских или антисоветских настроений. Речь идет об отсутствии сцены, с которой отличное от официальной идеологии знание могло транслироваться и распространяться относительно безопасным для выступающего образом. В этих условиях лекции о международном положении становились площадкой, на которой рабочий обретал возможность задавать местной власти вопросы. Вопросы, которые при нарушении шаткого равновесия повседневных практик послевоенного выживания легко превращались в требования.

Список источников

- Государственное краевое бюджетное учреждение «Пермский государственный архив социально-политической истории» (ГКБУ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191.
Дневник рабочего [III.1946 – XII.1955]. Документальная публикация / под ред. О. Л. Лейбович, А. С. Кимерлинг [Электронное издание]. Пермь : ПермГАНИ, 2014.
Заявление группы американских сенаторов // Звезда. 1946. 23 марта.
Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. 14 марта.
Отклики на речь Черчилля // Звезда. 1946. 9 марта (ТАСС, перепечатка центральной прессы о реакции на речь за рубежом).
Отклики в иностранной печати на интервью товарища И. В. Сталина // Звезда. 1946. 16 марта.
Черчилль бряцает оружием // Правда. 1946. 11 марта.

Список литературы

1. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Дэвид Бранденбергер ; [авториз. пер. с англ. А. А. Пешкова, Е. С. Володиной]. М. : Полит. энцикл., 2017.

⁵ Александр Галич «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира». URL: <http://www.bards.ru/archives/part.asp?id=4071> (дата обращения: 12.02.2017)

2. Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Дэвид Бранденбергер ; [авториз. пер. с англ. Н. Г. Алешиной, Л. Н. Высоцкого, Л. Ю. Пантиной]. М. : Полит. энцикл., 2017.
3. Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны / «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О. В. Будницкий. 2-е изд. М. : Полит. энцикл., 2014.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М. : «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
5. Кабацков А. Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику Дмитриева 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М. : Полит. энцикл. : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 183–193.
6. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М. : РОССПЭН, 1999.
7. Манкевич Д. В. Голоса из прошлого. «Информации райкомов и горкомов ВКП(б) КПСС о «настроениях трудящихся» Калининградской области (вторая половина 1940 – начало 1950-х годов) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей : сб. науч. ст. Вып. 4. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 45–52.
8. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
9. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер ; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
10. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008.
11. Чащухин А. В. Перформативные речевые практики в политических коммуникациях власти и населения 1940-х годов // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2018. № 1(40). С. 180–188.
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева ; пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

«That's called friend, the bastard, and sat next to comrade Stalin.» On the dramaturgy of post-war political communications

A. V. Chashchuhin

PhD of historical sciences, associate professor, National Research University Higher school of Economics.
Russia, Perm. E-mail: achashuhin@hse.ru

Abstract. The article is devoted to the campaign in the USSR, dedicated to the Fulton speech of Winston Churchill. An attempt is made to identify the features of communication between the state and the population in the period of late Stalinism. Political rituals of late Stalinism are considered as special theatrical actions that had the ability to shape the social reality of the postwar period. The article uses dramatic optics. This makes it possible to identify the rules of using the political language. This makes it possible to detect gaps between the state ideology and the ideas of Soviet citizens. Sources of research are reports of party functionaries who were responsible for political events. Analysis of these sources reveals perceptions and practices that go beyond ideological campaigns. Lectures on the international situation became a platform where workers gained the opportunity to have a demanding voice in relation to the government.

Keywords: stalinism, Fulton speech, dramaturgy, performativity, propaganda, ideology, practices, tactics.

List of sources

- State regional budgetary institution «Perm State Archives of Socio-Political History» (SRBI PermSASPH F. 1. Inv. 45. File 191.
Dnevnik rabochego – Diary of a worker [III.1946–XII.1955]. Documentary publication / edited by O. L. Leibovich, A. S. Kimerling [Electronic edition]. Perm. Perm State Archive of Newest History. 2014.
Zayavlenie gruppy amerikanskikh senatorov – Statement by a group of American senators // Zvezda – Star. 1946, March 23.
Interv'yu tov. I. V. Stalina s korrespondentom «Pravdy» otnositel'no rechi g. Cherkhillya – Interview with comrade I. V. Stalin with the correspondent of «Pravda» concerning G. Churchill's speech // Pravda – Pravda. 1946, March 14.

Otkliki na rech' Cherkillya – Responses to Churchill's speech // Zvezda – Star. 1946, March 9 (TASS, reprint of the central press on the reaction to the speech abroad).

Otkliki v inostrannoj pechati na interv'yu tovarishcha I. V. Stalina – Responses in the foreign press to an interview with comrade Stalin // Zvezda – Star. 1946, March 16.

CHerchill' bryacaet oruzhiem - Churchill rattles the saber // Truth. 1946, March 11.

References

1. Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Crisis of the Stalinist agitprop: propaganda, political education and terror in the Soviet Union, 1927–1941] / David Brandenberger; [authorized transl. from English by A. A. Peshkov, E. S. Volodina]. M. Polit. encycl. 2017.
2. Brandenberger D. L. *Stalinskij russocentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [Stalin's russocentrism: Soviet mass culture and formation of Russian national consciousness (1931–1956)] / David Brandenberger; [authorized transl. from English by N. G. Aleshina, L. N. Vysotsky, L. Yu. Pantina]. M. Polit. encycl. 2017.
3. Budnickij O. V., Zelenina G. S. *Idejnyj kollaboracionizm v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ideological collaboration during the Great Patriotic War / «Svershilos'. Prishli nemcy!» Idejnyj kollaboracionizm v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny – «It happened. The Germans came!» Ideological collaboration in the USSR during the Great Patriotic War] / comp. and resp. ed. O. V. Budnitskiy. 2nd publ. M. Polit. encycl. 2014.
4. Hoffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [Introduction to others in everyday life] / transl. from English and introd. art. by V. D. Kovalev. M. «KANON-Press-C», «Kuchkovo pole». 2000.
5. Kabackov A. N. *ZHiznennyj mir sovetskogo rabochego v pozdnyuyu stalinskuyu ehphu (po dnevniku Dmitrieva 1946–1953)* [The life world of the Soviet worker in the late Stalin era (according to Dmitriev's diary 1946–1953)] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* – The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953. M. Polit. encycl.: The presidential center of B. N. Yeltsin. 2015. Pp. 183–193.
6. Zubkova E. YU. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg.* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953] M. ROSSPEN. 1999.
7. Mankevich D. V. *Golosa iz proshlogo. «Informacii rajkomov i gorkomov VKP(b) KPSS o «nastroeniyah trudyashchih» Kalinigradskoj oblasti (vtoraya polovina 1940 – nachalo 1950-h godov)* [Voices from the past. «Information of district committees and city committees of the CPSU (b) on the «mood of workers» of the Kaliningrad region (the second half of 1940 – early 1950-ies)] // *Retrospektiva. Vsemirnaya istoriya glazami molodyh issledovatelej: sb. nauch. st. Vyp. 4.* – Retrospective. World history through the eyes of young researchers: coll. of scient. art. Issue 4. Kaliningrad. Publishing house of RSU n.a I. Kant. 2009. Pp. 45–52.
8. Certeau Michel de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life. 1. The art of making] / Michel de Certeau; translated from French by D. Kalugin, N. Movnina. SPb. Publishing house of Europe Un-ty in St. Petersburg. 2013.
9. Filtzer D. *Sovetskie rabochie i pozdnyj stalinizm. Rabochij klass i vosstanovlenie stalinskoj sistemy posle okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny* [Soviet workers and late Stalinism. Working class and the restoration of the Stalinist system after the end of World War II] / D. Filtzer; [transl. from English by A. L. Raskin]. M. Rus. polit. encycl. (ROSSPEN): Foundation «Presidential center of B. N. Yeltsin». 2011.
10. Fitzpatrick S. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. A social history of Soviet Russia in 30-e years: city] / S. Fitzpatrick; [transl. from Eng. by L. Y. Pantin]. 2nd publ. M. Rus. polit. encycl. (ROSSPEN): Foundation «Presidential center of B. N. Yeltsin». 2008.
11. CHashchuhin A. V. *Performativnye rechevye praktiki v politicheskikh kommunikacijah vlasti i naseleniya 1940-h godov* [Performative speech practices in political communications of the authorities and the population of the 1940s] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya* – Herald of the Perm University. Ser. History. 2018, № 1 (40), pp. 180–188.
12. YUrchak A. *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation] / Alexei Yurchak; foreword by A. Belyayev; translated from English. M. New literary review. 2014.

УДК 94.084.6(470.342)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.036

Кризис статуса: Вятский регион в конце 1920-х – середине 1930-х гг.

П. А. Чемоданов

кандидат исторических наук, начальник отдела использования архивных документов КПСС
и общественных организаций, Центральный государственный архив Кировской области.
Россия, г. Киров. E-mail: Pavelche1492@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о переломном времени в истории Вятского края – периоде 1929–1936 гг., когда произошли ликвидация Вятской губернии и последующее возрождение самостоятельности региона в форме Кировского края. На основе архивных материалов г. Кирова и г. Екатеринбург и периодики тех лет автор освещает влияние убийства партийного деятеля С. М. Кирова (1886–1934) и переименования г. Вятки на административно-территориальные процессы в регионе. В статье раскрываются основные вехи истории Кировского края 1935–1936 гг.: управленческое, экономическое и социокультурное развитие региона в условиях территориальных трансформаций и непростой политической обстановки в стране. Отдельное внимание в тексте уделено биографии первого и единственного руководителя Кировского края – А. Я. Столяра (1901–1938).

Ключевые слова: Вятская губерния, Кировский край, сталинизм, переименование, Коммунистическая партия, номенклатура, органы управления, политические репрессии, советская провинция, статус региона, политическая элита, административно-территориальное деление, индустриализация, сельское хозяйство, Абрам Столяр.

«Год великого перелома» – такое название получил 1929 год в истории СССР. Недаром авторство этого понятия принадлежит самому И. В. Сталину. Однако этот год стал точкой бифуркации не только в масштабах всего Советского Союза, но и конкретно для Вятского края. Историческим постановлением ВЦИК от 14 января 1929 г. была подведена черта под полутораветковой историей Вятской губернии, и большая часть ее территорий оказалась в составе Нижегородской области, преобразованной затем в Нижегородский (с 1932 г. – Горьковский край) [1, с. 76]. Статус самого г. Вятки был при этом низведен до центра округа, объединившего 15 районов, а с 1930 г. – до простого районного центра. По исторической иронии, возрождение самостоятельности Вятской земли как региона произошло лишь после убийства С. М. Кирова, с переименованием г. Вятки в г. Киров и образованием в конце 1934 г. Кировского края.

Предыстория перечисленных событий такова. Как известно, 1 декабря 1934 г. в Смольном был убит член Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров (Костриков). Уже 5 декабря ЦИК СССР принял постановление о переименовании г. Вятки в г. Киров, опубликованное на следующий день во всесоюзной газете «Правда» [23, с. 1]. В постановлении подчеркивалось, что город был переименован вследствие массовых обращений трудящихся города в Центральный комитет ВКП(б) и на том основании, что г. Вятка якобы являлся родиной С. М. Кирова (на самом деле он был уроженцем г. Уржума). По сообщению газеты «Вятская правда» (с 8 декабря 1934 г. – «Кировская правда»), упомянутые обращения были высказаны на многочисленных траурных собраниях, а также на 40-тысячной траурной демонстрации, в которой приняли участие «все городские организации, все работники и трудящиеся г. Вятки и Вятского железнодорожного узла» [15, с. 1].

Как было на самом деле, можно узнать из документов Государственного архива социально-политической истории Кировской области. Действительно, уже 2 декабря 1934 г. в Вятке состоялось крупное траурное мероприятие, посвященное гибели С. М. Кирова. По официальным данным, на него вышло 40 тыс. горожан. В тот же день в Ленинград была послана телеграмма, в которой говорилось: «Пролетариат Вятки на беспримерную утрату отвечает передачей лучших рабочих-ударников в ряды сочувствующих, созданием ударных бригад, новых колхозов им. С. М. Кирова, созданием фонда на постройку мощного самолета им. Кирова. Рабочие крупнейшего в городе предприятия Политехоборудования ходатайствуют присвоить заводу имя любимого большевистского руководителя...» [2, л. 87] Таким образом, ни о какой инициативе трудящихся по переименованию города не было даже речи.

Однако уже 5 декабря, в телеграмме секретаря Вятского горкома ВКП(б) А. А. Бобкова, посланной в Москву на имя А. А. Жданова, присутствует другая версия событий: «Все городские организации, все рабочие, работницы и трудящиеся Вятки и Вятского железнодорожного узла... решили просить Центральный комитет партии и правительство переименовать город Вятку в город Киров (другой вариант – Кировск. – П. Ч.)» [2, л. 89, 90]. Таким образом, логично предположить, что инициатором переименования были местные власти или, как минимум, отдельные ее представители.

Как бы то ни было, вскоре после этого, 7 декабря 1934 г., Президиум ВЦИК принял решение о разукрупнении ряда регионов страны, в числе которых оказались Горьковский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Средне-Волжский края. При этом первый из перечисленных регионов был разделен на собственно Горьковский и Кировский края [24, с. 2]. Несмотря на то, что данное решение последовало сразу за переименованием г. Вятки в г. Киров, в газетных публикациях по этому поводу подчеркивалось, что линия на разукрупнение регионов была взята еще в январе – феврале 1934 г. на XVII съезде партии [17, с. 2].

Так или иначе, Кировский край был создан постановлением Президиума ВЦИК от 7 декабря 1934 г. В него вошли 37 районов Горьковского края, Удмуртская автономная область (вскоре преобразованная в Удмуртскую АССР) и два района Свердловской области – Воткинский и Сарапульский [1, с. 76]. Любопытно, что в состав Кировского края было выделено 51,9% территории бывшего Горьковского края с 26,3% населения (3 млн 115 тыс. чел.). При этом на территории новообразованного края сосредоточилось 25% от всего промышленного потенциала и 51,1% сельского хозяйства [7, л. 54]. Впоследствии произошло разукрупнение районов, и в начале 1935 г. Кировский край уже состоял из 81 района, включая 27 районов Удмуртской АССР [14, с. 1].

Тогда же первым секретарем Кировского крайкома ВКП(б) стал Абрам Яковлевич Столяр (1901–1938). Он родился в апреле 1901 г. в с. Олов Читинского уезда Забайкальской области в семье владельца золотых приисков, еврея по национальности. Когда Абраму было 13 лет, его отец разорился и попал в заключение за долги, и только материальная поддержка старших братьев и сестер позволила ему закончить Нерчинское реальное училище в 1917 г. [3, л. 136] В том же году он вступил в партию большевиков, затем был начальником военного отдела Нерчинского Совета рабочих и солдатских депутатов, агитатором и инструктором ячеек РКП(б) в г. Верхнеудинске (совр. г. Улан-Удэ). В 1920–1921 гг. занимал должность помощника начальника Центральной военной школы Дальневосточной республики в г. Чите, неоднократно выезжал по службе в Северо-Восточный Китай. В 1924–1934 гг. работал в г. Нижнем Новгороде (с 1932 г. – г. Горький), в т. ч. на должностях редактора газеты «Нижегородская коммуна» и второго секретаря Горьковского крайкома ВКП(б) [25, л. 10].

С декабря 1934 по июнь 1937 г. являлся первым секретарем Кировского крайкома/обкома ВКП(б), в июне 1937 – марте 1938 г. работал в должности первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б). Осужден как «враг народа» и расстрелян 28 июля 1938 г. в г. Свердловске [22, с. 41–42]. Как можно понять из приведенной биографической справки, Кировский край в течение всего периода существования жил под руководством А. Я. Столяра.

Уже 13–14 декабря 1934 г. в г. Горьком состоялся объединенный пленум Горьковского и Кировского крайкомов ВКП(б), на котором А. Я. Столяр заявил: «Новому краю, в который нам предстоит идти работать, присвоено имя тов. Кирова. Это имя, которое дал Центральный Комитет нашей партии и правительство центру края и всему краю, означает для нас величайшую честь и величайшее доверие». Далее первый секретарь Кировского крайкома партии сделал акцент на трудностях, которые встанут перед руководством нового региона в ближайшее время. К таковым он отнес отсталость сельского хозяйства, недостаточный уровень промышленного освоения и благоустройства промышленных центров (в первую очередь, столицы края) [3, л. 136].

На I и II заседаниях бюро Кировского крайкома ВКП(б), состоявшихся 8 декабря 1934 г., были сделаны ключевые кадровые назначения, а также принято решение о переезде всех учреждений края из г. Горького в г. Киров, которое было намечено на 16 декабря того же года. В постановлении было зафиксировано: «С 17 декабря приступить к оперативной работе в г. Кирове. Оставить в г. Горьком для разрешения вопросов, связанных с переездом и подбором кадров для аппарата краевых учреждений тов. [П. К.] Легконравова (зам. председателя Кировского крайисполкома. – П. Ч.)» [8, л. 13].

Следующее заседание бюро крайкома ВКП(б) состоялось 26 декабря уже в г. Кирове. В числе прочего на нем обсуждались вопросы размещения в региональном центре краевых учреждений и их работников. Было решено «предложить Кировскому горкому и горсовету немедленно развернуть строительство деревянных домов» для работников краевых учреждений, а также разместить крайком ВКП(б) и крайисполком в здании центральной гостиницы (совр. перекресток ул. Ленина и Московской). Временным жильем для работников перечисленных учреждений стало бывшее здание Кировского горкома и горсовета, которое было переоборудовано в общежитие [8, л. 17, 21]. Процесс размещения учреждений новообразованного края растянулся на полгода и был официально завершен лишь к лету, о чем докладывал А. Я. Столяру председатель Кировского горсовета И. С. Кочетов в своей пояснительной записке от 3 июня 1935 г. [6, л. 36]

Однако на практике ситуация с жильем в городе оставалась сложной и в 1935 г. Так, совещание крайкома ВКП(б) по вопросам строительства в г. Кирове 25 июня 1935 г. постановило комиссии в составе председателя крайисполкома А. А. Бобкова, заведующего промышленно-транспортным отделом крайкома ВКП(б) М. Н. Родина, уполномоченного НКВД О. О. Абугова, ответственного секретаря Кировского горкома ВКП(б) А. И. Андреева и председателя Кировского горисполкома М. С. Лозовского определить, какие учреждения и организации могут быть выведены из г. Кирова в районы края. Кроме того, крайисполкому было поручено проработать вопрос приспособления для жилья на зиму отдельных складских и иных хозяйственных помещений [9, л. 54–55].

Это во многом объяснялось тем, что в предыдущий период в городе не велось активного жилищного строительства. Так, за 1934 г. площадь застроенных земель г. Вятки не только не увеличилась, но и уменьшилась на 6,29 га. И это притом, что население города за тот же год увеличилось с 85,6 тыс. до 93,4 тыс. человек. Всего же жилой фонд Кирова на 1 января 1935 г. составлял 409130 кв. м. Нехитрый подсчет позволяет определить, что на одного горожанина в тот период приходилось около 4,3 кв. м жилья [12, л. 140–141]. В этой связи план по жилищному строительству в г. Кирове на 1935 г., озвученный на пленуме Кировского горкома ВКП(б) 15 марта 1935 г., выглядел весьма оптимистично: планировалось сдать в эксплуатацию 31280 кв. м жилья, на что была выделена внушительная сумма в размере 9 млн 579 тыс. рублей [11, л. 21]. Уже 9 апреля того же года официальный план городского строительства в объеме капиталовложений на сумму 40 млн руб. был окончательно утвержден [27, с. 57].

Кроме того, вследствие размещения в здании центральной гостиницы партийных и государственных учреждений краевой центр остался без важного объекта. Уже 13 февраля 1935 г. крайком ВКП(б) принял решение о строительстве нового здания гостиницы. Кировский крайисполком в марте того же года организовал конкурс проектов здания будущей гостиницы, которое должно было располагаться на перекрестке улиц Ленина и Коммуны (совр. Московской), на месте Воскресенского собора постройки XVIII в. Собор в 1935 г. решением горсовета был исключен из списка памятников исторического наследия, после чего начался процесс его демонтажа.

Подведение итогов конкурса состоялось 20 марта 1935 г. на заседании крайисполкома. Первое место было отдано проекту титулованного вятского архитектора И. А. Чарушина (1862–1945) с формулировкой: «более всего отвечает требованиям, представленным условиями конкурса». Реализация проекта Чарушина была в тот момент оценена в сумму свыше 1 млн рублей, однако впоследствии увеличилась. Первые номера гостиницы были сданы 26 декабря 1936 г., полноценную же работу она начала уже в 1937 г. [26, с. 120–121]

Параллельно с гостиницей было запланировано возведение других важных объектов в краевом центре:

- двух домов крайисполкома (выделялось 1 млн 800 руб.);
- Кировской гидроэлектростанции (7 млн руб.);
- комбината политехоборудования (6 млн руб.);
- машиностроительного завода (2 млн руб.) [4, л. 113].

Вернемся к вопросу функционирования органов власти в новообразованном Кировском крае. Как и планировалось, к 17 декабря 1934 г. в Киров прибыл первый секретарь крайкома ВКП(б) А. Я. Столяр. Тогда же был утвержден постоянный состав бюро краевого комитета партии, в который вошли сам А. Я. Столяр, 2-й секретарь крайкома С. П. Акоюн, председатель крайисполкома А. А. Бобков, первый секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) Б. З. Берман, председатель крайсовпрофа А. П. Грачёв, уполномоченный НКВД О. О. Абугов, заместитель председателя крайисполкома П. К. Легконравов [17, с. 21].

Стоит отметить, что новому руководству достался промышленно слабо развитый регион с невысоким показателем урбанизации. Так, доля городского населения края составляла лишь 13,2%, в то время как в целом по СССР этот показатель равнялся 24,3%. Самыми крупными городами являлись Ижевск (128 тыс.), Киров (93 тыс.), Сарапул (37 тыс.) и Воткинск (36 тыс.). Остальные города по численности населения находились на уровне ниже 10 тыс. человек [17, с. 2]. Всего на территории региона находилось 14 городов, 7 рабочих поселков и 9 поселков городского типа, в которых жили 432,5 тыс. человек из 3,1 млн населения края [13, с. 382]. Что касается тяжелой промышленности, то она по большей части оказалась сосредоточена на территории Удмуртии. Показательно, что из 78467 индустриальных рабочих края (на начало 1935 г.) [19, с. 27] 21822 (28%) работали на Ижевском сталелитейном заводе [10, л. 32].

Вместе с тем даже в период нахождения территорий бывшей Вятской губернии в составе Горьковского края наблюдались определенные подвижки в деле промышленного развития. Так, за 1931–1934 гг. на развитие промышленности г. Вятки было выделено 54 млн рублей, в результате чего валовой продукт промышленности вырос с 66 млн рублей в 1931 г. до 80 млн рублей в 1934 г. За указанный период был введен в строй Кировский мясокомбинат, являвшийся предприятием союзного значения, а также начато строительство комбинатов учебно-технического школьного оборудования (КУТШО), искусственных кож (Искож) и деревообрабатывающего комбината Народного комиссариата земледелия СССР [9, л. 54–55].

И все же экономика нового региона носила сельскохозяйственный характер, что постоянно подчеркивалось на заседаниях бюро краевого комитета партии. Так, в совместном постановлении Кировского крайкома ВКП(б) и крайисполкома «О ходе подготовки к весеннему севу» от 3 января 1935 г. значилось: «Предстоящий весенний сев является первым серьезным экзаменом для большевиков, рабочих, колхозников и всех трудящихся нового Кировского края. Парторганизация... обязана оправдать высокую честь и доверие партии и правительства, оказанную наименованием края именем лучшего соратника тов. Сталина». При этом были намечены конкретные задачи, а именно: повысить урожайность зерновых культур не менее чем до 10 ц с гектара и по льну до 2,2 ц с гектара. Уже 13 января 1935 г. крайком принял решение учредить специальный «значок ударника им. С. М. Кирова» для награждения колхозников, отличившихся в период весеннего сева [5, л. 15].

Любопытна первая в местной прессе статья А. Я. Столяра и А. А. Бобкова о задачах по развитию Кировского края, вышедшая в номере газеты «Кировская правда» от 17 декабря 1934 г. В ней подчеркивалось, что до Октябрьской революции Вятский край был «глухоманью и местом царской ссылки...», где «царские сатрапы грабили, беспощадно давили население», в особенности удмуртское, которое, по мнению авторов, находилось до революции еще и под национальным гнетом. Руководители также сделали акцент на том, что огромные естественные богатства края (под которыми, в первую очередь, подразумевался лес) «лежат мертвыми». Из этого вытекали основные задачи: строительство новых предприятий, ускоренное развитие и механизация лесной промышленности, решение кадровых вопросов [16, с. 1].

При всей насыщенности событиями история Кировского края оказалась недолгой. Он прекратил свое существование уже 5 декабря 1936 г. вместе с принятием новой Конституции СССР, согласно которой краевое деление было упразднено. На месте бывшего Кировского края было создано два региона – Кировская область и Удмуртская АССР, получившая статус самостоятельной административной единицы в составе РСФСР [18, с. 1].

Итоги двухлетнего развития Кировского края были подведены уже после его ликвидации, на I Кировской областной партийной конференции, состоявшейся в июне 1937 г. В материалах к отчету Кировского обкома ВКП(б), изданных к ее началу, приводились следующие цифры. Так, основные фонды промышленности территорий, вошедших в состав Кировской области, выросли на 41%, а валовая продукция всей промышленности в начале 1937 г. составляла 170% к уровню 1934 г. Увеличилась численность рабочего класса региона: с 35 тыс. чел. до 43 тыс. (данные по государственной промышленности за вычетом Удмуртии). Согласно официальной версии, более 40% из них было охвачено стахановским движением (началось на территории региона в сентябре 1935 г.). Значительный прогресс наблюдался и в механизации сельского хозяйства: в начале 1937 г. в области было 78 МТС с 5366 тракторами против 48 МТС с 1053 тракторами в конце 1934 г. [20, с. 3] Серьезный толчок был дан и развитию культуры. Показательно, что именно после образования Кировского края в регионе появилось государственное книжное издательство [21, с. 90].

Таким образом, даже с учетом недолгого периода существования Кировский край стал важной вехой в истории Вятской земли. То, что было сделано в 1934–1936 гг., послужило важным подспорьем для социально-экономического и культурного развития нашего региона в будущем. Парадоксальным является то, что потеря имени обернулась для Вятки возвращением статуса крупного административного, экономического и культурного центра.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Вятской губернии – Кировской области. 1917–2009 гг. : справочник. Киров : Изд-во «Лобань», 2011. 634 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-100. Оп. 1. Д. 195.
3. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 11.
5. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 171.
6. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 180.
7. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 181.
8. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 603.
10. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 327.
11. ГАСПИ КО. Ф. П-1293. Оп. 2. Д. 2.
12. ГАСПИ КО. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 102.
13. *Загвоздкин Г. Г.* Триумф и трагедия 30-х годов // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995. 524 с.
14. Карта административных районов Кировского края. Киров, 1935.
15. Кировская правда. 1934. 8 дек.
16. Кировская правда. 1934. 17 дек.
17. Кировская правда. 1934. 18 дек.
18. Кировская правда. 1936. 6 дек.
19. Кировский край в цифрах. М. : ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. 312 с.
20. Материалы к отчету Кировского обкома ВКП(б) первой областной конференции. Киров : Киров. обл. изд-во, 1937. 150 с.
21. Полвека в пути. Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. 1918–1968. Киров : [Б. и.], 1970. 440 с.
22. Политические лидеры Вятского края : биограф. справочник. Киров : Изд-во «Лобань», 2009. 730 с.
23. Правда. 1934. 6 дек.
24. Правда. 1934. 8 дек.
25. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 22. Д. 3392.
26. *Чемоданов П. А.* «Добрые дядюшки из Домтреста»: как строилась и открывалась Центральная гостиница в г. Кирове // Герценка: Вятские записки. Вып. 32. Киров, 2017. С. 115–121.
27. *Шарабаров П. Н.* Застройка и благоустройство г. Кирова в 1935–1941 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 57–66.

Crisis of status: Vyatka region in the late 1920s-mid-1930s

P. A. Chemodanov

PhD of historical sciences, head of the Department of archival documents of the CPSU
and public organizations, Central state archive of the Kirov region.
Russia, Kirov. E-mail: Pavelche1492@mail.ru

Abstract. The article describes the crisis period in the history of the Vyatka region – 1929–1936, when the liquidation of the Vyatka province occurred and the subsequent revival of the region's independence in the form of the Kirov region. Based on the archive materials of Kirov and Yekaterinburg, as well as on newspaper publications of those years, the author reveals the influence of the murder of party leader S.M. Kirov (1886–1934) and the renaming of Vyatka into territorial division processes in the region. The text contains the main milestones in the history of the Kirov region, 1935–1936: the political, economic, and socio-cultural development of the region in the context of territorial transformations and the difficult political situation in the USSR. Special attention is paid in the article to the biography of the first and only leader of the Kirov region – Abram Stolyar (1901–1938).

Keywords: Vyatka Province, Kirov Region, Stalinism, renaming, Communist Party, nomenclature, administrative institutions, political repressions, Soviet province, regional status, political elite, administrative-territorial division, industrialization, agriculture, Abram Stolyar.

References

1. *Administrativno-territorial'noe delenie Vyatskoj gubernii – Kirovskoj oblasti. 1917–2009 gg. : spravoch-nik* – Administrative-territorial division of Vyatka province – Kirov region. 1917–2009: handbook. Kirov. «Loban» publishing house. 2011. 634 p.
2. State archive of social and political history of the Kirov region (GASPI KO). P-100. Op. 1. D. 195.
3. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 1.
4. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 11.
5. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 171.
6. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 180.
7. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 181.
8. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 2.
9. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 1. File 603.
10. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1255. Inv. 2. File 327.
11. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-1293. Inv. 2. File 2.
12. State archive of social and political history of the Kirov region. F. P-6817. Inv. 1. File 102.
13. *Zagvozdkin G. G. Triumf i tragediya 30-h godov* [Triumph and tragedy of 30-ies] // *EHnciklopediya zemli Vyatskoj* – Encyclopedia of Vyatka land. Vol. 4. Kirov. 1995. 524 p.
14. *Karta administrativnyh rajonov Kirovskogo kraja* – Map of administrative districts of the Kirov region. Kirov. 1935.
15. *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1934. Dec 8.
16. *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1934. Dec 17.
17. *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1934. 18 Dec.
18. *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1936. Dec 6.
19. *Kirovskij kraj v cifrah* – Kirov region in figures. M. Central Department of national economic accounting ца Gosplan USSR. 1936. 312 p.
20. *Materialy k otchetu Kirovskogo obkoma VKP(b) pervoj oblastnoj konferencii* – Materials to the report of the Kirov regional Committee of VKP (b) of the first regional conference. Kirov. Kirov regional publ. 1937. 150 p.
21. *Polveka v puti. Kirovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut imeni V. I. Lenina. 1918–1968* – Half a century on the way. Kirov State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin. 1918–1968. Kirov [without specifying]. 1970. 440 p.
22. *Politicheskie lidery Vyatskogo kraja : biogr. spravochnik* – Political leaders of the Vyatka region: biogr. handbook. Kirov. «Loban'» publishing house. 2009. 730 p.
23. *Pravda* – Truth. 1934. Dec 6.
24. *Pravda* – Truth. 1934. Dec 8.
25. *Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti* – Documentation center of public organizations of Sverdlovsk region (CDEEP). F. 4. Inv. 22. File 3392.
26. *CHemodanov P. A. «Dobrye dyadyushki iz Domtresta»: kak stroilas' i otkryvalas' Central'naya gostinica v g. Kirove* [«The good uncles of Domtrest»: how the Central hotel in the city of Kirov was being built and opened] // *Gercenka: Vyatskie zapiski* – Gertsenka: Vyatka notes. Issue 32. Kirov. 2017. Pp. 115–121.
27. *SHarabarov P. N. Zastrojka i blagoustrojstvo g. Kirova v 1935–1941 gg.* [Building and improvement of Kirov in 1935–1941] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanitarian University. 2015, No. 4, pp. 57–66.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 323.1(480)(091)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.037

Проблемы межнациональных отношений в Лифляндии (историографический аспект)

В. А. Богов

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет, директор,
Фонд развития культуры. Латвия, г. Рига. E-mail: fiametto@inbox.lv

Аннотация. В статье рассматриваются исследования, посвященные изучению мультикультурных контактов на территории современной Латвии. Своего рода наблюдения, посвященные отдельным этническим группам, населявшим современную территорию Латвии, стали появляться еще в XVII в. Одним из первых авторов, описавших историю лэттов, стал лютеранский пастор Пауль Эйнхорн. И если в течение XIII–XVIII вв. в большинстве случаев шел лишь исторический процесс описания тех или иных событий, произошедших в Лифляндии, то на протяжении XIX в. началось активное собирание, обработка и оценка исторического материала по теме межэтнических отношений в прибалтийских землях от Средневековья до яркого проявления капитализма. В XIX в. вопросы истории межэтнических отношений начали изучаться в контексте общей истории Прибалтийского края. Все больше история Лифляндии приобретала характерную социализацию, т. е. определенную национальную направленность. Характеризуемые работы – средневековые хроники, публикации, исторические исследования и пр. Они рассматриваются в хронологическом порядке, с особенностями периода своего появления. Представлен анализ их содержания, отражена степень осмысления межнациональных отношений населения Лифляндии в исторической ретроспективе и на протяжении XIX – начала XX в.

Ключевые слова. Прибалтика, Ливония, Лифляндская губерния, межэтнические контакты, латыши, русские, немцы.

В современный период актуализируется обращение к проблематике межнациональных контактов на полиэтнических и поликонфессиональных территориях, востребуются выявление в них моделей взаимодействия и определения перспектив. В этой связи весьма важным видится определение изначальной базы таких исследований. Существующий на сегодняшний день научный багаж позволяет очертить идеи и варианты понимания истории тех или иных национальных сообществ в пределах Лифляндии. Несмотря на всю злободневность данной тематики, научных работ по ней на сегодняшний день явно не достаточно. Фрагментарно она начала изучаться еще до XIX в.

В историографии вопроса выделяется несколько подпериодов: 1) до 1917 г. – в рамках развития историографии в контексте науки Российской империи; 2) с 1917 по 1940 г. – во время существования первого независимого латвийского государства; 3) с 1940 по 1991 г. – в советский период; 4) после 1991 г. и, условно, по наши дни – современный этап. Все указанные временные отрезки характеризовались господством тех или иных идеологических доктрин, что в сочетании с исследованиями из других гуманитарных наук представляет сложную картину исторической динамики национальных сообществ региона.

1. До 1917 г. – в рамках развития историографии в контексте науки Российской империи

Своего рода исследования, посвященные отдельным этническим группам, населявшим современную территорию Латвии, стали появляться еще в XVII в. Одним из первых авторов, описавших историю лэттов, стал лютеранский пастор Пауль Эйнхорн, который написал «Историю лэттов» [62]. В своей работе Эйнхорн привел описание натурального хозяйства кре-

стьян, образ жизни, их тяжелое положение и эксплуатацию немцами. Вопросы истории межэтнических отношений на территориях побережья Балтики все более стали интересовать исследователей в XVIII в. Одной из первых работ, посвященных углубленному изучению межэтнических отношений, явилась книга немецкого врача, жившего в Риге, Отто Гуна [9]. Двухтомное издание в своей первой части подробно описывало все на тот момент проживающие на территории Риги этнические группы. Вместе с ним в одно время работу по изучению истории Лифляндской губернии и его населения вел выдающийся историк-краевед Иоганн Бротце. За свою жизнь историк сделал около 4,5 тыс. черно-белых и цветных рисунков с подробными комментариями. Он изобразил представителей разных сословий, достопримечательности Лифляндии и Эстляндии, надгробные памятники, гербы, монеты, медали и т. п. [73] Работы этих выдающихся историков периода XVIII–XIX вв. практически единственные в своем роде, где представлены подробные описания нескольких этнических групп, населяющих Лифляндию того времени, и их взаимоотношения. Кроме того, в указанный период необходимо упомянуть работу Гарлиба Меркеля, которую он написал в самом конце XVIII в. под названием «Латыши» [32]. Но в отличие от первых двух упомянутых авторов сочинение Меркеля посвящено лишь одному этносу, населяющему Лифляндскую губернию.

И если в течение XIII–XVIII вв. в большинстве случаев шел лишь исторический процесс описания тех или иных событий, произошедших в Лифляндии, то на протяжении XIX столетия началось активное собирание, обработка и оценка исторического материала по теме межэтнических отношений в прибалтийских землях от Средневековья до яркого проявления капитализма. Связано это с новыми философскими идеями социального устройства в Европе – построением национального государства на основе национальной исключительности на идеях Гердера, Фихте и др.

Гарлиб Меркель в конце XVIII в. и отразил это в своем сочинении «Латыши особливо в Ливонии...»: «Латыши и Эсты не имеют никакого значения в ряду народов, до тех пор, когда и они докажут права свои огнем, мечем (так в источнике. – В. Б.) и кровью своих властелинов» [32, с. 2]. При этом целью упомянутой работы Меркеля была лишь попытка донести до немецкого дворянства тяжелое положение зависимого от него крестьянства. Меркель не осуждал немцев за их жестокое обращение, но лишь указывал им, что давно наступил век эпохи Просвещения и необходимо соответствовать историческому моменту.

В XIX в. вопросы истории межэтнических отношений начали изучаться в контексте общей истории Прибалтийского края. Все больше история Лифляндии приобретала характерную социализацию, т. е. определенную национальную направленность. Так, например, специальное обращение к теме национальной самоидентификации латышей в Лифляндии относилось ко второй половине XIX в. и принадлежало пастору Августу Биленштейну (1826–1907) – лингвисту и этнографу, который рассматривал в качестве важнейших латышских признаков латышский язык и этнографические черты, а также Эдуарду Вольтеру (1865–1941) – этнографу, исследователю балтийских и славянских культур, обратившемуся, в частности, к теме этнокультурных границ.

Историю немцев в Прибалтике как отдельной этнической группы в самом конце XIX в. описал немецкий историк Леонид Арбузов. В своей работе исследователь проследил историю немцев в Прибалтийском крае от середины XII до конца XIX в. [4, с. 10] Кроме Л. Арбузова историей Лифляндии интересовался немецкий историк Карл Ширрен (1826–1910) – «Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit» («Источники по истории потери независимости ливляндцев») в 8 томах [74]. Первые три тома описывали польское и шведское правление в Лифляндии, в седьмом и восьмом – характеризовалось присоединение края к Российской империи в 1700–1721 гг.

Во второй половине XIX в. Юрий Самарин в одном из своих изданий привел рассказ латышского обывателя Лифляндии под псевдонимом Индрика Страумита (псевдоним Яниса Лициса, настоятеля Адеркашского (Сисегальского) православного храма равноапостольной Марии Магдалины), где он подробно рассказал о положении крестьян и описал отношение немцев к латышам в первой половине 40-х гг. XIX в.

Так, во второй половине XIX в. – начале XX в. в Лифляндии параллельно существовали три историографические традиции – немецкая (остзейская), русская и латышская. Первыми в Лифляндии такую историографическую модель применили немцы (К. Ширрен, Л. Арбузов, А. фон Транзее-Розенек, А. фон Тобин и др.). Основным мотивом работ данных авторов выступала главенствующая роль немцев в управлении краем, его сохранении и развитии на протя-

жении шести столетий. В качестве основной цели их трудов выбрана защита привилегированного положения немецкого дворянства, теория германского «культуртрегерства» и дискредитация правительственной политики по русификации Прибалтийского края. В связи с этим немецкие историки практически не уделяли никакого внимания многочисленным связям балтийских племен с русскими княжествами. Кроме того, практически во всех немецких публикациях говорилось о том, что до прибытия немецких крестоносцев местные племена представляли собой дикарей-язычников. Такая позиция была вызвана тем, что в отличие от славянских племен, распространявших на территории Лифляндии православную веру среди язычников ненасильственным методом, немцам приходилось крестить балтов огнем и мечом. Однако в ходе истории немцы сами оказались в подчиненном положении, и им постоянно приходилось оправдываться и доказывать права на свои имущество, владения – именно это во многом и отразилось в большинстве исторических работ немецких авторов.

После вступления России в Первую мировую войну в Лифляндии история как наука стала служить целям пропаганды и восприниматься как стратегическая информация. Так, в Прибалтике стали появляться сочинения, направленные против немецких жителей западных губерний. К таким субъективным авторам можно отнести, например, А. Ренникова [42], Ар. Тупина [53]. Их публикации пришлось на самый разгар военных действий – 1915–1916 гг. При этом необходимо осознавать, что многие жители Прибалтики немецкого происхождения были настроены весьма лояльно по отношению к России и многие из них добровольцами шли на фронт. В ответ на выдвинутые националистами обвинения немцы старались дать разъяснительные ответы в прессе и отдельных публикациях. Например, свой ответ на антинемецкие выступления в 1915 г. опубликовал бывший депутат Госдумы 3-го созыва барон А. Ф. Мейендорф – «Разбор обвинений, заключающихся в книгах “Прибалтийский край и война” Ар. Тупина и “В стране чудес” А. Ренникова: Материалы для характеристики похода в печати» [31].

В свою очередь в самой Германской империи также шла антироссийская пропаганда, которая использовала положение прибалтийских немцев для дискредитации политики Российской империи. Это историческое направление отражено в трудах немецких исследователей Ф. Фишера, Б. Манна, У. Лисцковски и др. В работах указанных историков обобщены многочисленные публикации политических эмигрантов из числа остзейских немцев в период 1914–1918 гг.

В российской антинемецкой кампании принимала самое активное участие латышская и эстонская интеллигенция в надежде на то, что правительство заметит ее старания и расширит их политические права [21, с. 48–49]. К тому же начало военных действий против немцев позволило латышам почувствовать себя под серьезной защитой государства и тем самым беспрепятственно расквитаться с немцами за ответные карательные акции 1905–1906 гг. Как указывала исследовательница Прибалтийской истории Наталья Андреева, с 1914 г. «в крае велась широкая антинемецкая агитация с призывами к латышам расправиться с немцами в отместку за карательные экспедиции во время революции 1905–1907 гг.» [3, с. 72] После окончания Первой мировой войны и распада Российской и Германской империй история остзейского дворянства как привилегированного класса Лифляндии перестала существовать.

Еще в XIX в. вопросы истории межэтнических отношений начали изучаться в контексте общей истории Прибалтийского края. Все больше история Лифляндии получала характерную социализацию и определенную национальную направленность. Так, например, целенаправленное обращение к теме самоидентификации латышей в Лифляндии относилось ко второй половине XIX в. и принадлежало пастору Августу Биленштейну (1826–1907) – лингвисту и этнографу, который на основе самобытных источников рассматривал в качестве важнейших латышских признаков латышский язык и черты национальной культуры латышей. В основном его работы были посвящены истории латышского языка и описывали его происхождение, развитие и современное автору состояние. Кроме того, А. Биленштейн издал большое собрание латышских народных песен (ок. 4800). Позднее работы по изучению истории латышского языка продолжил лингвист Эдуард Вольтер (1865–1941) – этнограф, исследователь балтийских и славянских культур, обратившийся, в частности, к теме определения этнокультурных границ. Одна из его работ посвящена истории латышей, населявших Витебскую губернию.

К истории русских, населяющих Лифляндию, обратились примерно в то же время – во второй половине XIX в. Одним из первых русских прибалтийских историков, обратившихся к своим истокам, явился публицист Евграф Васильевич Чешихин (1824–1888). С 1877 по 1883 г. он опубликовал «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края» в 4 томах

[59]. В своих трудах Чешихин впервые выдвинул концепцию межкультурного единства на основе сплочения немцев, латышей и русских. Одновременно с работами Е. В. Чешихина основательное исследование по истории немцев, эстов, латышей и русских, в том числе, в 1884 г. в качестве своей магистерской работы опубликовал студент духовной академии эстонец по происхождению Георг Трусман (1857–?) – «Введение христианства в Лифляндии» [52]. Это одна из значительных работ XIX в., посвященная истории христианства в Лифляндии. Автор в своем сочинении подробно описывает историю Ливонии еще до прихода немцев. Фридрих Кейслер (1856–1924) стал одним из первых немецких историков, который обратил внимание на историю балто-славянских отношений до прихода немцев в Прибалтику – «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии» [22].

Кроме живших Лифляндии Е. Чешихина и Г. Трусмана историю лифляндских русских описывал историк Ю. Ф. Самарин. Изучая историю России, Самарин уделил внимание также и Лифляндской губернии. В его трудах можно почерпнуть информацию и о сложных отношениях этнических групп в середине XIX в., в частности в седьмом томе сочинений есть глава «Положение русских в остзейском (так в источнике. – В. Б.) крае» [45, с. 58–105]. Poleмические публикации Юрия Самарина в середине XIX в. на самом высоком уровне подняли вопрос об отношении остзейского дворянства к политике российского государства в Прибалтике. Его «Письма из Риги» впервые показали действительную ситуацию в отношениях немецкого дворянства и латышского и эстонского крестьянства. Опубликованные Самариним много томные исследования «Окраины России» вызвали целый ряд последующих исследований. Основной вопрос, поднимаемый Самариним, – каковы цели и задачи России в своих окраинных губерниях? Кроме того, в ряду работ о русских в Лифляндии необходимо упомянуть сочинения публициста-славянофила Ивана Сергеевича Аксакова «Прибалтийский вопрос; Внутренние дела России; Введение к украинским ярмаркам» [1] и Николая Лескова «Русские деятели в Остзейском крае (свои и чужие наблюдения, опыты и заметки)» [27]. Публикация Н. Лескова посвящена, в частности, оценке деятельности генерал-губернатора Прибалтийского края А. Суворова и его взаимоотношений с остзейским дворянством, а также политике империи на своих окраинах.

Собственно латышская историографическая модель начала формироваться с середины 50-х гг. XIX в. и сформировалась лишь в 20–30-е гг. XX в. Большую роль в формировании латышской науки сыграло Рижское латышское общество (с 1868), где на очередном собрании было принято решение об организации Научной комиссии (1869), однако вскоре ввиду нехватки свободных средств комиссия прекратила свою работу и смогла возродиться лишь в 1875 г. Одно из первых существенных достижений комиссии – составление и выпуск сборников научных статей членов общества. Кроме того, члены комиссии были ответственны за сбор и обработку разного рода исторического наследия латышей – как материального, так и нематериального характера, что впоследствии позволило создать корпус самобытного исторического материала.

Что касается непосредственно латышской исторической науки, то ее специфическое формирование началось на рубеже XIX и XX вв. К основным авторам этого периода можно отнести Яниса Кродзниека (1851–1924) – первого профессионального латышского историка, основателя латышской историографии. Впоследствии Я. Кродзниека продолжил национальную полемику, начатую ранее Ю. Самариним и К. Ширреном, оппонентом латышского историка выступил немецкий политик Г. Брюнинг.

В это же время с развитием рабочего движения и распространением идей марксизма появились первые марксистские труды по истории Лифляндской губернии – к ним можно отнести сочинение Фрициса Розиньша («Латышский крестьянин», 1904), Карла Ландера (трехтомное издание «История Латвии», 1908–1909). Главной идейной составляющей этих работ была главенствующая роль крестьянства и пролетариата в формировании исторических процессов в Прибалтике. После вхождения Латвии в состав СССР летом 1940 г. исследовательские традиции названных авторов были продолжены уже в послевоенное время советскими историками.

2. С 1917 по 1940 г. – во время существования первого независимого латвийского государства

В межвоенный период 1920–30-х гг. в независимой Латвии постепенно начал формироваться особый корпус исторической литературы. Ее отличие от ранних исследований – постепенный уход от критической оценки и все большая романтизация исторической науки. Сюда относилось, например, отрицание известных фактов и придание им национальной

окраски (Я. Страубергс). Во многом на формирование искаженного видения истории повлияло создание в апреле 1936 г. Института истории Латвии по авторитарному указанию диктатора К. Ульманиса и провозглашаемая им идея «моноэтнической латышской Латвии».

Основными авторами данного периода стали Франц Балодис, Арнольд Спекке, Арвед Швабе. Так, например, Ф. Балодис в своих публикациях развивал националистические идеи, в какой-то мере повторяющие озвученные ранее немецкие норманнские теории о завоевании Ливонии. Основным тезисом работ Ф. Балодиса выступало заключение о том, что балтийские племена всегда находились во враждебных отношениях с восточными соседями.

После обретения Латвией независимости в 20–30-е гг. XX в. здесь получила развитие тематическая история, например История латышской школы (1926), История латвийского права (1932), История латышского писательства (1934), История латышской литературы (1935), История латвийского хозяйства (1938) и др. Появилось немало работ латышских авторов, посвященных локальной истории, где описывалась история отдельного уезда, волости или усадьбы.

Русская община Латвии в межвоенный период стала гораздо малочисленнее, чем до начала войны. Так, по данным переписи 1897 г., на территории Латвии проживало 232204 русских, или 12% от общего числа ее жителей, а в 1920 г. число русских в Латвии насчитывало 124746 чел. Снижение составило порядка 54% от общего числа. Большинство русской интеллигенции было эвакуировано в 1915 г. вместе с государственными и образовательными учреждениями. Это естественным образом отразилось на количестве образованного населения. Согласно статистическим данным, число занятых в сельском хозяйстве в указанный период составляло 171768 чел., или 72,2% [58]. Впоследствии количество русских увеличилось за счет возвращения беженцев и притока эмигрантов из Советской России, и в 1925 г. русское население Латвии насчитывало уже 193648 чел. [58]

Для объединения русского сообщества в Латвии в 1925 г. был воплощен в жизнь масштабный культурный проект – Дни русской культуры, который одновременно проходил в 17 государствах и 57 городах Европы и Северной Америки. Основной целью проекта в Латвии стало объединение русских на основе русской культуры, а также просвещение оставшихся русских крестьян и рабочих. По образцу некогда сформировавшегося еще в XIX в. Рижского латышского общества была предпринята попытка организации Русского просветительского общества, которая объединила лучшие русские умы в независимой Латвии. В 1933–1934 гг. в рамках проведения Дней русской культуры были изданы два тематических сборника по истории русских на территории Латвии. Освещались вопросы истории православия (А. Поммер), староверия (И. Заволоко), образования (Е. Тихоницкий), права (В. Синайский) и др.

Из работ русских профессиональных историков в этот период можно обозначить работы обрусевшего немца Роберта Виппера (1859–1954), изучавшего общую мировую историю, но, будучи профессором Латвийского университета, он вел семинары по истории Латвии. В рамках своих научных работ Р. Виппер уделял внимание аграрным вопросам, происхождению крепостного права в Ливонии. Его работы во многом опровергали устоявшуюся еще в XIX в. точку зрения остзейского дворянства на историю Лифляндии. В частности, Р. Виппер опровергал представление о том, что введение крепостного права в Ливонии стало экономически выгодной реформой хозяйствования и крепостное право было полезно для латышских крестьян.

3. С 1940 по 1991 г. – в советский период

С началом Великой Отечественной в оккупированной немцами Латвии историческая наука находилась в некоторой стагнации. После наступления Красной армии в 1944–1945 гг. и освобождения территории Латвии от гитлеровцев в значительной степени увеличился поток беженцев в западном направлении. Вместе с теми, кто поддерживал нацистский режим в Латвии, в эмиграцию отправилась и националистически настроенная интеллигенция. Оторванная от своей метрополии латышская эмиграция за основу своей идентичности выбрала «латышскость», которая стала абсолютным мерилом и главной оценкой жизненных позиций. Характерными чертами послевоенного периода латышской историографии стали сильная ностальгия по утраченной Родине и собственное мессианство. Так же, как и в предвоенной латышской историографии, для этого периода было характерно растиражированное мнение о принадлежности латышского народа к западной культуре, и давалась положительная оценка всех этапов сосуществования латышей и завоевателей с Запада на протяжении семи веков (А. Спекке, Э. Дунсдорф, Х. Биезайс и др.).

Для работ Арнольда Спекке (1887–1972) был типичным подход в поиске совпадений и закономерностей в развитии малых народностей и сравнение их с историческими процессами

латышей. Он изучал индивидуальность латышского народа, которая землей и судьбой народа была связана с крупными политическими событиями и отношением к ним. А. Спекке занимался выяснением вопроса, на что был способен латышский народ, несмотря на многовековые сложности своего существования. Эдгарс Дунсдорф (1904–2002) в большинстве работ рассматривал вопросы истории, связанные с периодом шведского завоевания Лифляндии (1621–1710), кроме того, занимался философским исследованием экзистенциальных проблем латышей [71, с. 75]. Харальд Биезайс (1906–1995), будучи доктором теологии, проводил исследования вопросов, связанных с изучением истории религии на территории Латвии.

Советская историография Латвии берет начало в конце 40-х гг. XX в. Основное отличие начального периода становления историографии Советской Латвии – это выступление против предыдущих концепций латышских буржуазных историков 20–30-х гг. XX в. В Советской Латвии в историографии превалировал классовый, наднациональный подход к рассмотрению вопросов истории. В связи с этим история одной этнической группы (русской, латышской) в качестве основного объекта изучения фактически перестала быть предметом исследований. Для многонационального общества Советского Союза важнейшей задачей стало интернациональное воспитание своих граждан, история как наука стала одним из проводников идей интернационализма.

Основоположник и яркий представитель историографии Советской Латвии – один из авторитетнейших ученых академик Янис Зутис (1893–1962). В начале 1950-х гг. он выступил с публикацией, где резко раскритиковал националистическую историческую концепцию довоенного Института истории Латвии, которую в эмиграции представлял заместитель директора Института Арвед Швабе. Кроме того, Я. Зутис опроверг теории завоевания и восточной миграции, выдвинутые Ф. Балодисом, и утверждал, что нет никаких оснований говорить о враждебных отношениях между русскими княжествами и балтийскими племенами, и даже, наоборот, доказал, что латгалы вместе с русскими боролись против немецких завоевателей. Позднее тему взаимоотношений русских княжеств и балтийских племен продолжила Эльвира Шноре (1905–1996). К этой же теме и периоду относились работы эстонского историка Харри Моора (1900–1968), которые были посвящены изучению возникновения классового общества на территории современной Прибалтики и происхождения балтийских народов.

Весьма активно в этот период шло изучение тематической истории, например экономических связей Ливонии и Лифляндии, изучение положения крестьян и аграрных реформ (В. Дорошенко, Э. Мугуревич, М. Козин и др.). Так, Василий Дорошенко (1921–1992) являлся одним из ведущих специалистов по истории Латвии раннего Нового времени. Его перу принадлежат три монографии: «Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке» (1960), «Мыза и рынок» (1973) и «Торговля и купечество Риги в XVII веке» (1985). Историк Михаил Козин (1918–2008) выпустил монографии, описывающие быт латышского крестьянина в середине XIX в., очерки по экономической истории Латвии и др.

Научные интересы некоторых латвийских историков сосредоточились непосредственно на изучении истории остзейского дворянства. Так, научные интересы Максима Духанова (1921–2001) в основном были направлены на исследование двух тем: история немецкого привилегированного сословия в XIX в. и критика остфоршунга (нем. – изучение Востока). М. Духанов явился автором монографий: «Остзейцы: явь и вымысел», «Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50–70-е гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии».

Эстонский лингвист и историк Сергей Исаков (1931–2013) в своем исследовании «Остзейский вопрос в русской печати 1860-х гг.» уделил особое внимание вопросам освещения в печати полемики между славянофилами и остзейским дворянством. Так, широкое освещение «остзейского вопроса» в периодической печати сыграло огромную роль в так называемой «восточной» русской ориентации младолатышского и эстонского движения на первом этапе их развития.

Работы Петра Крупникова (1920–2009) во многом посвящены изучению сложных взаимоотношений латышей и немецкого дворянства, их отражению в остзейской и германской историографии. Одна из его работ подробно рассматривала взгляды немцев на окружающую действительность в разные периоды истории на территории Латвии – «Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. – 1945 г.)».

Отдельный пласт истории русских в Латвии составили труды исследователей староверия на территории Латвии. Основными исследователями истории старообрядчества в Латвии считаются Иван Заволоко (1897–1984), позднее темой истории русского старообрядчества

занимались Арнольд Подмазов, Антонина Заварина, Алексей Жилко и др. Изучению истории староверов в Латвии еще в довоенное время были посвящены отдельные главы в работах латышских историков Франциса Кэмпса и Маргера Скуениекса [75, с. 139]. В 70-е гг. XX в. появились научные исследования Арнольда Подмазова (1936–2010) по истории и проблемам старообрядцев в Латвии, историк дал детальный анализ появления и развития этого вероучения на территории Латвии. В этот же период вышли труды по истории и культуре староверов Антонины Завариной (1928–2015). Отличительной чертой ее исследований стали многочисленные историко-бытовые исследования, а также использование широкого круга документов из разных архивов. Она стала автором монографии «Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века» (1986).

После развала СССР в 1991 г. историческая наука в Латвии по своим взглядам отчасти стала возвращаться на довоенные позиции.

В советский период появилось немало работ по сходной проблематике. Только в уважаемом издании – журнале «Вопросы истории» – был опубликован целый комплекс исследований на русском языке [6, 8, 10–20, 25, 26, 28–30, 33–41, 44, 46–49, 51, 54, 55, 57, 60]. Также вышли в свет и труды на латышском языке [66, 72, 78].

4. После 1991 г. и, условно, по наши дни – современный этап

В период после 1991 г. классовый подход в историографии вопроса резко сошел на «нет». Стали появляться диссертационные исследования по национальному вопросу в странах Балтии.

Одна из близких по теме работ – докторская диссертация И. Болдане на тему «Формирование этнических стереотипов в Латвии: 1850–2004 гг.» (2011). Автор указанной работы анализирует стереотипы и субъективный опыт общения и восприятие окружающей действительности у латышей с представителями разных этнических групп, проживающих на территории Латвии. Работа на латышском языке.

Работа на подобную тему – докторская диссертация Р. Церузиса «Немецкий фактор в Латвии: политические межнациональные аспекты. 1918–1939» (2002). Автор рассматривает одну этническую группу (немцы) и ее влияние на внутреннюю политику независимого государства Латвии, с учетом того, что немецкое меньшинство было «перманентным внутренним фактором на территории Латвии, с которым латышам необходимо было считаться всегда». Работа на латышском языке.

Неизменный интерес у российских исследователей вызывает период становления и формирования латышского народа. Так, например, среди работ, отражающих становление латышской идентичности, можно отметить докторскую диссертацию С. И. Рыжаковой «Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты: середина XIX – начало XXI в.» (2011). Среди исследований – кандидатская диссертация М. В. Кирчанова «История развития латышского национального движения в XIX – начале XX в.» (2008). В исследовательских работах, как правило, рассматривается роль лишь одной этнической группы (латыши, немцы или русские) и ее влияние на остальных. Подобные подходы можно охарактеризовать как культурно-исторические, но не менее интересным может стать рассмотрение вопросов с точки зрения социальных преобразований в разнородном обществе. Интеграционные процессы невозможно рассматривать отдельно – это всегда обоюдный процесс.

В широком публичном пространстве представления о взаимоотношениях латышей, немцев и русских в Лифляндии в основном базируются на определенных стереотипах – «раньше они были гораздо лучше, чем сегодня». Причем объяснить, почему они были лучше или хуже, или дать развернутую оценку своему мнению автор не может. Сегодня, например, в латышском публичном пространстве искусственно превалирует мнение, что время нахождения территории Латвии в составе Российской империи (1710–1917) значительно хуже того периода, когда та же территория находилась в составе шведского королевства (1621–1710). Данную мифологию начала продуцировать и множить латышская историография в 20–30-е гг. XX в. [7, с. 8] Основной мотив – в шведские времена было больше заботы о латышском крестьянине, а после присоединения Лифляндии к России все реформы были пресечены и власть вернулась в руки немецкой знати. И это несмотря на то, что в действительности во времена шведского правления латышских крестьян из полусвободных людей превратили в действительно крепостных. Сегодня мифология противопоставления «русским временам» «времен немецких», «шведских» и «польских» укладывается в канву другой современной ми-

фологии: якобы латыши всегда принадлежали к цивилизации Запада, и восточная цивилизация им на протяжении всей истории была чужда.

Сегодня в латышском культурном пространстве, особенно в год столетия провозглашения независимости Латвии, культивируется всякого рода мифология, касающаяся древнего происхождения латышской государственности. В качестве примера можно привести статью латышского политолога А. Гарши «Предшественник Латвийского государства Ливония старше, чем объединение России и Италии» [64]. Современной латышской интеллигенцией в общественном пространстве культивируется мысль, что формирование чужого государства на исторической территории латышей имеет большое значение для самосознания говорящего. При этом латыши как народ не имели никакой причастности к развитию и распределению политических предпочтений в Ливонской конфедерации. Основной посыл данного высказывания должен сформировать у латышского читателя представление о том, что латышский народ всегда был в рамках западной культуры и никак не восточной.

Среди современных исследований по теме межнациональных отношений с позиции культурно-исторических процессов на территории Ливонии и Лифляндской губернии можно отметить публикации ряда авторов, выдержанные в новых установках [63, 65, 67, 68–70, 76, 77].

Так, в современный период появилось немало публикаций по национальному вопросу в Прибалтике в разные времена. Однако в них по-прежнему представляются национальные процессы применительно к одной или двум нациям. Все многонациональное население воедино и многогранно не изучено. В последнее время появились диссертационные работы, касающиеся исследований межкультурных контактов и взаимодействий [3, 5, 23, 43, 56]. Общественно-культурная ситуация в Латвии нуждается в комплексном исследовании по межнациональным отношениям в такой судьбоносный период как XIX – начало XX в., поскольку подобных исследований на сегодняшний день не существует, в том числе и с привлечением новых групп источников и использованием новых подходов.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886 Т. 7. Прибалтийский вопрос; Внутренние дела России; Введение к украинским ярмаркам: Ст. из «Дня», «Москвы» и «Руси». М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1886–1887.
2. Андреева Н. «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015 : сб. ст. / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М. : Изд. центр фонда «Историческая память», 2015. С. 72.
3. Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи: 1900 – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Андреева Наталья Сергеевна ; С.-Петерб. ин-т истории РАН. СПб., 2010. 504 с.
4. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 10.
5. Бахтурина А. Ю. Государственное управление западными окраинами Российской империи: 1905 – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 303 с.
6. Букишпан П. Я. – Г. Аксесберг. Национальный вопрос в воззрениях декабристов // ВИ. 1964. № 3.
7. Гайворонский К. Небольшие шведские времена // Вести Сегодня. 2011. 20 июля. С. 8.
8. Гензелис Б. К. – Е. Охманский. Литовское национально-культурное движение в XIX в. // ВИ. 1966. № 11.
9. Гун О. Топографическое описание города Риги. Т. 1. СПб., 1804.
10. Дорошенко В. В. – Арнольд Соом. Балтийская хлебная торговля в XVII в. // ВИ. 1963. № 10.
11. Дризул А. А. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) // ВИ. 1953. № 4.
12. Дризул А. А. – М. И. Козин. Крестьянское движение в Латвии в 60-х гг. XIX в. // ВИ. 1961. № 2.
13. Дризул А. А., Савченко В. Научная сессия, посвященная 20-летию восстановлению Советской власти в Прибалтике // ВИ. 1961. № 1.
14. Дубровин И. В., Сучков В. В. – О сборнике «Советская Прибалтика в братской семье народов СССР» // ВИ. 1961. № 9.
15. Енш Г. Московское торговое подворье в Риге в XVII в. // ВИ. 1947. № 11.
16. Жербин А. С. Некоторые новые тенденции в современной финляндской буржуазной историографии // ВИ. 1966. № 8. С. 183.
17. Зутис Я. Я. Об изучении истории Латвии // ВИ. 1955. № 8.
18. Зутис Я. Я., Каролюс В. Д. – М. Степерманис. Крестьянское движение в Видземе (1750–1784) // ВИ. 1958. № 1.
19. Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. // ВИ. 1964. № 10.
20. Известия АН Латвийской ССР № 1 за 1947 г. // ВИ. 1947. № 12.
21. Карьяярм Т. Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 48–49.

22. Кейслер Ф. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900.
23. Кирчанов М. В. История развития латышского национального движения в XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2006. 21 с.
24. Крупников П. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX века – 1945 год). Рига, 1989.
25. Круус Х. Х. – Свен Свенссон. Экономические причины нападения России на Ливонское Орденское государство в 1558 г. // ВИ. 1958, № 1.
26. Круус Х. Х. – Ю. Ю. Какх. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в к. XVIII – первой четверти XIX в. // ВИ. 1963. № 4.
27. Лесков Н. С. Русские деятели в Остзейском крае (свои и чужие наблюдения, опыты и заметки) // Исторический вестник. 1863. № 11.
28. Лоонс Л. А. Из истории промышленного переворота в Эстонии // ВИ. 1952. № 5.
29. Майский Б. Ю. Столыпинщина и конец Столыпина // ВИ. 1966. № 2.
30. Манусевич А. Я. Социал-демократия королевства Польского и Литвы в революции 1905 г. : сб. документов // ВИ. 1956. № 2.
31. Мейендорф А. Ф. Разбор обвинений, заключающихся в книгах «Прибалтийский край и война» Ар. Тупина и «В стране чудес» А. Ренникова: Материалы для характеристики похода в печати. Пг. : Гос. тип., 1915.
32. Меркель Г. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия. Дополнение к народоведению и человекознанию / пер. с нем. А. Н. Шемякина ; с предисл. О. М. Бодянского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. : В Университетской тип., 1870. 479 с.
33. Монгайт А. Л. К вопросу о русско-прибалтийских связях в IX–XII вв. // ВИ. 1958. № 6.
34. Моора Х. А. – В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства // ВИ. 1961. № 9.
35. Мосберг Г. На I сессии АН Эстонской ССР // ВИ. 1947. № 11.
36. Научно-исследовательские экспедиции АН Латвийской ССР // ВИ. 1947. № 12.
37. Новицкий Г. А. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558–1587) // ВИ. 1956. № 4.
38. Пашуто В. Хозяйство и техника средневековой Литвы // ВИ. 1947. № 8.
39. Пашуто В. П. Против некоторых буржуазных концепций образования Литовского государства // ВИ. 1958, № 8.
40. Пашуто В. Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII–XV вв. // ВИ. 1969. № 6.
41. Поршнев Б. – Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII в. // ВИ. 1947, № 2.
42. Ренников А. М. В стране чудес: Правда о прибалтийских немцах. Со многими рисунками и снимками в тексте. Пг., 1915. 347 с.
43. Рыжакова С. И. Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты: середина XIX – начало XXI в. : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Рыжакова Светлана Игоревна ; Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2011. 609 с.
44. Савченко В. И. – А. А. Дризул. Латвия под игом фашизма // ВИ. 1962. № 2.
45. Самарин Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Письма из Риги и История Риги. Т. 7. М., 1889. С. 58–105.
46. Сказкин С. – Зутис Я. Я. Очерки историографии Латвии. Ч. 1 // ВИ. 1949. № 10.
47. Стражас А. Ш. Борьба литовского народа против германских колонизаторов и их пособников в 1915–1917 гг. // ВИ. 1959. № 10.
48. Страздынь К. Я. О младолатышском движении в 60–70 гг. XIX вв. // ВИ. 1959. № 10.
49. Строд Х. П. Аграрная история Прибалтики XVIII–XIX вв. в буржуазной историографии ФРГ // ВИ. 1966. № 3.
50. Суни Л. В. – К. Э. Йоустелла. Финляндско-русская торговля в 1809–1865 гг. // ВИ. 1965, № 3. С. 178.
51. Сыромятников Б. – Бережков Н. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг литовской истории по 1522 г. // ВИ. 1946. № 7.
52. Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884.
53. Тупин А. Прибалтийский край и война. Пг., 1915. 112 с.
54. Улащик Н. Крепостная деревня Литвы и Восточной Белоруссии накануне реформ 1861 г. // ВИ. 1948. № 12.
55. Улащик Н. Д. – Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. // ВИ. 1960. № 3.
56. Файзрахманов А. Ш. Проблема государственного устройства на национальных съездах западных регионов России в 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Файзрахманов Айрат Шамилович ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2010. 277 с.
57. Федоров В. А. Крестьянское движение в национальных районах дореформенной России // ВИ. 1968. № 1.
58. Фейгмане Т. Русские в довоенной Латвии. Рига : Балтийский русский институт, 2000. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/>

59. Чешихин Е. В. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края : в 4 т. Рига, 1877, 1879, 1880 и 1883.
60. Шмидт С. О. – В. Д. Коромок. Ливонская война // ВИ. 1954. № 10.
61. *Cerūzis, R. Vācu faktors Latvijā (1918–1939)*. Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2004.
62. *Einhorn P. Historia Lettica das ist Beschreibung der Lettischen Nation in welcher von der Letten als alten Einwohner und Besitzer des Lieflandes, Curlandes und Semgallen Namen, Ursprung oder Anknufft ihrem Gottes-Dienst, ihrer Republica oder Regimente so sie in der Heydenschafft gehabt, auch ihren Sitten, Geberden, Gewonheiten, Natur und Eigenschaften etc. gruendlich und uembstaendig Meldung geschickt. Der Teutschen Nation und allen der Historischen Warheit Liebhabern zu einem noethigen Unterricht zusammen getragen und in den Druck verfertigt durch Paulum Einhorn, Fuerstlichen Curlaendischen Superintendenten P.M. – Dorpt in Liefland. Gedruckt durch Johann Vogeln, der Koenigl. Acad. Buchdrucker, im Jahr 1649.*
63. *Fēgezaks Zigfrīds, fon. Senči un pēcteči. Piezīmes no senās Livonijas vēstulju lādes 1689–1887*. Vesta LK : Rīga, 2011. 416 lpp.
64. *Gārša A. Latvijas valsts priekštece Livonija ir senāka par krievu un itāļu apvienotajām valstīm. // Latvijas Avīze. 26.03.2018.*
65. *Ilga Apine, Vladislavs Volkovs. Slāvi Latvijā: etniskās vēstures apcerējums*. 1998. Mācību apgāds, 1998. 251
66. *Ilga Apine. Latvijas Sociāldemokrātija un nacionālais jautājums, 1893–1917*. Rīga, Liesma, 1974. 318 Lp.
67. *Leo Dribins, Ojārs Spārītis. Vācieši Latvijā. Latvijas Universitātes filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 2000. 271 lpp.*
68. *Leo Dribins. Mazākumtautību vēsture Latvijā: eksperimentāls metodisks līdzeklis. Zvaigzne, 1998. 270.*
69. *Leo Dribins. Nacionālais jautājums Latvijā, 1850-1940: historiogrāfisks apskats, latviešu autori. Mācību apgāds, 1 янв. 1997, 207 lpp.*
70. *Michael Garleff. Die Deutschbalten als nationale Minderheit in den unabhaengigen Staaten Estland und Lettland. In Gerd von Pistohlkors (Hg.) Deutsche Geschichte im Osten Europas. Bd. 4, Baltische Laender. Siedler Verlag, Berlin, 1994. 492 S.*
71. Raksti par latviskām problēmām, I.-III. Latviešu apvienības Austrālijā zinātnes nozare, piedaloties Kārļa Zariņa fondam, 1969. Lpp. 75.
72. *Ronis, I. Latviešu buržuāzijas politika 1907.1914.gadā. Rīga, 1978.*
73. *Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente ... Данная работа издана на латышском языке: Broce Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti. / 5. sējumos Rīgas skati, ļaudis un ēkas. Rīga : Zinātne, 1992–2007.*
74. *Schirren C. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Reval, 1888.*
75. *Skujenieks M. Latvieši svešumā un citas tautas Latvijā (Mārgers Skujenieks). Rīga, 1930. 139 lpp.*
76. *Vācbaltieši Latvijā (1918–1941) / Sērija: Vēstures avoti augstskolai, VIII sējums / sast. Dr. hist. Inesis Feldmanis – Latvijas Universitātes akadēmiskais apgāds: Rīga, 2016. 246 lpp.*
77. *Vladislavs Volkovs. Krievi Latvijā. Latvijas Zinātņu akadēmijas Filozofijas un socioloģijas institūta Etnisko pētījumu centrs, 1996. 142 lpp.*
78. *Zutis, Jānis. Baltijas jautājums XVIII gadsimtā. Rīga, 1951.*

Problems of interethnic relations in Livonia (historiographical aspect)

V. A. Bogov

post-graduate student of the Department of history and political sciences, Vyatka State University, Director,
Culture Development Fund. Latvia, Riga. E-mail: fiametto@inbox.lv

Abstract. The article discusses research on the study of multicultural contacts in the territory of modern Latvia. A kind of observation on individual ethnic groups that inhabited the modern territory of Latvia began to appear in the 17th century. One of the first authors to describe the history of the Lattes was Lutheran pastor Paul Einhorn. And if during the XIII-XVIII centuries, in most cases, there was only a historical process of describing certain events that took place in Livonia, then during the nineteenth century began the active gathering, processing and evaluation of historical material on inter-ethnic relations in the Baltic lands from the Middle Ages to the vivid manifestation of capitalism. In the XIX century issues of the history of inter-ethnic relations began to be studied in the context of the general history of the Baltic region. More and more, the history of Livonia acquired a characteristic socialization, i.e. a certain national focus. Characterized works are medieval chronicles, publications, historical studies, etc. They are considered in chronological order, with features of the period of their appearance. The analysis of their content is presented, the degree of understanding of inter-ethnic relations of the population of Livland is reflected in a historical retrospective and during the XIX – early XX centuries.

Keywords. Baltic states, Livonia, Lifland province, interethnic contacts, Latvians, Russians, Germans.

References

1. Aksakov I. S. *Sochineniya I. S. Aksakova 1860–1886 T. 7. Pribaltijskij vopros; Vnutrennie dela Rossii; Vvedenie k ukraïnskim yarmarkam: St. iz «Dnya», «Moskvy» i «Rusi»* [Works of I. S. Aksakov 1860-1886 Vol. 7. Baltic question; Internal Affairs of Russia; Introduction to Ukrainian fairs: Art. from «Day», «Moscow» and «Russia». M. Typ. of M. G. Volchaninov. 1886–1887.
2. Andreeva N. «Konec nemeckomu zasil'yu»: pribaltijskie nemcy i Pervaya mirovaya vojna [«The end of German dominance»: the Baltic Germans and the First World War] // *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii. 2015 : sb. st.- Baltic studies in Russia. 2015: coll. art. / comp. M. A. Vilkov, V. V. Siminday. M. Publ. centre of Fund «Historical memory». 2015. P. 72.*
3. Andreeva N. S. «Ostzejskij vopros» v politike Rossijskoj imperii: 1900 – fevral' 1917 g. : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02 ["Baltic question" in politics of the Russian Empire, 1900 – February 1917: dis. ... of Dr. of hist. sciences: 07.00.02] / Andreeva Natalia Sergeevna; St. Petersburg Institute of History of RAS. SPb. 2010. 504 p.
4. Arbuzov L. A. *Oчерк istorii Lifylandii, EHstlyandii i Kurlyandii* [Essay on the history of Livonia, Estonia and Kurland]. SPb. 1912. P. 10.
5. Bahturina A. YU. *Gosudarstvennoe upravlenie zapadnymi okrainami Rossijskoj imperii: 1905 – fevral' 1917 g. : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02* [State administration of the Western suburbs of the Russian Empire: 1905-February, 1917: dis. ... Dr. hist. sciences: 07.00.02]. M. 2006. 303 p.
6. Bukshpan P. YA. – G. Akseberg. *Nacional'nyj vopros v vozzreniyah dekabristov* [G. Axemberg. The national question in the views of the Decembrists] // VI – Worldwide history. 1964, No. 3.
7. Gajvoronskij K. *Nedobrye shvedskie vremena* [Bad Swedish times] // *Vesti Segodnya – News Today. 2011, July 20, p. 8.*
8. Genzelis B. K. – E. Ohmanskij. *Litovskoe nacional'no-kul'turnoe dvizhenie v XIX v* [E. Ochmanski. Lithuanian national cultural movement in the XIX century] // VI – Worldwide history. 1966, No. 11.
9. Gun O. *Topograficheskoe opisanie goroda Rigi* [Topographic description of the city of Riga]. Vol. 1. SPb. 1804.
10. Doroshenko V. V. – Arnol'd Soom. *Baltijskaya hlebnaya trgovlya v XVII v.* [Arnold Soom. The Baltic grain trade in the seventeenth century] // VI – Worldwide history. 1963, No. 10.
11. Drizul A. A. *Istoriya EHstonskoj SSR (s drevnejshih vremen do nashih dnei)* [The history of the Estonian SSR (ancient times)] // VI – Worldwide history. 1953, No. 4.
12. Drizul A. A. – M. I. Kozin. *Krest'yanskoe dvizhenie v Latvii v 60-h gg. XIX v.* [M. I. Kozin. Peasant movement in Latvia in the 60s of XIX century] // VI – Worldwide history. 1961, No. 2.
13. Drizul A. A., Savchenko V. *Nauchnaya sessiya, posvyashchennaya 20-letiyu vosstanovleniyu Sovetskoj vlasti v Pribaltike* [Scientific session dedicated to the 20th anniversary of the restoration of Soviet power in the Baltic states] // VI – Worldwide history. 1961, No. 1.
14. Dubrovin I. V., Suchkov V. V. – O *sbornike «Sovetskaya Pribaltika v bratskoj sem'e narodov SSSR»* [About the collection «Soviet Baltic in the fraternal family of the USSR»] // VI – Worldwide history. 1961, No. 9.
15. Ensh G. *Moskovskoe trgovoe podvor'e v Rige v XVII v.* [Moscow trade representation in Riga in the seventeenth century] // VI – Worldwide history. 1947, No. 11.
16. ZHerbin A. S. *Nekotorye novye tendencii v sovremennoj finlyandskoj burzhuaznoj istoriografii* [Some new trends in the modern Finnish bourgeois historiography] // VI – Worldwide history. 1966, No. 8, p. 183.
17. Zutis YA. YA. *Ob izuchenii istorii Latvii* [On the study of history of Latvia] // VI – Worldwide history. 1955, No. 8.
18. Zutis YA. YA., Karolyus V. D. – M. Stepermanis. *Krest'yanskoe dvizhenie v Vidzeme (1750–1784)* [M. Stepermanis. Peasant movement in Vidzeme (1750–1784)] // VI – Worldwide history. 1958, No. 1.
19. Ignatovich I. I. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v pervoj chetverti XIX v.* [Peasant movement in Russia in the first quarter of the XIX century] // VI – Worldwide history. 1964, No. 10.
20. *Izvestiya AN Latvijskoj SSR № 1 za 1947 g.* – News of Academy of sciences of the Latvian SSR № 1, 1947 // VI – Worldwide history. 1947, No. 12.
21. Kar'yahyarm T. *Popytki reform mestnogo upravleniya v Pribaltike v 1914–1916 gg.* [Attempted reforms of local governance in the Baltic States in 1914–1916] // *Rossiya i Baltiya: ehpocha peremen (1914–1924) – Russia and the Baltic States: the era of change (1914-1924).* M. 2002. Pp. 48–49.
22. Kejsler F. *Okonchanie pervonachal'nogo russkogo vladychestva v Pribaltijskom krae v XIII stoletii* [The end of the original Russian rule in the Baltic region in the XIII century]. SPb. 1900.
23. Kirchanov M. V. *Istoriya razvitiya latyshskogo nacional'nogo dvizheniya v XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03* [History of the Latvian national movement in the XIX-early XX century: author. dis. ... PhD. of hist. sciences: 07.00.03] / Voronezh State University. Voronezh. 2006. 21 p.
24. Krupnikov P. *Polveka istorii Latvii glazami nemcev (konec XIX veka – 1945 god)* [Half a century of history of Latvia through the eyes of the Germans (late XIX century – 1945)]. Riga. 1989.
25. Kruus H. H. – Sven Svensson. *EHkonomicheskie prichiny napadeniya Rossii na Livonskoe Ordenskoe gosudarstvo v 1558 g.* [Sven Svensson. Economic reasons for Russia's attack on The Livonian Order state in 1558] // VI – Worldwide history. 1958, No 1.
26. Kruus H. H. – YU. YU. *Kahk. Krest'yanckoe dvizhenie i krest'yanskij vopros v EHstonii v k. XVIII – pervoj chetverti XIX v.* [Y. Yu Cuhk. Peasant movement and peasant question in Estonia in XVIII – the first quarter of the XIX century] // VI – Worldwide history. 1963, No. 4.

27. Leskov N. S. *Russkie deyateli v Ostzejskom krae (svoi i chuzhie nablyudeniya, opyty i zametki)* [Russian officials in the Baltic region (his and others' observations, experiments and notes)] // *Istoricheskij vestnik* – Historical journal. 1863, No. 11.
28. Loons L. A. *Iz istorii promyshlennogo perevorota v EHstonii* [From the history of the industrial revolution in Estonia] // *VI – Worldwide history*. 1952, No. 5.
29. Majskij B. YU. *Stolypinshchina i konec Stolypina* [Stolypin epoch and the end of Stolypin] // *VI – Worldwide history*. 1966, No. 2.
30. Manusevich A. YA. *Social-demokratiya korolevstva Pol'skogo i Litvy v revolyucii 1905 g.: sb. dokumentov* [Social-democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania in the revolution of 1900: a collection of documents] // *VI – Worldwide history*. 1956, No. 2.
31. Mejendorf A. F. *Razbor obvinenij, zaklyuchayushchihsya v knigah «Pribaltijskij kraj i vojna» Ar. Tupina i «V strane chudes» A. Rennikova: Materialy dlya karakteristiki pohoda v pechati* [The analysis of the charges in the books «Baltic region and the war» by Ar. Tupin and «In Wonderland» by A. Rennikov: Materials for the characteristics of the campaign in print. State typ. 1915.
32. Merkel' G. *Latyshy, osoblivo v Livonii, v iskhode filosofskogo stoletiya. Dopolnenie k narodovedeniyu i che-lovekoznaniyu* [Latvians, especially in Livonia, at the end of the philosophical century. Addition to the ethnography and human study] / transl. from Germ. by A. N. Shemyakin; with a foreword by O. M. Bodyansky // *CHteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete* – Readings in the Imperial society of history and antiquities of Russia at the Moscow University. M. University typ. 1870. 479 p.
33. Mongajt A. L. *K voprosu o russko-pribaltijskikh svyazyah v IX–XII vv.* [To the question about Russian-Baltic relations in the IX–XII centuries] // *VI – Worldwide history*. 1958, No. 6.
34. Moora H. A. – V. T. Pashuto. *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [V. T. Pashuto. Formation of the Lithuanian state] // *VI – Worldwide history*. 1961, No. 9.
35. Mosberg G. *Na I sessii AN EHstonskoj SSR* [At the first session of the Academy of sciences of the Estonian SSR] // *VI – Worldwide history*. 194, No. 11.
36. *Nauchno-issledovatel'skie ehkspedicii AN Latvvijskoj SSR* – Research expeditions of the Academy of sciences of the Latvian SSR // *VI – Worldwide history*. 1947, No. 12.
37. Novickij G. A. *Novye dannye o russkom feodal'nom zemlevladienii v Pribaltike v period Livonskoj vojny (1558–1587)* [New data on Russian feudal landownership in the Baltic States during the Livonian war (1558–1587)] // *VI – Worldwide history*. 1956, No. 4.
38. Pashuto V. *Hozyajstvo i tekhnika srednevekovoj Litvy* [Economy and equipment of medieval Lithuania] // *VI – Worldwide history*. 1947, No. 8.
39. Pashuto V. P. *Protiv nekotoryh burzhuaznyh koncepcij obrazovaniya Litovskogo gosudarstva* [Against some bourgeois concepts of formation of the Lithuanian state] // *VI – Worldwide history*. 1958, No. 8.
40. Pashuto V. T. *Bor'ba narodov Rusi i Vostochnoj Pribaltiki s agressiej nemeckikh, shvedskih i datskikh feodalov v XIII–XV vv.* [Struggle of the peoples of Russia and the Eastern Baltic region with the aggression of German, Swedish and Danish feudal lords in the XIII–XV centuries] // *VI – Worldwide history*. 1969, No. 6.
41. Porshnev B. – Zutis YA. *Ostzejskij vopros v XVIII v* [Zutis J. Baltic question in the eighteenth century] // *VI – Worldwide history*. 1947, No. 2.
42. Rennikov A. M. *V strane chudes: Pravda o pribaltijskikh nemcah. So mnogimi risunkami i snimkami v tekste* [In Wonderland: The truth about the Baltic Germans. With many pictures and pictures in the text]. Pg., 1915. 347 p.
43. Ryzhakova S. I. *EHTnokul'turnye predstavleniya ob osnovah latyshskoj identichnosti: istoricheskij kontekst, vzaimosvyazi, sovremennye aspekty: seredina XIX – nachalo XXI v.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.07* [Ethno-cultural ideas about the foundations of Latvian identity: historical context, relationships, modern aspects: mid-XIX-early XXI century: dis. ... Dr. hist. sciences: 07.00.07] / Ryzhakova Svetlana Igorevna; Institute of Ethnology and anthropology of RAS. M. 2011. 609 p.
44. Savchenko V. I. – A. A. Drizul. *Latviya pod igom fashizma* [A. A. Drizul. Latvia under the yoke of fascism] // *VI – Worldwide history*. 1962, No. 2.
45. Samarin YU. F. *Sochineniya YU. F. Samarina. Pis'ma iz Rigi i Istoriya Rigi* [Works of Y. F. Samarin. Letters from Riga and History of Riga]. Vol. 7. M. 1889. Pp. 58–105.
46. Skazkin S. – Zutis YA. YA. *Ocherki istoriografii Latvii. CH. 1* [Zutis J. J. Essays on the historiography of Latvia. Part 1] // *VI – Worldwide history*. 1949, No. 10.
47. Strazhas A. SH. *Bor'ba litovskogo naroda protiv germanskih kolonizatorov i ih posobnikov v 1915–1917 gg.* [The Struggle of the Lithuanian people against the German colonialists and their accomplices in 1915–1917] // *VI – Worldwide history*. 1959, No. 10.
48. Strazdyn' K. YA. *O mladolatyshskom dvizhenii v 60–70 gg. XIX vv.* [About young Latvian movement in the 60–70 years of the XIX century] // *VI – Worldwide history*. 1959, No. 10.
49. Strod H. P. *Agrarnaya istoriya Pribaltiki XVIII–XIX vv. v burzhuaznoj istoriografii FRG* [The agrarian history of the Baltic States XVIII–XIX centuries in the bourgeois historiography of the FRG] // *VI – Worldwide history*. 1966, No. 3.
50. Suni L. V. – K. EH. *Joustella. Finlyandsko-russkaya trgovlya v 1809–1865 gg.* [K. E. Costella. Finnish-Russian trade in 1809–1865] // 1965. No. 3, P. 178.

51. Syromyatnikov B. – Berezhkov N. *Litovskaya metrika kak istoricheskij istochnik. CH. 1. O pervonachal'nom sostave knig litovskoj istorii po 1522 g.* [Berezhkov N. Lithuanian metric as a historical source. Part 1. The original composition of the books of Lithuanian history till 1522] // VI – Worldwide history. 1946, No. 7.
52. Trusman G. *Vvedenie hristianstva v Lifyandii* [Introduction of Christianity in Livonia]. SPb. 1884.
53. Tupin A. *Pribaltiiskij kraj i vojna* [The Baltic region]. Pg. 1915. 112 p.
54. Ulashchik N. *Krepostnaya derevnya Litvy i Vostochnoj Belorussii nakanune reform 1861* [The fortified village of Lithuania and Eastern Belarus on the eve of the reforms of 1861] // VI – Worldwide history. 1948, No. 12.
55. Ulashchik N. D. – D. L. Pohilevich. *Krest'yane Belorussii i Litvy v XVI – XVIII vv.* [D. L. Pohilevich. The peasants of Belarus and Lithuania in the XVI – XVIII centuries] // VI – Worldwide history. 1960, No. 3.
56. Fajzrahmanov A. SH. *Problema gosudarstvennogo ustrojstva na nacional'nyh s"ezdah zapadnyh regionov Rossii v 1917 g.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Problem of the state at the national conventions of the Western regions of Russia in 1917: dis. ... PhD. of hist. sciences: 07.00.02] / Faizrakhmanov Ayrat Shamilevich; Kazan (Volga) Feder. Univ. Kazan. 2010. 277 p.
57. Fedorov V. A. *Krest'yanskoe dvizhenie v nacional'nyh rajonah doreformennoj Rossii* [Peasant movement in the national areas of pre-reform Russia] // VI – Worldwide history. 1968, No. 1.
58. Fejgmane T. *Russkie v dovoennoj Latvii* [Russians in pre-war Latvia. Riga: Baltic Russian Institute, 2000]. Available at: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/>
59. CHeshihin E. V. *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltiiskogo kraja: v 4 t.* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region: in 4 vol.] Riga, 1877, 1879, 1880 and 1883.
60. SHmidt S. O. – V. D. Koromok. *Livonskaya vojna* [V. D. Koromon. Livonian war] // VI – Worldwide history. 1954, No. 10.
61. Cerūzis, R. *Vācu faktors Latvijā (1918–1939)*. Rīga : LU Akadēmiskais apgads, 2004.
62. Einhorn P. *Historia Lettica das ist Beschreibung der Lettischen Nation in welcher von der Letten als alten Einwohner und Besitzer des Lieflandes, Curlandes und Semgallen Namen, Ursprung oder Ankunfft ihrem Gottes-Dienst, ihrer Republica oder Regimente so sie in der Heydenschafft gehabt, auch ihren Sitten, Geberden, Gewonheiten, Natur und Eigenschaften etc. gruendlich und uembstaendig Meldung geschickt. Der Teutschen Nation und allen der Historischen Warheit Liebhabern zu einem noethigen Unterricht zusammen getragen und in den Druck verfertiget durch Paulum Einhorn, Fuerstlichen Curlaendischen Superintendenten P.M. – Dorpt in Liefland. Gedruckt durch Johann Vogeln, der Koenigl. Acad. Buchdrucker, im Jahr 1649.*
63. Fēgezaks Zigfrīds, fon. Senči un pēcteči. *Piezīmes no senās Livonijas vēstulju lādes 1689–1887*. Vesta LK : Rīga, 2011. 416 lpp.
64. Gārša A. *Latvijas valsts priekštece Livonija ir senāka par krievu un itāļu apvienotajām valstīm.* // Latvijas Avīze. 26.03.2018.
65. Ilga Apine, Vladislavs Volkovs. *Slāvi Latvijā: etniskās vēstures apcerējums*. 1998. Mācību apgāds, 1998. 251 p.
66. Ilga Apine. *Latvijas Sociāldemokrātija un nacionālais jautājums, 1893–1917*. Rīga, Liesma, 1974. 318 p.
67. Leo Dribins, Ojārs Spārītis. *Vācieši Latvijā. Latvijas Universitātes filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 2000. 271 p.*
68. Leo Dribins. *Mazākumtautību vēsture Latvijā: eksperimentāls metodisks līdzeklis*. Zvaigzne, 1998. 270 p.
69. Leo Dribins. *Nacionālais jautājums Latvijā, 1850–1940: historiogrāfisks apskats, latviešu autori*. Mācību apgāds, 1 Jan. 1997, 207 p.
70. Michael Garleff. *Die Deutschbalten als nationale Minderheit in den unabhaengigen Staaten Estland und Lettland*. In Gerd von Pistohlkors (Hg.) *Deutsche Geschichte im Osten Europas*. Bd. 4, Baltische Laender. Siedler Verlag, Berlin, 1994. 492 p.
71. *Raksti par latviskām problēmām, I.-III. Latviešu apvienības Austrālijā zinātnes nozare, piedaloties Kārļa Zariņa fondam, 1969. Lpp. 75.*
72. Ronis, I. *Latviešu buržuāzijas politika 1907.1914.gadā*. Rīga, 1978.
73. *Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente ... This work is published in Latvian: Broce Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti. / 5. sējums Rīgas skati, ļaudis un ēkas*. Rīga : Zinātne, 1992–2007.
74. Schirren C. *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Reval, 1888.
75. Skujenieks M. *Latvieši svešumā un citas tautas Latvijā (Mārgers Skujenieks)*. Rīga, 1930. 139 p.
76. *Vācbaltieši Latvijā (1918–1941) / Sērija: Vēstures avoti augstskolai, VIII sējums / sast. Dr. hist. Inesis Feldmanis – Latvijas Universitātes akadēmiskais apgāds: Rīga, 2016. 246 p.*
77. Vladislavs Volkovs. *Krievi Latvijā. Latvijas Zinātņu akadēmijas Filozofijas un socioloģijas institūta Etnisko pētījumu centrs, 1996. 142 p.*
78. Zutis, Jānis. *Baltijas jautājums XVI – Worldwide historyII gadsimtā*. Rīga, 1951.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 392:947.8«20/21 вв.»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.038

Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX – начале XXI в.

И. Ю. Трушкова

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
заведующая лабораторией «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе»,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: arina_trushkova@mail.ru

Аннотация. На основе анализа этнографических экспедиционных материалов рассматриваются современные модели этнокультуры у разных групп соотечественников (старообрядцев) в зарубежье – в Молдавии, Румынии (1), Латвии, Литве и Польше (2). Первые из них принадлежат к поповцам, белокрыницкому согласию. Вторые – беспоповцы, поморцы. История их на данных территориях насчитывает несколько столетий. За этот срок сложились системы адаптации к местным культурным и хозяйственным реалиям. На сегодняшний день они преломляются в определенном срезе этномониторинга, фиксирующего процессы в моделях рассматриваемых этнокультур в материальном и духовном ракурсах.

Показано бытование традиционных элементов «вещного мира». Как правило, они зависели от существования в городской или сельской средах, социального положения и межкультурных связей. Отмечены традиции хозяйствования, традиционных занятий для староверов в Бессарабии, Прибалтийском крае и Польше. Выявлены некоторые характеристики традиционной одежды, которая в наши дни воспроизводится в стилизованном виде и консервируется религиозными воззрениями в качестве «моленной». В системе питания сохраняется соблюдение постов. Бытовое окружение включает ряд особо значимых для культур предметов.

Отмечено состояние языка, книжности, религии. В ряде местностей русский язык не просто становится вторым для повседневного использования, но и частично утрачивается. Показаны межрегиональные коммуникации этнокультур староверия в данных регионах с регионами России, Евросоюза, другого зарубежья. Намечены перспективы исследования этого феномена.

Ключевые слова: старообрядчество за рубежом, этничность, русская речь, книги, религиозность, культурные контакты.

Современные этнокультурные процессы в странах и регионах выявляют специфику, объяснимую традициями и влияющую на перспективы общественной жизни в территориях различного таксономического ранга. Академические этнографические экспедиционные исследования все чаще включают в себя практико-ориентированную заданность, нацеленность на те или иные потребности сфер культуры, духовной, в том числе и религиозной, жизни, образования, гражданского общества.

Глобальный мир, несмотря на впечатляющие масштабы демографических и социокультурных изменений, продолжает сохранять этническую и конфессиональную мозаичность. Природа устойчивости культур сегодня исследуется с использованием инструментария различных наук. Авторы недавно опубликованных в США социологических исследований [13] полагают, что одним из важных факторов сохранения традиционных ценностей в жизни конкретных сообществ является их приверженность определенным религиозным устоям. В целом разделяя этот тезис, отечественные историки В. О. и В. В. Печатновы отмечают, что методика данных исследований зачастую страдают упрощенными обобщениями, существенно искажающими картину [5]. В частности, они полагают, что при изучении современного православия неприемлемо «именовать православными общины, не находящиеся в евхаристическом общении с Православной Церковью и имеющие серьезные вероучительные и иные расхождения с последней» [5].

Хотя данную категоричную констатацию можно рассматривать как приглашение к дискуссии, его исходный посыл представляется в целом оправданным, когда речь идет о современном старообрядчестве. Будучи одним из ответвлений православия, старообрядчество, при всей многоликости его современных паттернов и разобщенности территориальных локализаций, сформировало свой мир, имеющий устойчивые социальные, культурные и религиозные характеристики. Этот мир неоднороден внутренне. Настоящее исследование нацелено на выявление общих и особенных свойств территориально разобщенных старообрядческих общин, сложившихся в различных регионах Восточной Европы в условиях фронтального взаимодействия с другими христианскими общинами.

В 2018 г. Вятский государственный университет выступил одним из поручителей, а лаборатория «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе», совместная ВятГУ и Удмуртского Института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, стала соисполнителем проекта № 18-1-001896 Фонда грантов Президента Российской Федерации, победителя в номинации «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». Тема проекта – «Книги, культура, Родина» (русские культурные традиции в России и у соотечественников за рубежом). Одним из направлений работ здесь выступили этнографические экспедиционные изыскания в разных регионах европейского зарубежья. Работы проводились традиционными методами, маршрутно-кустовым способом, с применением классических вопросников и наблюдений.

Для этномониторинга и компаративистских исследований были выбраны три макрорегиона, в которых живут старообрядцы. Это – Приуралье и Урал (Россия), южный (Молдавия и Румыния) и северо-западный (Латвия, Литва и Польша). Российские регионы выступали как некая базовая площадка; в зарубежье была выявлена определенная картина воспроизводства этничности, книжности, языка, традиций и обрядов.

Культурные, и в том числе этноконфессиональные, пограничья, специфично могут проявлять себя не только в различных территориальных, но и временных условиях, что усложняет общую картину их существования. Обсуждаемые ныне культурные пограничья в Центральной Европе выявляют некоторые особенности и алгоритмы в системе жизнеобеспечения, как мы говорим, в современный период, а именно в уже почти прошедших первых двух десятилетиях XXI в. В этом смысле показательны исследования в форме так называемого «включенного наблюдения» в ярких этнокультурных средах южных регионов, в число которых заслуженно включается староверие Бессарабии. В методиках исследования «легкую новизну» могут представлять сравнения со старообрядческими общинами Русского Севера, в том числе с Вятским регионом как восточной частью Поморья. Кроме того, этнокультуры планируется рассмотреть как некий живой организм, существующий не только в пространстве, но и во времени.

В Молдавии этнографические исследования проводились в общине г. Кишинева и села Кунича Флорештского района, использовались стандартные вопросники с некоторой переработкой¹.

Кунича – село с преобладанием русского старообрядческого населения белокрыницкого/поповского согласия. В его округе располагаются украинские, молдавские деревни. В 15–20 км от него, в селе Каменка (Приднестровье), живут также немцы и евреи. Религиозная палитра местности в данном этническом пограничье также колоритна. На примере Русского Севера выявляются формулы и если не законы, то закономерности воспроизводства этничности в таких пограничьях.

Культурный ландшафт села Кунича отличается отсутствием адаптации плана поселения к квартальной планировке и привязкой улиц к холмистому рельефу выбранной местности и ручьям. В селении поэтому сравнительно четко проявляются микротерритории («концы» на Русском Севере). Один из таких районов на окраине села – украинский, выделяется наиболее старая часть «пустынка» («не пустынка», как на Севере). Здесь построен памятник-крест. И что особо показательно для культурного ландшафта, в нем есть территория старообрядческого монастыря. В центре стоит храм, построенный (или перевезенный) не позднее конца XVIII в. [9, с. 241]

На Русском Севере поселений с неквартильно-уличной, а уличной и беспорядочной планировкой на начало XXI столетия осталось невероятно мало. Единицы, к примеру, деревня

¹ Здесь и далее – полевые материалы автора (ПМА), Молдавия, август – сентябрь 2018 г.

Заборье Лузского района в Кировской области, как правило, располагались в отдалении от логистики современных дорог и ныне с малым населением или заброшены [11, с. 51–52]. В Молдавии, в селе Кунича, достаточно длительное сохранение такой планировки следует рассматривать не только как архаику, но и как элемент высокой адаптации поселения и его жизнедеятельности к природному ландшафту.

Специфика выявляется в хозяйственном комплексе, именно в алгоритме его приспособления к индустриальной экономике страны на протяжении XX в., и с нынешними «штрихами к портрету». Понятно, что хозяйство включало в себя земледелие и скотоводство. Обработка почв – пшеница, рожь (северная культура), в больших количествах – кукуруза (среднее между хлебопашеством и огородничеством). Само разведение овощей – это еще и бахчевые (арбузы, тыквы, кабачки и т. д.). Общественное и личное огородничество включало и производство подсолнечника, табака, на уборку которого привлекались и школьники из местных деревень. В XXI в. школьники на уборку табака из села, в котором старообрядчество как религия воспроизводится более открыто, не привлекаются даже не из-за религиозных соображений, а из-за отсутствия производства табака. Конечно же, яркий южный колорит в хозяйственно-культурном типе – садоводство. Его современная характеристика – обилие урожая при скромной реализации [8].

Востребованными бы на Русском Севере ныне оказались яблоки, виноград, орехи, чернослив, подсолнечное масло и другая экологически чистая продукция, в том числе и более дешевая, чем в северных краях. Инновация в садоводстве – выращивание клубники по голландской технологии, включающее не только капельный полив, но и многократное опрыскивание специальными химическими препаратами для транспортировки в страну заказа.

Показательно, что на протяжении XX в. состав местного варианта хозяйственно-культурного типа воспроизводился с некоторыми изменениями. По сравнению с Русским Севером в нем не ярко выделяются подсобные занятия – кустарные промыслы и производства. Их представляет в наши дни производство сорговых веников на продажу. Всю оставшуюся нишу занимают транспортные перевозки урожая в другие регионы и теперь страны. В традиционном и индустриальном укладах XIX и XX вв. в северных, чернососных землях излишнее население уходило именно на промыслы у себя на селе или «в отход». В южных землях, вероятно, капитализация труда в деревне происходила через обустройство помещиком перерабатывающих производств (сахарных заводов и проч.) на месте. Особо осмысливаются тогда отъезды разных бригад в советское время, в 1960–80-е гг., на заработки в РСФСР, как отсроченный «отход» государственных крестьян до революции в северных и центральных районах России. Этот «отход» в города продолжается специфично и в первые два десятилетия XXI в., когда массовой стала трудовая миграция в ЕС и РФ.

Отдельная этнографическая тема – орудия труда и средства транспорта. В ней видна тоже пограничность, а если во времени, то – транзитивность. Современная и традиционная (в личном хозяйстве) техника. Фуры, легковые машины и телеги с лошадей. Форма телег также отличная от Севера.

Усадьбы и жилища. «Классика» южной усадьбы и глиняного дома «хаты» воспроизводилась с некоторыми изменениями и в XX в., и в начале XXI в. Усадьба открытая. Жилые и хозяйственные постройки при всей вариативности располагаются с рядом закономерностей. С уличной стороны – основной жилой дом и напротив него в разные направления летний дом, связующая их – почти обязательная арка, обвитая виноградом. Так обеспечивается рассеивающий солнечный свет. При сильной инсоляции это почти обязательное условие комфортного существования на Юге. На Русском Севере борьбы со светом, солнцем нет. Даже наоборот, предпочтительной для окон является южная, солнечная сторона и т. д.

Спереди, с улицы, видна и часть сада. К основному жилищу с тыльной стороны пристраивается своеобразная кладовка. Вход в нее, в основное жилище и в летний дом соотносится с расположением отдельно построенного каменного и присыпанного землей погреба. Северный «ледник», как правило, входит в состав закрытой усадьбы. Необходимость и возможность в комплексе строительных материалов проявляется в глине, хворосте, камыше, глиняных блоках, шифере и хранимой ими прохладе на Юге и в бревнах и досках, шифере, толе и сохранении ими тепла на Севере. Устройство окон, наличники, в том числе на Юге – и внутренние, бани «по-черному», декор интерьера и экстерьера – еще одно направление для компаративистских построений в пространстве и во времени. Показательно, что весь этот этнографический материал касается не традиционного периода – конца XIX – начала XX в., а XX – двух первых десятилетий XXI столетия.

Традиционный костюм сохраняется в деталях в качестве моленной одежды. Обычно прихожанки носят здесь комплект «юбка с кофтой», в последнее время чаще стал использоваться расклешенный, «а ля косоклинный» сарафан. Он считается «фартовой» одеждой. Небезынтересно, что такие сарафаны ранее использовались на Русском Севере и в центре России [4, с. 192–203; 12, с. 326–366].

Вероятно, в связи с выходом на новый уровень культурных контактов с Рогожской митрополией и появились некоторые новации. Особое внимание – головным платкам и маленьким головным уборам под ними – «кикам». Довольно строгое отношение к женским прическам, которые обязательно должны быть в рамках традиции и исключать всевозможные стрижки.

Традиционная культура здесь на протяжении XX в. довольно полно воспроизводилась. «Старообрядческая Кунича продолжает довольно активное существование. Поглощая в полном объеме все то, что дает современная цивилизация. И причина этого – не в разложении устоев народной культуры (они здесь все еще крепки), а в органичном развитии тех тенденций хозяйственной и общественной жизни, которые закладывались уже первыми русскими переселенцами в Бессарабии» [2, с. 73].

Уместно отметить высокую резистентность старообрядческих анклавов по отношению к экспансии «разрушительных постмодернистских инноваций» в сравнении с соседствующими с ними более секуляризованными территориями [6].

Известные этнографам данные об утвари, системе питания, сохранении и воспроизведении традиционных элементов в одежде дополнены мириадами мелких штрихов современного бытования.

Основополагающая тема – религия, речь, самоидентификация и осмысление себя и соседей в микротерритории и за ее пределами. Безусловно, древлеправославие выступает главным стержнем в духовной и материальной культуре. Созвездия монографий российских и зарубежных ученых написаны об этом. Что стоит отметить в данном случае – пограничность активности Браильской и Московской митрополий, рубежность в степени воспроизведения, стойкости обрядности в селе Куничи. Не раз современные жители отмечали, что, раньше обряды в селе были прочнее, церковь чаще ремонтировалась, община была крепче, молодежь тщательнее придерживалась заветов старины; а сейчас – и короткие юбки, и непослушание старшим, и, вообще, разъезжаются.

Такие опасения можно воспринимать опять же в совокупности территориальных и временных сравнений. Только теперь наоборот – не территориальное дополняем временным, а разные периоды – географией локусов старообрядческой культуры. Если для села Кунича существующая ныне степень сохранности староверия и обрядности оценивается иногда как неполная, то монашками воспитанные и обученные грамоте и обрядности дети и подростки по достижении совершеннолетия разъезжаются не только в рамках трудовой миграции, также их посвящают в сан священников в различных старообрядческих епархиях России. И это обстоятельство свидетельствует о достаточно полном воспроизведении культовой практики староверия.

Еще одно знаковое явление – наличие пассионариев в старообрядческой среде Кишинева и Куничи. Формируется целый список людей, занимающихся живописью, прозой и поэзией, в том числе – и по старообрядческой проблематике. Это говорит о достаточно высокой степени самоидентификации и потребности самовыражения. Такая пассионарная энергия, выражающаяся среди прочего и в использовании родной речи (диалектов и литературного русского языка), транслируется по-разному в разных географических направлениях. Логистика таких коммуникаций представляется важной темой для изучения культурных пограничій.

В Румынии, в г. Бухаресте, также отмечается определенная степень воспроизводства этничности у местных старообрядцев («липован»). Используется, хотя и слабо, русская речь. В самом Бухаресте открыт старообрядческий храм, в пригороде строится еще один. Бытовые особенности, по словам прихожан, больше фиксируются в сельской местности. Размыванию родной речи, ее утрате препятствует выпуск русскоязычных изданий – журнала «Китеж-град» и газеты «Зори». В Парламенте Румынии работает соответствующая фракция, депутаты-«липоване». Так, степень сохранения старообрядческой культуры у соотечественников в Молдавии и Румынии представляется средней, с более значительным воспроизведением в Молдавии.

На территории современных Латвии, Литвы и Польши живут в основном старообрядцы – беспоповцы/поморцы. Они позиционируют себя как коренное население. Дело в том, что еще во времена Средневековья, Литовской Руси здесь жило славянское население. После раскола церкви в XVII в. приток приверженцев «древлего благочестия» в край усилился, о чем свидетельствуют и знаменитый «Дегутцкий летописец», и другие документы [1, с. 359–360].

Поэтому изначальный облик традиционной культуры русского населения здесь выявляет сходство с центральными и отчасти северными российскими областями. Отличия между регионами (Латвией, Литвой и Польшей) в наши дни выявляются незначительно, в том числе и в материальной культуре. Разница более прослеживается по линии «городское сообщество – сельское сообщество». Так, например, в связи с реновацией хуторского хозяйства в деревнях хозяйство лишь отчасти воспроизводит традиционный уклад. В деревне Москвино, около г. Прейли в Латвии, фиксируются элементы скотоводства, разведения птицы, огородничество и садоводство [7].

Комплекс традиционных бытовых вещей представлен в основном «этнически маркированными» предметами, среди которых лишь единично встречаются образцы, выполненные в стиле XIX–XX вв. Среди «этнически маркированных» – наборы русских народных художественных промыслов (хохломянская посуда), скатерти и салфетки с псевдорусскими, стилизованными орнаментами, другой домашний текстиль. Используются и единичные предметы мебели, доставшиеся современным владельцам как память о родителях. Среди них – книжные шкафы, буфеты, комоды, кресла и т. д. Безусловно, как драгоценная часть наследства переходят к детям и внукам иконы и книги.

Стилизованная традиционная одежда выступает в качестве «моленной». Ярких костюмных комплексов не выявляется, в том числе – и по причине давнего воспроизводства в городских условиях (г. Рига). Наряду с обычными длинными юбками и кофтами с обязательно длинным рукавом используются и сарафаны. Так, например, в общине г. Сувалки (Польша) бытуют длинные, отрезные по линии талии, со складками спереди и сзади сарафаны. Во всем макрорегионе непреходящей нормой считается ношение головного платка. Однако жестких требований к прическе не выявлено, не все женщины носят длинные косы.

Система питания среди прочего включает традиционное использование травяных чаев, меда, выпечки. Обязательно соблюдение постов, некоторыми членами общин – особенно строго. Показательно распространение специальных сборников об основах питания у староверов Латвии [11].

В комплексе духовной культуры ярким компонентом и прочной основой выступает религия. С ней соотносится и календарная, и семейная обрядность. Строгость конфессиональных канонов не допускает локального разнообразия, которое воспринимается и как отступление от установленных порядков. Необходимый набор богослужебных книг имеется как в храмах, так и на руках у представителей общин.

Степень сохранения русского языка различается на всех трех территориях. Наибольшее бытование русского языка выявлено в Латвии, в том числе в Риге, с ее Гребенщиковской общиной – всемирно известным центром поморской культуры. В других населенных пунктах этой страны русский язык также используется и в старообрядческих общинах, и в городской/сельской повседневности. Все надписи на кладбищах – строго на русском языке, в ряде случаев – старославянскими шрифтами.

В деревнях и городах Литвы русский язык в старообрядческих общинах также используется, особенно в темах, связанных с богослужением. Но отмечены случаи общения между собой на литовском языке; на кладбищах в деревнях Зоросай, Укмерге и др. не единичны случаи надписей на надгробиях латинским шрифтом (как «латыняне»), и без учета разницы окончаний в фамилиях с именами в мужском и женском роде (например – OLGA IVANOV, а не OLDA IVANOVA). Общение на русском языке происходит без акцента.

В населенных пунктах на территории Польши (г. Сувалки, деревни Водзилки, Габовы Гронды) русское население широко использует польский язык, по-русски говорит со значительным включением польских слов и манеры речи [2, с. 175, 177].

Не все представители общин чисто говорят на родном языке. Родная речь используется при посещении храма, кладбища, на мероприятиях общественной организации, работающей в связке с религиозной общиной. В д. Габовы Гронды создан Центр культуры с библиотекой, музейной комнатой, залом для фольклорных и других мероприятий. Здесь же работает известный фольклорный ансамбль «Рябина», в репертуаре которого немало русских песен, в том числе и в «казачьем» стиле.

Польские исследователи отмечают, что после вхождения Литвы в состав ЕС, культурные контакты между староверами Польши и Литвы активизировались, и благодаря этому общению польские «старообжедовцы» ныне говорят по-русски чище, чем до 1990-х гг. Данное явление можно объяснить следующим образом: на территории Литвы в советский пери-

од русский язык был государственным и использовался полно. На территории Польши русская речь «сливалась» с польской речью; два славянских языка быстрее могли смешиваться, и не только в плане лексикона. С возобновлением контактов с литовскими братьями практика говорения на чистой русской речи усилилась.

Везде в трех странах отмечено произношение «свещи» вместо «свечи». Степень воспроизведения этничности, языка, быта и традиций у старообрядцев-соотечественников из стран Балтии и Польши представляется ближе к средней, более ярко воспроизводится все, что связано с «древним благочестием». Ряд мелких деталей говорит о конкретном течении тех или иных этнических процессов в рассматриваемых этнокультурах.

В общем и целом, в рамках этномониторинга проведенный путем экспедиционного обследования конкретный срез состояния этничности и других параметров демонстрирует определенные характеристики культуры старообрядческих сообществ, что позволяет очертить их возможные перспективы и наметить направления сотрудничества. При этом целесообразно учитывать следующее обстоятельство. Если учесть, что этнография/этнология/ культурная антропология имеет немалое пограничье с естественными науками, и если представлять этнокультуры как живые организмы и в них не вымарывать биологическое, физиологическое, материальное, то, может быть, окажется, что в жизни пограничных этнокультур, этнокультур соотечественников в Центральной Европе станут заметными не только гуманитарные, духовные, политические, исторические закономерности. Часть общественных (гуманитарных) процессов по их тяготению к той или иной сущности может быть объяснена и посредством витальности, некоей биологичности, потребностью выживания этнокультур как живых организмов не только в пространстве, но и во времени, в физике и биологии социального.

Список литературы

1. Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши : краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс : AIDAI, 2005. 460 с.
2. Глушковский М. Территориальная разновидность говора польских старообрядцев (на примере избранных идиолектов сувальского и августовского регионов) // Staroobrzadowcy za granica / под ред. М. Глушковского, С. Гжибовского. Торунь : Wydawnictwo Naukowe, 2010. С. 171–180.
3. Иванова А. Г. Посты и постные блюда староверов Латвии. Рига : Рижская Гребенщиковская старообрядческая община, 2015. 136 с.
4. Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструктивный источник творчества. М. : Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
5. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Всемирное православие в зеркале социологических опросов // Церковь и время : научно-богословский и церковно-общественный журнал. Том LXXXV, октябрь-декабрь 2018. С. 48.
6. Печатнов В. В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. № 1. 2017. С. 39.
7. ПМА, Латвия, Литва, Польша, октябрь – ноябрь 2018 г.
8. ПМА, Пермская область, 1980-е гг.
9. Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX в. Одесса ; Измаил ; М., 2010. 528 с.
10. Смилянская Е. Б., Денисов Н. Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М. : «Индрик», 2007. 432 с.
11. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в. (система жизнеобеспечения). Киров : Маури-принт, 2004. 772 с.
12. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния // История и культура Вятского края. Т. 2. М. ; Киров : «Академический проект» – «Константа», 2005. С. 293–510.
13. Orthodox Christianity in the 21st Century. Pew Research Center. Nov. 8, 2017. URL: <http://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century> (дата обращения: 26.02.2019).
14. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. Pew Research Center. Apr. 2, 2015. URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2015/03/PF_15.04.02_Projections_FullReport.pdf (дата обращения: 11.02.2018).

Old believer communities in the Russian abroad: the strokes of ethno-cultural everyday life in the late XX-early XXI century

I. Yu. Trushkova

Doctor of historical sciences, professor of the Department of history and political sciences, head of the laboratory «Ethno-cultural processes in the Kama-Vyatka region», Vyatka State University.
E-mail: arina_trushkova@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of ethnographic expeditionary materials, modern models of ethnoculture are considered for different groups of compatriots (Old Believers) abroad – in Moldova, Romania (1), Latvia, Lithuania and Poland (2). The first of them belong to the «popovtsy», so called «belokrinitskoy soglasie». The second are the «bespopovtsy», the «pomortsy». Their history in these territories goes back several centuries. During this period, systems of adaptation to local cultural and economic realities have been developed. Today they are refracted in a certain section of ethnomonitoring, which fixes the processes in the models of the ethnocultures under consideration in the material and spiritual perspectives.

The existence of the traditional elements of the «world of goods» is shown. As a rule, they depended on the existence in urban or rural environments, social status and intercultural relations. The traditions of economic, traditional occupations for the Old Believers in Bessarabia, the Baltic region and Poland are noted. Some characteristics of traditional clothing, which is reproduced in our days in a stylized form and preserved by religious beliefs as «molennaya», are revealed. In the power system is maintained compliance posts. The everyday environment includes a number of items that are particularly significant for cultures.

The state of language, literacy, religion is marked. In a number of localities the Russian language is not only becoming the second for everyday use, but is also partially lost. Interregional communications of the Old Belief ethnocultures are shown in these regions with regions of Russia, the European Union, and other foreign countries. Prospects for the study of this phenomenon are noted.

Keywords: Old Believers abroad, ethnicity, Russian language, books, religiosity, cultural contacts.

References

1. Baranovskij V., Potashenko G. *Staroverie Baltii i Pol'shi: kratkij istoricheskij i biograficheskij slovar'* [Old believing of the Baltic States and Poland: a brief historical and biographical dictionary]. Vilnius. AIDAI. 2005. 460 p.
2. Glushkovskij M. *Territorial'naya raznovidnost' govora pol'skih staroobryadcev (na primere izbrannyh idiolektov suval'skogo i avgustovskogo regionov)* [Territorial variety of the dialect of the Polish old believers (on the example of the chosen idiolects of suvalsky and August regions)] // *Staroobrzadowcy za granica* / ed. M. Glushkovsky, S. Grzibovsky. Torun. Wydawnictwo Naukowe. 2010. Pp. 171–180.
3. Ivanova A. G. *Posty i postnye blyuda staroverov Latvii* [Fasting and meatless meals old believers in Latvia]. Riga. Riga Grebenschikov old believer community. 2015. 136 p.
4. Parmon F. M. *Russkij narodnyj kostyum kak hudozhestvenno-konstruktivnyj istochnik tvorchestva* [Russian folk costume as an artistic and constructive source of creativity]. M. Legprombytizdat. 1994. 272 p.
5. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Vsemirnoe pravoslavie v zerkale sociologicheskikh oprosov* [World Orthodoxy in the mirror of sociological surveys] // *Cerkov' i vremya. Nauchno-bogoslovskij i cerkovno-obshchestvennyj zhurnal – Church and time. Scientific-theological and Church-public journal*. Volume LXXXV, October-December, 2018. P. 48.
6. Pechatnov V. V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Rossiya XXI – Russia XXI*. 2017, № 1, p. 39.
7. PMA, *Latviya, Litva, Pol'sha, oktyabr' – noyabr' 2018 g.* – PMA, Latvia, Lithuania, Poland, October-November 2018.
8. PMA, *Permskaya oblast', 1980-e gg.* – PMA, Perm, 1980-ies.
9. Prigarin A. A. *Russkie staroobryadcy na Dunae: formirovanie ehtnokonfessional'noj obshchnosti v konce XVIII – pervoj polovine XIX v* [Russian old believers on the Danube: formation of ethno – confessional community in the late XVIII-the first half of the XIX century. Odessa. 2010. 528 p.
10. Smilyanskaya E. B., Denisov N. G. *Staroobryadchestvo Bessarabii: knizhnost' i pevcheskaya kul'tura* [The old Believing of Bessarabia: book culture and song culture]. M. «Indrik». 2007. 432 p.
11. Trushkova I. YU. *Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale XX v. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the XIX – early XX century (life support system)]. Kirov: Mauri-print. 2004. 772 p.
12. Trushkova I. YU. *Tradicionnye kostyumnye komplekсы Vyatskogo kraja: problemy formirovaniya, vzaimovliyaniya, sovremennogo sostoyaniya* [Traditional costume complexes of the Vyatka region: problems of formation, mutual influence, the current state] // *Istoriya i kul'tura Vyatskogo kraja - History and culture of the Vyatka region*. Vol. 2. M.; Kirov. «Academicheskij project» – «Constanta». 2005. Pp. 293–510.
13. Pew Research Center. Nov. 8, 2017, «Orthodox Christianity in the 21st Century». Available at: <http://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/> (accessed: 26.02.2019).
14. Pew Research Center. Apr. 2, 2015, «The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050». URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf. (accessed: 11.02. 2018).

Украшения головы из марийских могильников конца XI–XIII вв.

А. В. Акилбаев

кандидат исторических наук, научный сотрудник направления «Археология»
Марийского научно-исследовательского институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.
Россия, г. Йошкар-Ола. E-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Аннотация. В статье автор ставит цель рассмотреть средневековые марийские украшения головы. Работа основана на материалах могильников конца XI–XIII вв. (Выжумский II, Выжумский III, Починковский, Руткинский, Дубовский). Здесь дается обзор элементов головного убора, серег и височных колец, разрабатывается их типология, выявляются местные и привозные изделия, делаются предположения о путях поступления привозных украшений, определяются аналогии с материалами других территорий и период их использования. Ранее эти проблемы изучались в работах ряда исследователей (Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина), но они не являлись предметом отдельного исследования. Статья сопровождается иллюстративным материалом – прорисовками рассмотренных вещей. Новизна исследования определяется слабой изученностью рассмотренной темы.

Ключевые слова: средневековые марийцы, головной убор.

Известные на сегодняшний день марийские могильники конца XI–XIII вв. локализуются в приустьевой части Ветлуги и прилегающих территориях Волги. Они представлены небольшим количеством грунтовых захоронений, не превышающих несколько десятков. В статье учтены материалы могильников Выжумский II, Выжумский III, Починковский, Руткинский, которые в целом датируются XII–XIII вв., однако имеют ряд погребений, относящихся к концу XI или к рубежу XI–XII вв., и нескольких захоронений могильника Дубовский, датируемых XII в. или рубежом XI–XII вв. Ранние комплексы будут обозначены отдельно.

К настоящему времени собран обширный материал из названных памятников, который характеризуется как марийскими этническими чертами, сближающими его с материалами других финно-угорских народов Волго-Уральского региона, так и обилием привозных вещей.

Исследование украшений головы, как и всего комплекса украшений, строится на материалах могильников, поскольку это обусловлено выразительностью таких материалов и слабой изученностью поселенческих памятников рассматриваемого периода. Могильники содержат большое количество различных предметов, находящихся в закрытых, зачастую надежно датированных комплексах.

Органические остатки головных уборов крайне редки и не могут дать информацию о головных уборах марийцев XII–XIII вв. В погребении 33 Руткинского могильника имеются остатки сложного высокого головного убора (рис. 1). На толстой ткани полукругом расположились металлические украшения: в лобной части в один ряд расположены прямоугольные бляшки с двумя петельками на обратной стороне, под ними – спиралевидные пронизки, составившие второй ряд. От одного до другого виска по дуге находились по четыре фигурные бляшки с двумя петельками на обратной стороне. Над ними в один ряд были круглые бляшки с одной петелькой, а по вискам – по две круглые бляшки и по несколько бусин. Рядом с бусинами находились оловянные височные кольца, но они рассыпались при расчистке, их не удалось зафиксировать [2, с. 17–18].

Венчики, известные по материалам IX–XI вв., почти не представлены, имеется только единичный случай в погребении 5 Руткинского могильника. Здесь у виска имелась лопастно-конечная сьюльгама с остатками ткани с небольшими бляшками в форме полушарий (рис. 2). Концы сьюльгамы раскованы в виде лопастей, поперечное сечение круглое. Подобные украшения широко представлены в мордовских могильниках и датируются X–XIII вв. [4, с. 12] Произвести реконструкцию этого убора не представляется возможным.

Аналогии ни первому, ни второму головным уборам найти не удалось.

Продолжая традиции предшествующих трех веков, марийские женщины носили головные цепочки. Они представляют собой цепочки различного плетения (в 1–3 звена), обернутые в один или несколько раз вокруг головы. В IX–XI вв. такие украшения были выделены в

качестве этноопределяющих для древнемарийской культуры, однако в рассматриваемый период их носят уже не так часто. Головные цепочки известны из погребений 11, 13, 17, 21 Выжумского III, 16 Руткинского могильников.

Помимо бляшек и головных цепочек украшением головы являются серьги и височные кольца. Серьги и височные кольца – одни из самых распространенных украшений марийского населения на всем протяжении IX–XIII вв. В статье учтено 76 экземпляров. Они изготавливались из серебра, олова, бронзы, латуни или меди (точно назвать затруднительно, поскольку состав металла не определен) различными технологическими приемами. Долгое время считалось, что височные украшения небольшого размера являются серьгами, но находки цельнолитых изделий позволяют предположить, что по крайней мере некоторые из них носились не в мочке уха, поскольку не могут быть продеты в него, а в составе головного убора. Возможность ношения серег в составе головного убора основывается на материалах Верхнего Прикамья [4, с. 165–172]. Височные кольца (серьги) встречены и в женских, и в мужских погребениях. Носили их как попарно, так и по одному (в редких случаях по несколько).

На сегодняшний день существует разработанная Г. А. Архиповым [2, с. 18–21] типология височных украшений из древнемарийских могильников. В ее основу положена форма изделия. Эта типология делит височные украшения на серьги и височные кольца. Представленная же в настоящей работе типологическая схема учитывает только размер и форму.

Группа I. Браслетообразные (кольцевые большого диаметра)

Тип 1 – 7 экземпляров. Из гладкой проволоки. Представляют собой круглую в сечении проволоку, согнутую в кольцо. Концы заведены друг за друга или подведены друг к другу (рис. 3). Подобные височные кольца были распространены в финно-угорском мире, но их концентрация отмечена на северо-западе Новгородской земли, известны они на Мининском археологическом комплексе, где датируются XI – первой половиной XII в. [1, с. 101] Встречены: Выжумский III могильник, погребения 13, 21, 22; Руткинский могильник, погребения II, 17, 33 (2 экземпляра). Ранней датой отличается только погребение 13, содержащее подвеску-дирхем, характерную для более раннего периода марийской культуры.

Тип 2 – 1 экземпляр. Ромбоцитковое. Из круглой в сечении проволоки, с тремя раскованными ромбовидными щитками, украшенными насечками в виде косоугольного креста (рис. 4). Такие украшения характерны для словен новгородских с рубежа X–XI вв. до начала XIV в. [1, с. 9–10] Встречены: Выжумский II могильник, погребение 3.

Группа II. Перстнеобразные (кольцевые малого диаметра)

Тип 1. Из гладкой проволоки. Представляют собой согнутую в кольцо круглую в сечении проволоку.

Подтип 1а – 23 экземпляра. Сомкнутые. Концы заведены друг за друга или подведены друг к другу (рис. 5). Аналогии широко представлены на древнерусских памятниках X–XII вв. [1, рис. 105, 1; 9, рис. 84, 4; 11, с. 74; 13, с. 168–169; 22, с. 116, 120; 31, табл. XXVI–XXXI, LIX]. Встречены: Выжумский II могильник, погребения 5, 6; Выжумский III могильник, погребения 8 (2 экземпляра), 9, 20 (2 экземпляра); Починковский могильник, погребения 5, 6; Руткинский могильник, погребения 2, 3, 20, 21, 26, 36 (2 экземпляра), 39, 44; Дубовский могильник, погребения 17 (2 экземпляра), 18 (2 экземпляра), 19. Погребения 8, 9 отличаются ранней датой. В первом случае найдены подвеска-дирхем, подвеска-уточка, отнесенная ко второй половине XI – началу XII в. [7, с. 17] Во втором погребении имелся шаровидный бубенчик с щелевидной прорезью, без пояса, встречаемый в Приладожье в XI в. [23, с. 137] В погребении 5 встречена витая гривна с концами, загнутыми спиралью, датируемая XI–XII вв. [11, с. 66], что также говорит о раннем характере комплекса.

Подтип 1б – 3 экземпляра. Концы кольца либо запаяны, либо изделие цельнолитое (рис. 6). Встречены: Руткинский могильник, погребение I; Выжумский III могильник, погребение 11, Дубовский могильник, погребение 9. В погребении 11 найдены подвеска из дирхема и подвеска-уточка, о которых речь шла выше, погребение I Т. Б. Никитина датирует с конца XI в. по бусам [24, с. 204].

Подтип 1в – 1 экземпляр. Завязанное. Пластинчатая в сечении проволока, один конец которого намотан на другой (рис. 7). Встречены: Руткинский могильник, погребение 21.

Украшения подтипов 1а – 1в типа 1 – самая многочисленная категория височных колец в материалах марийских могильников XII–XIII вв. Встречаются как в женских, так и в мужских погребениях, однако преобладают в мужских. Необходимо отметить, что данные украшения названы височными кольцами условно. Они найдены в области виска и могли вставляться в

проколотую мочку уха, то есть быть серьгами. Исключения составляют изделия со сплошной дугой, не имеющие разъема. Указанные типы украшений, кроме уже приведенных аналогий, известны в материалах муромы [9, рис. 78, 21], мордвы [27, с. 41], мери [20, рис. 90, 3, 4, 17], Волжской Булгарии [8, рис. 60; 17, рис. 40, 1-19], Верхнего Прикамья [3, с. 364, 446; 5, табл. III, 1, 2; 6, рис. 45, 24-27], удмуртов [14, рис. 5; 15, рис. 11, 4, 6, 10, 11]. Они имеют широкую датировку. Их распространенность обусловлена простотой формы и изготовления и, несмотря на огромную географию аналогий, вряд ли связана с торговым влиянием.

В целом перстнеобразные круглопроволочные височные кольца (серьги) имеют довольно раннюю датировку в могильниках XII-XIII вв. В более ранний период истории марийцев, в X-XI вв., эти украшения встречаются в двух могильниках, расположенных вблизи Волги, в районе устья Ветлуги (Дубовский и Нижняя Стрелка). Т. Б. Никитиной было выдвинуто предположение о том, что мужские погребения с перстневидными височными кольцами оставлены пришлым населением, пришлыми мужчинами [25, с. 90]. На сегодняшний день недостаточно материала, чтобы подтвердить данное предположение. Вероятно, эти украшения являются локальным вариантом древнемарийского мужского костюма, поскольку кольцевые височные украшения малого диаметра встречены с типичным для древнемарийских могильников материалом. Рассматриваемые могильники XII-XIII вв. расположены также вблизи устья Ветлуги, и факт ношения таких височных колец, по-видимому, свидетельствует о преемственности традиции в костюме местного населения.

Подтип 1г – 3 экземпляра. Оформлены застежкой в виде одного расплющенного конца с отверстием и другого суженного, со штырьком (рис. 8). Характерны они для памятников муромы в VIII-X вв. [10, с. 24; 12, с. 103], встречаются на мерянских памятниках этого же времени [34, табл. XXIX, 23]. Встречены: Выжумский III могильник, погребения 7, 11, 15.

Подтип 1д – 1 экземпляр. Загнутоконечные. Один конец расплющен и закручен в спираль (рис. 9). Аналогии им есть в Костромском Поволжье и в могильниках Мещерского края [24, с. 187, 188, рис. 52, 1; 60, 6-8]. Встречены: Руткинский могильник, погребение 16.

Тип 2. Бусинные

Подтип 2а – 2 экземпляра. Однобусинные, гладкие. На сомкнутое кольцо из проволоки насажена одна гладкая бусина (рис. 10). Встречены: Руткинский могильник, погребение 40.

Подтип 2б – 10 экземпляров. Однобусинные, жгутовые. Бусины состоят из двух половинок, на месте их стыка припаяно два жгута (рис. 11). Встречены: Выжумский II могильник, погребения 2, 6; Выжумский III могильник, погребение 13; Руткинский могильник, погребения 15 (2 экземпляра), 16, 17; Дубовский могильник, погребения 18 (2 экземпляра), 19.

Подтип 2в – 1 экземпляр. Двубусинные, гладкие (рис. 12). Встречены: Выжумский III могильник, погребение 23.

Подтип 2г – 2 экземпляра. Двубусинные, жгутовые (рис. 13). Встречаются: Починковский могильник, погребение 6; Дубовский могильник, погребение 23.

Подтип 2д – 1 экземпляр. Двубусинные, с гладкими ободками. Бусины состоят из двух половинок, на месте стыка два гладких ободка (рис. 14). Встречены: Выжумский II могильник, погребение 3.

Подтип 2е – 1 экземпляр. Трехбусинные. Бусы цельные, насажены на кольца, обмотанные проволокой, один чуть расплющенный конец имеет отверстие (рис. 15). Встречаются: Выжумский II могильник, погребение 3.

Подтип 2ж – 5 экземпляров. Трехбусинные, жгутовые (рис. 16). Встречены: Выжумский III могильник, погребение 24 (2 экземпляра); Починковский могильник, погребение 1-2; Руткинский могильник, погребение 17 (2 экземпляра).

Подтип 2з – 5 экземпляров. Трехбусинные, с гладкими ободками (рис. 17). Встречены: Выжумский II могильник, погребения 1 (2 экземпляра), 3; Дубовский могильник, погребения 20, 27.

Подтип 2и – 2 экз. Трехбусинные, зерненные. Три желудеобразные бусины с пояском зерна на месте стыка половинок бусины разделены намоткой из тонкой проволоки (рис. 18). Встречены: Руткинский могильник, погребение 17.

Бусинные височные кольца известны на территории Волжской Булгарии, где были распространены в основном в домонгольский период [8, с. 169-170, рис. 60; 17, рис. 40, 24, 25], в удмуртском Кузьминском могильнике, где датируются с рубежа XI-XII по XIII в. [25, с. 38-39, рис. 11, 21, 22, 25, 27-29], аналогичные височные кольца характерны для половецких погребений конца XI-XII вв. [33, рис. 84]. Похожие украшения были распространены достаточно широко по территории Руси [29, с. 57-58, табл. I: 12, 12]. Подтип 2з известен в древностях ят-вагов [34, табл. CXXXVII, 4].

В марийском костюме бусинные кольца берут начало в поздних погребениях Дубовского могильника. Встречены на нем вместе с перстнем с валиком, известным на Руси в конце XI–XII вв.: владимирские курганы, Калужская область, Московская область, Нефедьевский могильник, а также в Томниковском могильнике [1, с. 121; 26, с. 270]; с витыми петлеконечными браслетами, аналогии которым есть в Новгороде в XI–XII вв. [32, рис. 34, 3а, с. 94–96] Однако самый ранний экземпляр колец с бусиной имеется в погребении 5 Кочергинского могильника.

Тип 3. Витые

Подтип 3а – 2 экземпляра. Двойные. Сплетены из двух проволок (рис. 19). Встречены: Выжумский III могильник, погребение 9; Починковский могильник, погребение 6.

Подтип 3б – 1 экземпляр. Тройные. Из тонкой проволоки, согнутой втрое. Один конец не сохранился, второй оформлен в виде петли (рис. 20). Встречаются: Выжумский II могильник, погребение 2.

Витые перстневидные височные кольца имеются в Костромском Поволжье, где появляются с XI в. [30, с. 187, 188, рис. 52, 3]

Ранней датой отличается погребение 9 Выжумского III могильника.

Группа III – 2 экземпляра. Калачевидные, украшенные зернью (рис. 21). Калачевидные серьги известны в материалах IX–X вв. на Южном Урале [21, с. 74–75, 88–89], в погребении последней четверти XI – рубежа XI и XII вв. Нефедьевского могильника [22, с. 128, 357], на Чепце [14, с. 56–57; 15, с. 39–40], на городище Иднакар [16, с. 139, рис. 54, 2], в древностях корелы [18, табл. 3, 4], в материалах Рождественского археологического комплекса [3, с. 364–365, 446], в Костромском Поволжье [30, с. 187, 188, рис. 52, 5]. Встречены: Выжумский III могильник, погребение 16. Погребение может быть ранним. Здесь найдена лировидная пряжка, датируемая в Новгороде XI–XII вв. [32, с. 144]

Группа IV – 3 экземпляра. Иногда в качестве височного украшения применялись рубчатые перстни, представляющие собой цельнолитое кольцо с утолщенной передней частью, украшенной нарезкой (рис. 22). Подобные изделия широко распространены по территории Северной Руси с конца X по XIII в. [11, с. 76; 13, с. 182; 26, с. 264] На Мининском археологическом комплексе они известны в XII – начале XIII в. [1, с. 123–124] Встречены: Починковский могильник, погребение 7, Выжумский III могильник, погребения 22, 24 (перстень здесь продет в височное кольцо).

К рубежу XI–XII вв. представленные здесь височные украшения вытесняют браслетообразные проволочные височные кольца с отогнутым концом, являющиеся этническими для марийцев IX–XI вв. Большинство рассмотренных типов височных колец и серег имеет аналогии в древностях Руси. Характер поступления таких вещей был сложным. Это и сбыт ремесленной продукции древнерусских мастеров, которые, в связи с освоением Волго-Окского междуречья, стали ближе к Среднему Поволжью и Вятско-Ветлужскому междуречью. Это и этнические контакты, поскольку отдельные группы населения,двигающегося на восток, могли проникать на территорию расселения марийцев.

Список литературы

1. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2 / отв. ред. С. Д. Захаров. М. : Наука, 2008. 365 с.
2. *Архипов Г. А.* Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1986. 163 с.
3. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : Перм. гос. пед. ин-т, 2008. 603 с.
4. *Беляева Я. В., Вихляев В. И., Зеленцова О. В., Шитов В. Н.* Кельгининский могильник: раскопки 1990-х гг. Саранск : Красный октябрь, 1998. 168 с.
5. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
6. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.
7. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // Археология СССР. Вып. Е 1–59. М. : Наука, 1979. 113 с.
8. *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков.* Казань : Ин-т истории АН РТ, 1996. 300 с.
9. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 268 с.
10. *Гришаков В. В., Зеленева Ю. А.* Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола : МарГУ, 1990. 77 с.
11. *Древняя Русь. Быт и культура.* М. : Наука, 1997. 368 с.
12. *Дубынин А. Ф.* Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Л., 1949. Вып. XXVII. С. 91–97.
13. *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М. : Индрик, 2004. 592 с.

14. Иванова М. Г. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск : НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 52–76.
15. Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 184 с.
16. Иванова М. Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 294 с.
17. Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Ин-т истории АН РТ, 1991. 176 с.
18. Кочурина С. И. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 159 с.
19. Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. : Сов. Россия, 1967. С. 7–54.
20. Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-восточной Руси. М. : Геоэко, 1996. 341 с.
21. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 162 с.
22. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М. : Скрипторий, 1997. 386 с.
23. Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. : Сов. Россия, 1967. С. 149–206.
24. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола : МарНИИ, 2002. 432 с.
25. Никитина Т. Б. Украшения из марийских могильников IX–XI вв. как источник для изучения этнокультурных процессов (к методике изучения) // Научный Татарстан. Казань : Фэн, 2010. С. 85–91.
26. Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. : Сов. Россия, 1967. С. 253–274.
27. Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В. Второй Журавкинский могильник. Саранск : Красный октябрь, 2010. 132 с.
28. Подосенова Ю. А. К вопросу о ношении височных колец средневековым финно-угорским населением // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конф. Пермь : ПГПУ, 2007. С. 233–235.
29. Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. : Наука, 1986. 160 с.
30. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб. : Изд-во С.- Петерб. ун-та, 1997. 260 с.
31. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. : Наука, 1982. 328 с.
32. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 65. М. : Наука, 1981. 196 с.
33. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / отв. ред. С. А. Плетнева. М. : Наука, 1981. 304 с.
34. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. Т. 17 / отв. ред. тома В. В. Седов. М. : Наука, 1987. 511 с.

Head ornaments from Mari burial grounds of the end of XI–XIII centuries

A. V. Akilbaev

PhD of historical sciences, researcher in the field of Archaeology, Mari research Institute of language, literature and history n. a. V. M. Vasilyev. Russia, Yoshkar-Ola.
E-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Abstract. In the article, the author aims to consider the medieval Mari head ornaments. The work is based on burials materials of end of the XI – XIII centuries (Vyzhumsky II, Vyzhumsky III, Pochinkovsky, Rutkin-sky, Dubovsky). Here is an overview of the elements of headgear, earrings and temporal rings, typology being developed, local and imported products are identified, assumptions are being made about the ways in which imported jewelry arrives, determined by analogy with the materials of other territories and the period of their use. Earlier, these problems studied in a number of works (by G.A. Arkhipov, T.B. Nikitina), but they were not a separate study. The article is accompanied by illustrative material – drawings of the considered things. The novelty of the research is determined by the weak scrutiny of the topic considered.

Keywords: medieval Mari, headwear.

References

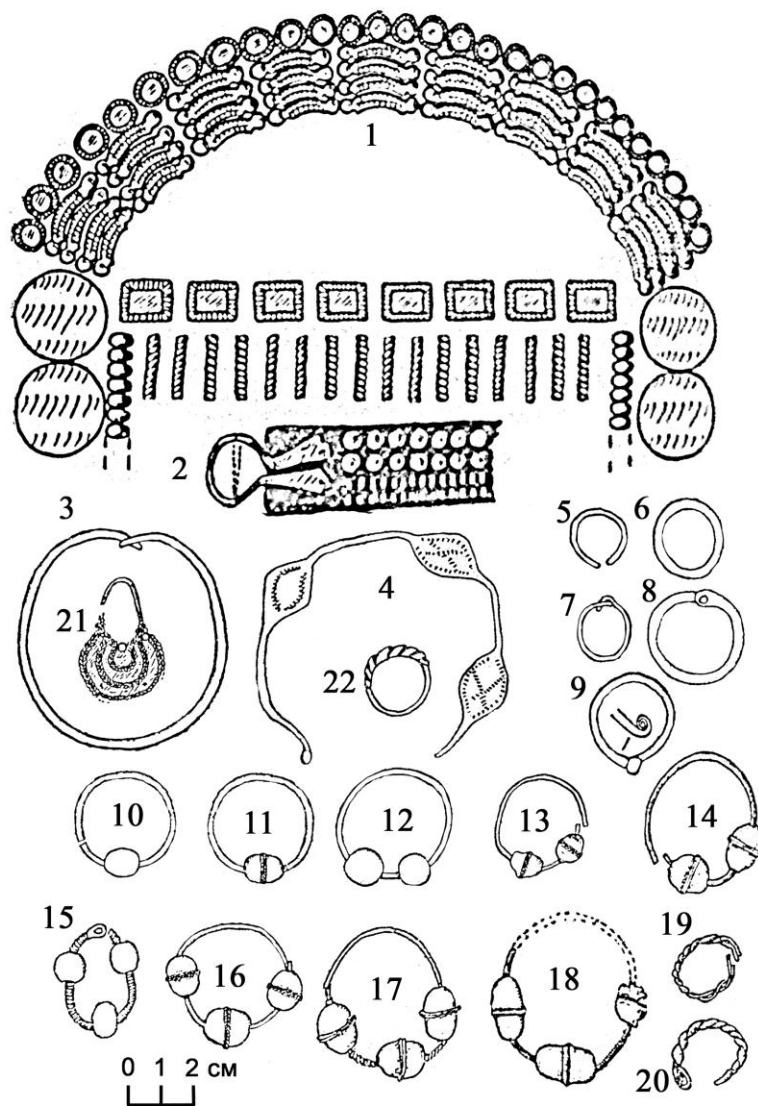
1. *Arheologiya severnorusskoj derevni X–XIII vv.: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere. T. 2* – Archeology of the North Russian village of X–XIII centuries: medieval settlements and burial grounds on the Cuban lake. Vol. 2 / resp. ed. S. D. Zakharov. M. Nauka. 2008. 365 p.
2. *Arhipov G. A. Marijcy XII–XIII vv* [The Mari XII–XIII centuries]. Yoshkar-Ola. Mar. book publishing house. 1986. 163 p.

3. Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arheologicheskij kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afcula: archaeological complex near village Rozhdestvenskaya]. Perm. Perm State Ped. In-t. 2008. 603 p.
4. Belyaeva YA. V., Vihlyayev V. I., Zelencova O. V., SHitov V. N. *Kel'gininskij mogil'nik: raskopki 1990-h gg.* [Kalininskiy burial ground: excavations of the 1990s]. Saransk. Ktasnyj Ocyabr'. 1998. 168 p.
5. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing house of Irkut. University. 1985. 280 p.
6. Goldina R. D., Kananin V. A. *Srednevekovye pamyatniki verhov'ev Kamy* [The medieval monuments of the upper reaches of the Kama river]. Sverdlovsk. Publishing house of Ural University. 1989. 216 p.
7. Golubeva L. A. *Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov* [Zoomorphic ornaments of Finno-Ugric peoples] // *Arheologiya SSSR – Archaeology of the USSR. Issue E 1-59.* M. Nauka. 1979. 113 p.
8. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznecov, litejshchikov* – The town of Bolgar: the craft of metallurgists, blacksmiths, foundry. Kazan. Institute of history of Tatarstan Academy of Sciences. 1996. 300 p.
9. Goryunova E. I. *EHTnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic history of the Volga-Oka interfluves] // *MIA – Materials and Researches in Archaeology.* No. 94. M. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1961. 268 p.
10. Grishakov V. V., Zeleneev YU. A. *Muroma VI –XI vv* [Muroma of VII – XI centuries]. Yoshkar-Ola. Mari State University. 1990. 77 p.
11. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura – Ancient Russia. Life and culture.* M. Nauka. 1997. 368 p.
12. Dubynin A. F. *Raskopki Malyshevskogo mogil'nika* [Malyshev burial ground excavations] // *KSIIMK – Brief reports of the Institute of history of material culture.* L. 1949. Issue XXVII. Pp. 91–97.
13. Zaharov S. D. *Drevnerusskij gorod Beloozero* [Ancient Russian city of Beloozero]. M. Indrik. 2004. 592 p.
14. Ivanova M. G. *Malovenizhskij mogil'nik* [Malovenizhskiy burial ground] // *Srednevekovye pamyatniki bassejna r. CHEPcy* – Medieval monuments of the basin of Cheptsya. Izhevsk. Scientific research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. 1982. Pp. 52–76.
15. Ivanova M. G. *Pogrebal'nye pamyatniki severnyh udmurtov XI–XIII vv* [Funerary monuments of the Northern Udmurts XI–XIII centuries] Izhevsk. Udm. Institute of History, Language and Literature, Ural branch of RAS. 1992. 184 p.
16. Ivanova M. G. *Idnakar: drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv* [Idnakar: ancient Udmurt settlement IX–XIII centuries] Izhevsk. Udm. Institute of History, Language and Literature, Ural branch of RAS. 1998. 294 p.
17. Kazakov E. P. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovij Kamy* [Bulgarian village in X–XIII centuries, the lower reaches of the Kama]. Kazan. Institute of history of Tatarstan Academy of Sciences. 1991. 176 p.
18. Kochkurina S. I. *Arheologicheskie pamyatniki korely V–XV vv* [Archaeological sites of korela of V–XV centuries]. L. Nauka. Leningr. department. 1981. 159 p.
19. Levashova V. P. *Visochnye kol'ca* [Temporal rings] // *Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy GIM* – Essays on the history of the Russian village of X–XIII centuries. Issue 43. M. Sov. Russia. 1967. Pp. 7–54.
20. Leont'ev A. E. *Arheologiya meri. K predystorii Severo-vostochnoj Rusi* [Archaeology of the Mary. To the prehistory of North-Eastern Russia]. M. Geoco. 1996. 341 p.
21. Mazhitov N. A. *Kurgany YUzhnogo Urala VIII–XII vv* [Mounds of the South Urals VIII–XII centuries]. M. Nauka. 1981. 162 p.
22. Makarov N. A. *Kolonizaciya severnyh okrain Drevnej Rusi v XI–XIII vv* [Colonization of the Northern outskirts of Ancient Russia in XI–XIII centuries]. M. Scriptorium. 1997. 386 p.
23. Mal'm V. A., Fekhnner M. V. *Priveski-bubenchiki* [Hang-ups – bells] // *Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv.* – Essays on the history of the Russian village of X–XIII centuries. Works of GIM. Issue 43. M. Sov. Russia. 1967. Pp. 149–206.
24. Nikitina T. B. *Marijcy v ehphou srednevekov'ya* [Mari in the middle ages]. Yoshkar-Ola. MarSRI. 2002. 432 p.
25. Nikitina T. B. *Ukrasheniya iz marijskih mogil'nikov IX–XI vv. kak istochnik dlya izucheniya ehtnokul'turnyh processov (k metodike izucheniya)* [Jewelry from Mari burials of the IX–XI centuries as a source for studying ethno-cultural processes (to the methodology for the study)] // *Nauchnyj Tatarstan – Scientific Tatarstan.* Kazan. Fen. 2010. Pp. 85–91.
26. Nedoshivina N. G. *Perstni* [Rings] // *Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy GIM* – Essays on the history of the Russian village of X–XIII centuries the Works of GIM. Issue 43. M. Sov. Russia. 1967. Pp. 253–274.
27. *Peterburgskij I. M., Vihlyayev V. I., Svyatkin S. V. Vtoroj ZHravinskij mogil'nik* [The second Juravinski burial ground]. Saransk. Krasnyj Ocyabr'. 2010. 132 p.
28. Podosenova YU. A. *K voprosu o noshenii visochnyh kolec srednevekovym finno-ugorskim naseleniem* [To the question about the wearing of temple rings by medieval Finno-Ugric population] // *Materialy XXXIX Uralo-Povolzhskoj arheologicheskoy studencheskoj konf.-* Proceedings of the XXXIX Ural-Volga archeological student conference. Perm. PSPU. 2007. Pp. 233–235.
29. Ryabinin E. A. *Kostromskoe Povolzh'e v ehphou srednevekov'ya* [Kostroma Volga region in the middle ages]. L. Nauka. 1986. 160 p.
30. Ryabinin E. A. *Finno-ugorskie plemena v sostave drevnej Rusi* [Finno-Ugric tribes as a part of ancient Russia]. SPb. Publishing House of St. Petersburg University. 1997. 260 p.
31. Sedov V. V. *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in VI–XIII centuries]. M. Nauka. 1982. 328 p.

32. Sedova M. V. *YUvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X-XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (X-XV centuries)] // *Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ehkspedicii* – Proceedings of the Novgorod archaeological expedition. Vol.1. Materials and Researches in Archaeology. No. 65. M. Nauka. 1981. 196 p.

33. *Stepi Evrazii v ehpohe srednevekov'ya* – Steppes of Eurasia in the middle ages // *Arheologiya SSSR* – Archeology of the USSR / resp. ed. S. A. Pletneva. M. Nauka. 1981. 304 p.

34. *Finno-ugry i balty v ehpohe srednevekov'ya* – Finno-Ugric and Balts in the middle ages // *Arheologiya SSSR* – Archeology of the USSR. Vol. 17 / resp. volume ed. V. V. Sedov. M. Nauka. 1987. 511 p.

1 – погр. 33 Руткинского могильника, 2 – погр. 5 Руткинского могильника,
 3 – погр. II руткинского могильника, 4 – погр. 3 Выжумского II могильника,
 5 – погр. 44 Руткинского могильника, 6 – погр. 11 Выжумского III могильника,
 7 – погр. 21 Руткинского могильника, 8 – погр. 15 Выжумского III могильника,
 9 – погр. 16 Руткинского могильника, 10 – погр. 40 Руткинского могильника,
 11 – погр. 13 Выжумского III могильника, 12 – погр. 23 Выжумского III могильника,
 13 – погр. 6 Починковского могильника, 14 – погр. 3 Выжумского II могильника,
 15 – погр. 3 Выжумского II могильника, 16 – погр. 24 Выжумского III могильника,
 17 – погр. 1 Выжумского II могильника, 18 – погр. 17 Руткинского могильника,
 19 – погр. 6 Починковского могильника, 20 – погр. 2 Выжумского II могильника,
 21 – погр. 16 Выжумского III могильника, 22 – погр. 7 Починковского могильника.

Прорисовки вещей Г. А. Архипова

Верховная власть и национальное самосознание уральских старообрядцев в конце XIX – начале XX в.

А. В. Теленков

кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел по изучению политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-9390-7538. E-mail: Telenkovav@ucpermoil.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о национальном самосознании русских старообрядцев в период серьезных исторических изменений во всех сферах жизни страны – рубеж XIX – начало XX в. (используются материалы Среднего Урала). Этот период характеризуется бурным промышленным ростом, индустриализацией. Коснулись изменения и духовной жизни народа, в том числе вопросов самоидентификации.

Феномен национального самосознания русских осложнен наличием значительного числа старообрядцев. Характер их этнического самосознания отличен от основной массы русского народа, в первую очередь, в вопросах отношения к власти (центральной и местной). В то же время старообрядцы выступают хранителями русских традиций, культуры, книжности, что объединяет их с остальным русским народом.

Ключевые слова: национальное самосознание, старообрядчество, православие, официальная церковь, русский народ, религиозная культура.

В современной научной и общественной мысли актуальны вопросы соотношения и взаимодействия этнической и национальной идентификаций. Говоря о национальном (этническом) самосознании (идентичности), о его структуре и формах проявления, следует, кроме прочего, брать во внимание религиозную сферу жизни народа. Данный подход справедлив и в отношении русских второй половины XIX – начала XX в. Важным аспектом в вопросе национальной идентификации являются воззрения на государственную власть, образ власти, который может играть роль интегратора или, напротив, дезинтегратора. Именно поэтому, помня о перипетиях церковного раскола и его последствиях, когда верховная власть встала на сторону одних и поддержала гонения на других, следует поставить вопрос о роли представлений старообрядчества о верховной власти в контексте его этнического самоопределения. При этом данная тема ограничена указанными выше хронологическими рамками как периода начала модернизации в России, оставившего после себя массовые источники. Географически вопрос ограничен Средним Уралом – бывшей Пермской губернией, хотя в работе использованы материалы и других регионов.

Из заглавия данной статьи следуют вопросы: 1) считали ли старообрядцы себя русскими и идентифицировали ли их таковыми другие русские; 2) каковы были взгляды старообрядцев на верховную власть; 3) как отражались представления о государственной власти в процессе национальной самоидентификации?

С возвращением в постсоветское время интереса к религии наблюдается и активизация научной деятельности по старообрядческой проблематике. Происходит это в том числе на Среднем Урале – одном из важных центров старой веры. Так, например, в 2010 г. в Перми вышел сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Русское старообрядчество в истории и культуре: прошлое и настоящее». Исследования касаются всех сторон жизни старообрядческих общин: их прошлого и современного состояния, духовной и материальной культуры, семьи, общества и личности.

Первые упорядоченные и официальные сведения, а также жизнеописания о старообрядцах стали поступать от священников официального православия во второй половине XIX в., что наглядно показано в работах И. Ю. Трушковой [31].

Еще в XIX в. такие исследователи, как А. П. Щапов, видели в старообрядчестве не только религиозный конфликт, но и нечто большее – историческое, бытовое, социальное явление, причины которого лежали в экономической и политической сферах. По мнению данного исследователя, со времен Петра Великого вопрос раскола поменял характер с религиозного на

гражданский; и, таким образом, старообрядчество выступало в общественной жизни как народно-демократическая сила, оппозиционная власти [36].

Большой вклад в изучение старообрядцев внесли такие ученые, как Е. М. Сморгунова, И. В. Поздеева, Г. Н. Чагин, С. А. Дисмухаметова, С. Е. Никитина и др., проводившие с начала 70-х гг. прошлого века комплексные полевые исследования в области фольклора, книжности, материальной культуры и традиций. Благодаря этим исследователям удалось накопить большое количество эмпирического материала обо всех сторонах жизни старообрядцев. В нашем случае особенно интересен фольклор, духовные стихи, записанные на Среднем Урале от носителей старообрядческих традиций.

В совместном труде «О воззрениях русского народа» современные исследователи М. М. Громыко и А. В. Буганов, изучившие огромное количество фольклорных источников XIX в., указывают на «массовость религиозного сознания» в среде русского простонародья [8, 7]. В этой масштабной работе, тем не менее, старообрядчество не выделено как отдельный феномен, хотя среди используемого ими материала есть и то, что принадлежит старообрядцам.

Современный исследователь О. П. Ершова ряд работ посвятила проблематике взаимоотношений старообрядчества с властью. Автор данных изысканий рассматривает старообрядчество в трех плоскостях: 1) как феномен традиционализма в духовной сфере (книжность, идеологические и мировоззренческие проблемы); 2) с точки зрения положения старообрядцев в обществе и государстве, их отношения с правительственными структурами (правовая, законодательная база, борьба за права); 3) в контексте проблемы экономической и хозяйственной жизни, истории старообрядческого предпринимательства. Вопросы о национальном самосознании и действующем на него конфессиональном факторе не ставятся, проблемы отношения с властью анализируются с правовой или социальной позиций [9].

Что касается обозначенного периода, православие в целом сохраняло свои позиции. Согласно статистике, Российская империя представляла собой по преимуществу православное общество (76% без учета старообрядцев) [20, 11]. При этом принципиально важно, что православие было не просто одной из конфессий (пусть и самой массовой), оно являлось официально одной из основ власти. Верховная власть в лице государя императора посредством церковного языка воспринималась как нечто сакральное. Не случайно в официальных документах, в прессе, публицистике и нарративных произведениях царь именовался «помазанником Божиим». Безусловно, такой союз государства и церкви был взаимовыгоден: власть со своей стороны покровительствовала православной церкви.

Ведя речь о Пермской губернии, отметим, что количество православных здесь было выше, чем в целом по стране. Статистические данные в начале 60-х гг. XIX в. указывают на 95% населения губернии, отождествляющих себя с православием (это вместе со старообрядческими общинами) [25]. Спустя почти полвека, в 1914 г., дается примерно такая же цифра – 94% [25, 168]. Конфессиональную ситуацию в губернии можно выразить и перечнем церквей и монастырей, коих в Пермской епархии насчитывалось 474 и 15 соответственно [26, 240]. Прихожанами этих храмов были полтора миллиона православных; к этому необходимо добавить еще 150 тысяч старообрядцев [2, 59].

Подобная картина полного преобладания официального православия наблюдалась в начале XX в. и в других губерниях Российской империи. Однако процент старообрядцев настолько высоким был далеко не везде. Пермская губерния исторически считалась одним из важнейших центров старой веры. Территория эта насчитывала несколько общин, наиболее крупными из которых были: бегуны, беглопоповцы, поморцы и часовенные. Оценить долю старообрядцев весьма непросто, учитывая приписывание к официальной церкви, однако встречаются, например, такие данные за 1880 г.: 52985 человек, что составляет примерно 2,5% от общего числа жителей губернии [35, 81–82].

Нельзя сказать, что между двумя составляющими национальной самоидентификации «русский» и «православный» ставится знак равенства: есть православные грузины, греки, румыны и т. д. При этом они не являются русскими. В дореволюционной России бытовало в сознании народа и насаждалось от властей представление о том, что русский может быть только православным [1, 86]. То есть русский – это православный, но не каждый православный – русский. Далее эта идеологическая формулировка лишь слегка трансформировалась в связи с одним из явлений модернизационных процессов, охвативших Российскую империю в конце XIX – начале XX в., – парламентаризмом. Для выдерживания установленной доли депутатов русской национальности от окраин возникла необходимость дать определение, кто такие русские. От-

вет был дан: русские – это православные, старообрядцы и лютеране [6]. Это лишь пример того, как сама власть признавала русскими как прихожан официальной церкви, так и старообрядцев. Лютеране же в данном случае – в основном обрусевшие немцы – признаны русскими как опора власти на национальных («инородческих» в стилистке той поры) окраинах.

И если религиозные воззрения разделяли прихожан официальной церкви и старообрядческие общины, то принадлежность к русскому народу, наоборот, объединяла. Власть же в этом вопросе до закона о веротерпимости 1905 г. активно содействовала переходу старообрядцев в лоно официальной церкви, в том числе в форме единоверия. Сам же институт Церкви имел прямое отношение к власти, как минимум, со времен Петра I и учреждения им 14 февраля 1721 г. Святейшего правительствующего синода. И это «срастание» власти и религии не могло не сказаться на всей общественной жизни в целом и на национальном самосознании в частности.

Власть государя православного (уточним: в понимании старообрядчества – нового православия в противовес их «древнему православию»), сам его образ как общенародный символ, дающий представление о русском «верноподданничестве», выступали важнейшими факторами национальной идентификации.

Следует отдать должное церковным иерархам, влиявшим на формирование общественного мнения, в том числе настраивавшим народ на отношение к власти как к священному, сакральному. Без православия, утверждали они, не только русское общество, но государство немислимы. Должно быть, именно поэтому (благодаря теснейшей связи власти и церкви, деятельности священнослужителей и патриархальным воззрениям большинства) после свержения Николая II простые пермские крестьяне высказывали следующие соображения по поводу будущего страны: «У нас нет больше Царя, нет больше отца, которого мы любили, Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим Патриарха» [12, 11]. Нельзя не увидеть, что в этих словах обоюдно отражена как роль официальной церкви в созидании конфессионального самосознания, так и патриархальная его изначальная основа.

Действительно, трудно переоценить роль официальной церкви в формировании религиозных и (косвенно) национальных взглядов. Степень влияния на сознание простого народа со стороны архипастырей следует оценить как высокое. Мы находим множество свидетельств того, что своими речами они регулярно собирали массу слушателей, общались с паствой непосредственно, а также при помощи СМИ, выступали в качестве духовных ориентиров.

Формируя лояльное отношение православных к государственной власти, архимандриты и приходские священники всегда подчеркивали взаимозависимость религии и власти. Игумену Белогорского Свято-Николаевского монастыря Серафиму принадлежат слова: «...Государь Русский, Государь Православный только и может быть Самодержавным» [3, 23]. Протоиерей И. Д. Лебедев, используя свой поэтический дар (кстати, его стихи регулярно появлялись на страницах уральской печати), сочинил «народный гимн», в котором православие, Русская земля и Государь («правды блюститель») преподносятся как столпы русского мира [14].

Однако, с другой стороны, согласно воззрениям основной части русского общества, русский мир – мир православный, мир истинной церкви, призванной нести христианское вероучение другим народам. В данном случае именно русский царь является главным заступником и слугою церкви Божией, символом заступника православной земли и православного люда. Для иллюстрации можно привести слова вице-председателя Православного Палестинского общества Т. И. Филиппова: «Призвание России – служить оплотом Церкви и быть ее оградой и упованием...». «Единый под солнцем православный государь, – продолжает оратор, – правитель Руси, приял от Бога свою власть прежде всего и более всего для охранения Его Церкви» [24]. И далее, – через «усердие к храмам Божьим, и своей любовью к Церкви православной» государь «блюдет святыню народной души» [11].

Церковь и православная вера в совокупности с самодержавной властью и образом Государя как архипастыря выступала в качестве важнейшего национального символа, способного вызвать сильные национальные чувства. И все это верно для большей части русского народа, поддерживающей официальную церковь. Однако были еще старообрядческие общины, и роль старообрядчества в истории страны, в развитии культуры и социально-экономических отношений нельзя приуменьшать.

Старообрядцы воспринимали себя русскими, как и остальное православное окружение, что принималось и принимается без всяких сомнений. Ценные свидетельства тому дает вы-

шедшее еще в 1863 г. «Обозрение Пермского раскола». Нашествие Наполеона на Россию не оставило в стороне адептов старой веры, напротив, оно нашло отражение в устном народном творчестве, высказываниях, которые были зафиксированы исследователями. Не удивительно, что в фольклорных произведениях русского народа Наполеона именуют Антихристом. Старообрядчество здесь демонстрирует солидарность с основной массой: «по еллински антихрист называется Авадон, по Еврейски Напалиен, по гречески Бонапарт, по славенски же антихрист» [21, 5].

Доказательством осознания своего единства со всем русским народом являются, например, слова, сказанные неким Антением при открытии училища в Черно-Источинском заводе (поселок со старообрядческим населением): «Просветительная деятельность, развиваемая старообрядчеством, вполне соответствует основным, характерным запросам русского человека и неразрывно связана со всем предыдущим развитием русского народа». И далее: «Если суждено быть великой, свободной Руси – она будет, но вырастет она под лучами просвещения, принесенного из далекого прошлого старообрядчеством. Будем верить, что наше светлое будущее в развитии просвещения, в котором обретут свою свободу и русский ум и русское сердце. Будем верить с протопопом Аввакумом» [13, 20–22].

Такой взгляд в будущее «свободной Руси» не может не указывать на наличие этнической картины мира, где русский народ, разделенный на официальное православие и старообрядчество, видится единым, хотя и нуждающимся в развитии и просвещении.

На бытовом уровне этническое единство выражалось в переходах из православия в старообрядчество и наоборот. Можно привести яркий пример перехода из старообрядчества в лоно официальной церкви, который осуществил Василий Коноплев. Это именно он, бывший старообрядец, стал настоятелем Белогорского монастыря. Кроме того, в ситуации соседства нередки были браки между представителями разных ветвей православия, при этом в большинстве случаев осуществлялся переход в старообрядчество [32, 66]. Как известно, и совместных молебнов было немало [35, 83]. Здесь следует отметить, что подобного рода контакты и переходы возможны были не только по причине относительной близости веры, но и благодаря этнической идентичности. Важным маркером этнического самосознания старообрядцев выступает название церкви – «древне-русская православная» (конечно, здесь подчеркнем слово *русская*) [22, 104].

Итак, отвечая на первую часть вопроса о национальной идентификации старообрядчества, отметим, что приверженцы старой веры не находились в каком-либо этническом противоречии с основной массой русского народа. Напротив, и сами себя они и окружающие православные мыслили русскими (здесь, конечно, не имеются в виду представители других народов – коми-пермяков, чувашей, мордовцев). Именно поэтому в имеющихся источниках о старообрядчестве Урала вопрос об этнической принадлежности напрямую не ставится; для них гораздо важнее религиозная тематика.

Тем не менее с точки зрения национальной идентификации старообрядческая часть русского общества имеет существенные отличия. В контексте данной темы эти различия заключаются в воззрениях на государственную власть. В этих воззрениях власть так или иначе связана с представлениями о прошлом, настоящем и эсхатологическом будущем. Вопрос этот также раскрывается в непосредственных взаимоотношениях с представителями государства, творимых (по понятиям старообрядцев) несправедливости и насилия. А это в свою очередь влечет ответные действия религиозного меньшинства.

О воззрениях на историю, современность и будущность уже шла речь выше в контексте вопроса о «русскости» старообрядцев. К этому можно добавить еще ряд сюжетов. Веру свою старообрядцы именовали «истинно православной» (например, рукопись «О разделе» 1866 г. – размежевание поморцев на «максимовцев» и «деминцев») [22, 248]. У часовенных было свое прочтение всемирной и русской истории. «Когда еще были Адам и Ева, то Христос приказал им создать веру на Руси, отсюда и пошла старая вера...» [34, 141]. Все это указывает, во-первых, на убежденность в истинности своих религиозных взглядов, ведь сам Христос был инициатором создания веры. Во-вторых, факт древности веры придает ей огромный авторитет: свою историю она ведет с Адама и Евы, которые выступают в качестве ее творцов. И наконец, в-третьих, из текста проистекает, что на Руси вера самая древняя и истинная. А новая вера, по их воззрениям, неправильная, неистинная, однако она тоже русская.

«Идиллия» жизни в рамках «истиной» веры всей Русью, как представляли себе старообрядцы, была разрушена явлением Антихриста в лице патриарха Никона или Петра I (в источ-

никах наблюдается вариативность по этому поводу). С их именами сознание приверженцев старой веры связывало гонения и расправы над непокорными. Инициатива эта исходила от государства, поэтому в старообрядческой среде сильно было негативное отношение к власти. Хрестоматийный пример – согласия бегунов, отрицавших многие атрибуты государственной власти и повинности: паспорта, ревизии душ, оброки, присягу, рекрутские наборы и т. д. [19, 189] Духовные идеи бегунов заключались в стремлении ухода от мира, бегства от государственной и местной властей. Житейский мир воспринимался ими как «море мутное», «муть морская», что влекло за собой негативную оценку приверженцев официальной церкви, отрицание ее деятельности и всего ее прихода [4, 126].

Этот уход от мира, от официальной церкви, а значит, и от властей породил особый тип личности старообрядца, описанный в книге «Кама и Урал» Вас. И. Немировича-Данченко (родной брат известного режиссера, кстати, сам в свое время не менее известный военный журналист). Автор передает диалог старика-старообрядца и дровосека, впрочем, как явствует из текста, этот дровосек стал миллионером. Итак, старик через образы леса, лесной жизни раскрывает основные принципы жизни старообрядчества: «...что лес, что храм – все едино... Чаша лесная злодеев праведниками делала... Святые отцы по лесу спасались, подвижники и стратиги наши от никонианских гонителей... уходили... Селами да поселками мы жили тут, и не было у нас ни татей, ни убивцев! Без закона жили, а по правде! Властей у нас не было, острогов да темниц мы не знали, не ведали, какое-такое злодейство на свете водится» [17, 37]. Так, лес для старообрядцев есть в прямом смысле слова – источник жизни, в переносном – убежище, спасение, залог праведной жизни, храм, в конце концов. Для дровосека, олицетворяющего собой нарождающуюся буржуазию, капиталистические отношения, лес есть средство обогащения, а его «дремучесть», «неосвоенность» представляется даже неким врагом. Так население, конечно, с определенной долей условности, делилось на две категории: «имущих Бога» и «имущих миллионы» [17, 38].

«...В один день два таких типа! Равнинная, полевая Русь в лице истребителя лесов и Русь лесная, былинная, Русь заугольников в этом дряхлом старике», – констатировал подобное деление русского народа Немирович-Данченко [17, 38]. Продолжая в данном ключе, отметим, что в старообрядческой среде характер воззрений на места жительства определялся осознанием факта ухода от мира, спасением души в пустынях, бегством от властей. Так, на примере Среднего Урала прослеживается существование Руси одновременно в двух, нередко взаимоисключающих, ипостасях.

Здесь, однако же, неверным было бы представлять всех старообрядцев такими стариками. Верно и то, что дровосек-миллионер также мог быть представителем старой веры. Немало отыщется примеров полускрытого богатства, а с конца XIX в. и вполне легального, нажитого предпринимательством и торговлей. Так, в заметках о театральной жизни на Урале в журнале «Репертуар и пантеон» говорилось о зрителях купеческого сословия: «Жаль, что все они почти старообрядцы или раскольники, впрочем, это не мешает им быть достойными гражданами и людьми нечуждыми общественных удовольствий» [10, 156]. Поэтому социальное расслоение русского общества неправильно представлять в зависимости от конфессиональной принадлежности.

Отрицательное отношение к государственной власти во всех ее проявлениях вызывала не только историческая память раскола и петровских репрессий, но и гражданские ограничения повседневной жизни. Только в 1822 г. местным администрациям запретили разрушать старообрядческие храмы, правда, и новые молельни строить не разрешили. Только с 1830 г. старообрядцев перестали преследовать за высказывание религиозных мнений, а поповцам разрешили иметь своих священнослужителей. Далее, при Николае I законодательство (в том числе уголовное) и государственная практика ужесточили отношение к представителям старой веры вплоть до лишения гражданских прав и ссылки [16, 151–163]. Несмотря на дальнейшие изменения отношения государства к старообрядцам в сторону послаблений и сближений при Александре II и его сыне, отношение власти на местах зачастую по-прежнему отличалось предвзятостью и даже произволом.

Вся сложность взаимоотношений власти на местах и старообрядцев отражена, например, в деле «По прошению крестьянина Трофима Яковлева Тетеннова, жалующегося на принуждения присягнуть в православной церкви на земского начальника 8 участка Оханского уезда». По случаю кончины императора Александра III и присяги новому царю указанный крестьянин был вызван, как все его соседи, для приведения присяги в церкви. Однако сам он

«издревле состоял раскольников в староверческой религии, т. е. австрийского рукоположения священников», каковых в волости, по его словам, половина. Волостной старшина «приказал гнать всех в православную церковь». Тетенев заявил, что идти не может, хотя предки его были «подписаны к Единоверию». В результате он не подчинился требованиям властей, а помолился в молитвенном доме. За этот «проступок» он был вызван к земскому начальнику, который кричал и ругался «свыше всяких меры человека, превратил меня в расстройщика и совратителя», угрожал ссылкой. Крестьянин пишет, что пришел от всего этого в ужас.

Земский же начальник, давая показания, ничего подобного не подтверждает. Разговаривал он тихо и культурно. Для разговора был приглашен православный священник, «ввиду того, что Тетенев уклонился в раскол». Такое внимание к крестьянину не случайно: как оказалось далее из дела, один брат его осужден на ссылку за «распространение раскола», а еще двое находятся под судом за фальшивомонетничество. Разбирательство закончилось отказом в жалобе [7].

Заметим, что действие происходит в 1894 г., после десятков лет существенных послаблений старообрядчеству. Однако на местах такой произвол, когда представителей другой конфессии «велели гнать» в православную церковь, по-видимому, являлся вполне себе штатной ситуацией. И в конце концов, эту жалобу хотя и приняли, дали ей ход и провели расследование, – отклонили.

Но этим не исчерпывается глубина социального (а вовсе не религиозного в данном случае) конфликта. Как мы узнаем из следственного дела, три брата Тетенева уже были осуждены по уголовным статьям. Один из них – по статье сугубо «старообрядческой» (распространение вероучения), а двое других – по причине, казалось бы, не относящейся непосредственно к религии. Однако это не совсем так.

Пассивное сопротивление, преимущественно бегство, подчас сменялось более решительными действиями против властей. Известно участие старообрядцев в чеканке фальшивых («воровских») денег. При этом помимо чисто экономического у этой деятельности вырисовывался и идеологический аспект. Идеология странничества допускала и открытое вооруженное противостояние властям. Один из духовных вдохновителей старообрядчества Василий Москвин в труде «Разглагольствие тюменского странника» обещал своим последователям скорую и решающую битву с «воинами Антихриста» [30, 161].

Справедливости ради отметим, что в реальности открытое противоборство было не типичным явлением. Зафиксировано немало сведений о людях, примыкавших к какому-либо толку из-за нежелания платить подати или из-за проблем с местными властями. Немало фактов такого поведения приводит известный исследователь православия Н. М. Никольский. Например, о вновь возникшем в 60-е гг. в г. Красноуфимске согласии власти узнали спустя десяток лет и то случайно, когда во время молебна (по случаю покушения на жизнь государя) несколько человек из старообрядческой среды кричали: «Кому вы молитесь? Это антихристы». Потом же в ходе допроса все «изобличители» Антихриста оказались неплательщиками податей [19, 238].

Опять-таки в Красноуфимском уезде в 1880-х гг. появилась некая «секта» под названием «неплательщики». Имя говорит само за себя, однако вновь в деле фигурирует идеологическая сторона. Заводской крестьянин Контауров перестал платить налоги, мотивируя это тем, что Бог дал землю без всяких пошлин. По его мнению, такое «беспошлинное» положение сохранялось до отмены крепостного права – до 1861 г., когда государь нарушил закон Божий, а следовательно, нарушитель божественного порядка есть Антихрист. Далее логично следовало, что слуге дьявола служить не должно, в том числе и платить ему налоги. Контауров нашел поддержку, что привело к коллективному обращению крестьян за разъяснениями к местным священникам. Конечно, представители церкви заняли сторону властей, и тогда крестьяне решили, что Божией правды нет, отвергли, как указывается, весь храмовый культ, кроме Библии и Евангелия [19, 238]. Следует признать, что случаев появления новых общин было немало. Нередко бывало так, что среди убежденных ревнителей старой веры и всего традиционно русского скрывались те, кто жил с ними ради дарового хлеба и воли [28].

Еще один вариант неприятия официальной церкви и верховной власти – воззрения о скором конце этого мира. И если выше речь шла о бегстве от мира (мира официального православия), то здесь мир – это земной мир вообще в противовес миру потустороннему. Такого рода эсхатологические воззрения, в целом свойственные русскому православию, обретали большую значимость в старообрядческой среде, что свойственно в особенности бегунам [18,

115]. Бегуны мыслили себя отверженными, выброшенными из мира, находящимися за чертой. Не случайно, например, что большой популярностью пользовался среди них (и шире – среди старообрядцев) стих «Во миру жила девица», где есть такие строки: «Во миру девицу не возлюбили, из миру красную прогнали». Комментируя эти слова, исполнительница пояснила: «Это веру нашу максимовскую из миру прогнали, вот она в пустыню и ушла» [18, 115].

Следует отметить, что такого рода воззрения указывают не на добровольный свободный выбор веры и образа жизни, но, напротив, повествуют о вынужденном положении, отчуждении от мира, от мира людей, с которым нет возможности примириться. Фиксируется идея исключения, несправедливого наказания, мысль о несправедливости вообще этого земного мира. И лишь только в загробном мире человеку, согласно этим взглядам, будет хорошо, наступит справедливость [17, 391].

Не удивительно, что весьма популярны в старообрядческой среде и, если так можно выразиться, актуальны были представления о грядущем Царстве Божиим. Дореволюционный исследователь Урала В. П. Чекин утверждал: «Бог и Царство Небесное неотступно стоят перед каждым уральским старовером...» [33, 15]. Это Царство Небесное (подчеркнем его не исключительно эсхатологический характер, а в некотором роде даже социальный) мыслилось старообрядцами зачастую с довольно точными географическими ориентирами. То есть, по их воззрениям, оно должно быть не только и не столько на Небе, сколько на Земле. К слову, здесь можно вспомнить о Беловодье – мифической стране семидесяти островов старой веры, расположенной где-то на Алтае [37, 24, 31]. Можно и еще раз упомянуть о подвижнике бегунства В. Москвине, разделявшем весь мир на небесный божий град Сион и земной град неправды Вавилон. Это противостояние, согласно Москвину, скоро обернется решающей битвой истинной веры с воинами Антихриста (приверженцами никонианства). В этой битве сам Господь как высший судия явится на белом коне, «сотворит брань» и дарует победу староверам. После сего должно возникнуть царство правды на земле со столицей – Новым Иерусалимом – на берегу Каспийского моря [19, 189].

Впрочем, грядущий суд Божий и Царство Небесное старообрядцы видели чуть ли не в каждом необычном явлении природы. Приведем интересный пример о различиях в трактовке астрономического явления (проходившая около земной орбиты в 1858 г. комета) среди старообрядцев и остальных русских официальной церкви. Последние, увидев небесное явление, предсказывали будущее для себя и страны испытания – дурной знак. Ревнителю старой веры заявляли однозначно о скором втором пришествии [5].

Мыслимая близость второго пришествия неминуемо приводила к идее спасения души еще здесь, в земном мире. Примечательно, что многие разбогатевшие старообрядцы в конце жизни уходили спасать душу в скиты или, по крайней мере, покровительствовали отшельникам [33, 16]. Есть об этом упоминания и в художественной литературе, например у Д. Н. Мамина-Сибиряка в «Приваловских миллионах»: дома купцов Привалова и Бахарева стали прибежищем для разного молящегося люда [15, 41, 206]. Такое объединение единомышленников, такой «собор» представлялся формой «праведной» жизни и единственным коллективным путем спасения [23, 43]. Из этого следует, что, в соответствии с воззрениями старообрядчества, только представители старой веры могли быть спасены на Страшном суде, а это есть важнейший дифференцирующий элемент картины русского мира.

В то же время известны иные эсхатологические сюжеты, не разъединяющие в предстоящей судьбе две ветви русского народа, а объединяющие. Не может не свидетельствовать в пользу наличия воззрений о единстве народа такой сюжет о конце мира: Антихрист явится, когда русский народ овладеет Царьградом, победит турок, это будет при русском царе Константине [21, 126]. Несмотря на такое страшное будущее, в сознании остается мысль о единстве народа в исторической судьбе.

При анализе источников, характеризующих так или иначе национальное самосознание уральских старообрядцев, ключевым моментом становится их отношение к власти. Здесь надо иметь в виду, что проявления этих отношений не обязательно находят отражение сугубо в воззрениях на центральную власть и государя императора. Важно отношение ко всему классу чиновничества. Не менее важно восприятие официальной церкви и ее священнослужителей в качестве силы, связанной с властью или даже отчасти ею являющейся. Идеологически официальная церковь провозглашалась оплотом страны и власти, а высшим охранителем церкви назывался царь, являя, таким образом, единую силу светской и духовной власти в лице государства и церкви. Однако от церкви, подкрепленной административной, полицей-

ской и военной силой со стороны государства, старообрядчество терпело множество притеснений со второй половины XVII в., что прочно закрепилось в исторической памяти. От религиозных споров и морального давления можно было удалиться, убежать, что и происходило, а вот избежать государственного подчинения было гораздо сложнее. Для государства старообрядец – в первую очередь налогоплательщик, рекрут, тяглый на государственных работах, т. е. объект экономического воздействия.

Итак, в воззрениях на власть в старообрядческой среде прослеживаются два основных сюжета: 1) власть представляет и защищает «неправильную» новую веру, веру «антихристову»; 2) поскольку власть поддерживает «неправильную» веру, она сама неправильная, нелегитимная, и, значит, все виды налогообложения несправедливы; а из этого делался вывод о возможном уклонении именно от экономического давления государственной власти [29].

Выше были показаны примеры влияния образа верховной власти на формирование национального самосознания русских – приверженцев официальной церкви. Русский государь воспринимался как символ русского народа и как главный заступник православия. Таким образом, для большинства народа фактор верноподданничества русскому царю выступал фактором национальной самоидентификации. Для старообрядческого меньшинства такая картина была нетипичной. В этом и есть корень различий формирования этнической идентичности русских новой и русских старой веры.

При этом нет фактов, указывающих именно на этническое разделение народа. И адепты официальной церкви, и старообрядцы именовали себя русскими и, что также важно, признавали русскими друг друга, «неправильными», но русскими.

Список литературы

1. *Архиепископ Андроник*. О церкви, России / сост. В. А. Королев. Фрязино (Моск. обл.), 1997.
2. *Белавин А. М., Нечаев М. Г.* Губернская Пермь. Пермь, 1996.
3. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь Пермской епархии. Пермь, 1996.
4. *Волгирева Г. П.* Исихастские традиции в старообрядческих рукописях Прикамья // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001.
5. Воспоминания о комете 1858 г. // ПГВ. 1860. № 33.
6. ГАПК. Ф. 38. Оп. 1. Д. 51.
7. ГАПК. Ф. 38. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–7 об.
8. *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М., 2000.
9. *Ершова О. П.* Старообрядчество и власть. URL: // samstar-biblio.ucoz.r.
10. Из истории Урала. Свердловск, 1971.
11. *Колосов Н.* Святыня русской души // ПГВ. 1914. № 154.
12. *Королев В.* Любовью побеждая страх // Гребневский листок. 1995. № 10.
13. *Кузнецов А.* Новый рассадник знаний // Уральский старообрядец. Екатеринбург, 1916. № 8.
14. *Лебедев И.* Народный гимн // ПГВ. 1877. № 61.
15. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Приваловские миллионы. Свердловск, 1980.
16. *Машковцев В. В.* Нормативное регулирование конфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам в XIX – начале XX в. // Русский мир : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Русское старообрядчество в истории и культуре: прошлое и настоящее». Пермь, 2010. С. 151–163.
17. *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал : (очерки и впечатления). СПб., 1904.
18. *Никитина С. Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхнего Камья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966–1980 гг.). М., 1982.
19. *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1930.
20. Новейшая история отечества. XX век : учеб. для студ. вузов : в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М., 1998.
21. Обзорение Пермского раскола. СПб., 1863. С. 5.
22. Пермская рукопись XIX в. «О разделе» / публ. подгот. Е. М. Сморгуневой // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966–1980 гг.). М., 1982.
23. *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966–1980 гг.). М., 1982.
24. Речь, произнесенная в заседании Православного Палестинского общества 2 декабря 1882 года вице-председателем общества Т. И. Филипповым // ПЕВ. 1883. № 17.
25. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Урал и Приуралье. СПб., 1914. Т. 5.

26. РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.
27. Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. Пермь, 1911.
28. Таинственный мир // ПЕВ. 1867. № 17.
29. Теленков А. В. Национальное самосознание русских в конце XIX – начале XX в. (на материалах Среднего Урала). Пермь, 2012.
30. Титлянов В. В. Старообрядчество и «воровские деньги» // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001.
31. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения) : [монография]. 2-е изд., перераб. Киров : Вят. гос. ун-т, 2003. 724 с.
32. Христианская культура Пермского Прикамья. Пермь, 1998.
33. Чекин В. П. Урал и Приуралье в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Урал. Первый сборник «Зауральского края». 1913. С. 10–11.
34. Черных А. В. Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001.
35. Шилов А. В. Отчеты о состоянии раскола в Пермской епархии как источник по истории старообрядчества (по материалам РГИА) // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения : материалы науч. конф. Пермь, 2001.
36. Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества. URL: // www.odinblago.ru.
37. Pentikainen J. What is Old Belie? Who are the Starovery? // «Silent as Waters We Live». Old Believers in Russia and Abroad. Helsinki, 1999. P. 24, 31.

Supreme power and national identity of Ural old believers in the late XIX-early XX century

A. V. Telenkov

PhD of historical sciences, researcher, Department of study of political institutes and processes
of Perm Federal Research Center of Ural Branch of RAS. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0002-9390-7538. E-mail: Telenkovav@ucpermoil.ru

Abstract. This article raises the question of the national identity of Russian old believers in the period of serious historical changes in all spheres of life – the turn of the XIX – early XX century (used sources of the Middle Urals).

This period is characterized by rapid industrial growth, industrialization, which is called in science the term «modernization». They also touched upon the changes in the spiritual life of the people, including the issues of self-identification.

The phenomenon of national identity of Russians is complicated by the presence of a significant number of old believers. The nature of their ethnic identity is different from the bulk of the Russian people, primarily in relation to the government (Central and local). At the same time, the old believers are the keepers of Russian traditions, culture and literature, which unites them with the rest of the Russian people.

Keywords: national consciousness, old belief, Orthodoxy, official Church, Russian people, religious culture.

References

1. *Arhiepiskop Andronik. O cerkvi, Rossii* [About the Church, about Russia] / comp. V. A. Korolev. Fryazino (Moscow. region). 1997.
2. *Belavin A. M., Nechaev M. G. Gubernskaya Perm'* [Gubernian Perm]. Perm. 1996.
3. *Belogorskiy Svyato-Nikolaevskiy pravoslavno-missionerskiy muzhskoj obshchezhitel'nyj monastyr' Permskoj eparhii* – Belogorsky St. Nicholas Orthodox-missionary male coenobitic monastery of the Perm diocese. Perm. 1996.
4. *Volgireva G. P. Isihastskie tradicii v staroobryadcheskih rukopisyah Prikam'ya* [Hesychast tradition in the old believers' manuscripts of the Kama region] // *Staroobryadcheskiy mir Volgo-Kam'ya* – The world of old believers of the Volga-Kama. Perm. 2001.
5. *Vospominaniya o komete 1858 g.* – Memories about the comet in 1858 // Perm Gubernian Herald. 1860, No. 33.
6. State Archive of Perm Region. F. 38. Inv. 1. File 51.
7. State Archive of Perm Region. F. 38. Inv. 1. File 355. Sh. 1–7 turn.
8. *Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzreniyah russkogo naroda* [About the views of the Russian people]. M. 2000.
9. *Ershova O. P. Staroobryadchestvo i vlast'* [Old belief and power]. Available at: // samstar-biblio.ucoz.r.
10. *Iz istorii Urala* – From the history of the Urals. Sverdlovsk. 1971.
11. *Kolosov N. Svyatynya russkoj dushi* [Shrine of the Russian soul] // *PGV* – Perm Gubernian Herald. 1914, No. 154.

12. Korolev V. *Lyubov'yu pobezhdaya strah* [Love defeating fear] // *Grebnevskij listok* – Grebnevsky leaf. 1995, No. 10.
13. Kuznecov A. *Novyj rassadnik znaniy* [New hotbed of knowledge] // *Ural'skij staroobryadec* – Ural old believer. Yekaterinburg. 1916, No. 8.
14. Lebedev I. *Narodnyj gimn* [National anthem] // *PGV* – Perm Gubernian Herald. 1877, No. 61.
15. Mamin-Sibiryak D. N. *Privalovskie milliony* [Pavlovsk millions]. Sverdlovsk. 1980.
16. Mashkovec V. V. *Normativnoe regulirovanie konfessional'noj politiki gosudarstva po otnosheniyu k staroobryadcam v XIX – nachale XX v* [Legal regulation of religious policy of the state against the old believers in the XIX – early XX century] // *Russkij mir: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. «Russkoe staroobryadchestvo v istorii i kul'ture: proshloe i nastoyashchee»* – Russian world: materials of all-Russia scientific- pract. conf. "Russian old believers in history and culture: past and present". Perm. 2010. Pp. 151–163.
17. Nemirovich-Danchenko V. I. *Kama i Ural: (ocherki i vpechatleniya)* [Kama and Ural: (essays and impressions)]. SPb. 1904.
18. Nikitina S. E. *Ustnaya tradiciya v narodnoj kul'ture russkogo naseleniya Verhokam'ya* [Oral tradition in the folk culture of the Russian population of Higher Kama region] // *Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duhovnaya kul'tura (po materialam arheograficheskikh ehkspeditsij 1966–1980 gg.)* – Russian written and oral traditions and spiritual culture (on materials of the archaeological expeditions 1966–1980 gg.). M. 1982.
19. Nikol'skij N. M. *Istoriya russkoj cerkvi* [History of the Russian Church]. M. 1930.
20. *Novejshaya istoriya otechestva. XX vek: ucheb. dlya stud. vuzov: v 2 t.* – The modern history of the Fatherland. XX century: textbook for the students of universities: in 2 vol. Vol. 1 / under the editorship of A. F. Kiselyov, E. M. Schagin. M. 1998.
21. *Obozrenie Permskogo raskola* – A review of the Perm division. SPb. 1863. P. 5.
22. *Permskaya rukopis' XIX v. «O razdele»* – Perm manuscript of the XIX century «On the devision» / publ. prep. by E. M. Smorgunova // *Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duhovnaya kul'tura (po materialam arheograficheskikh ehkspeditsij 1966–1980 gg.)* – Russian written and oral traditions and spiritual culture (based on archaeological expeditions of 1966–1980). M. 1982.
23. Pozdeeva I. V. *Vereshchaginskoe territorial'noe knizhnoe sobranie i problemy istorii duhovnoj kul'tury russkogo naseleniya verhov'ev Kamy* [Vereshchagin territorial book collection and problems of the history of spiritual culture of the Russian population of the upper Kama] // *Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duhovnaya kul'tura (po materialam arheograficheskikh ehkspeditsij 1966–1980 gg.)* – Russian written and oral traditions and spiritual culture (based on archaeological expeditions of 1966–1980). M. 1982.
24. *Rech', proiznesennaya v zasedanii Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva 2 dekabrya 1882 goda vice-predsedatelem obshchestva T. I. Filippovym* – Speech delivered at a meeting of the Orthodox Palestinian society on December 2, 1882 by Vice-Chairman of the society T. I. Filippov // *PEV* – PEV. 1883, No. 17.
25. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Ural i Priural'e* – Russia. Full geographical description of our Fatherland. Ural and Ural suburbs. SPb. 1914. Vol. 5.
26. Russian Ethnographical Museum. F. 10. Inv. 1. File 42. Sh. 3.
27. *Spravochnaya kniga Permskoj eparhii na 1912 g* – Reference book of the Perm diocese for 1912 Perm. 1911.
28. *Tainstvennyj mir* – Mysterious world // *PEV* – PEV. 1867, No. 17.
29. Telenkov A. V. *Nacional'noe samosoznanie russkikh v konce XIX – nachale XX v. (na materialah Srednego Urala)* [National consciousness of Russian in the late XIX – early XX century (on the materials of the Middle Urals)]. Perm. 2012.
30. Titlyanov V. V. *Staroobryadchestvo i «vorovskie den'gi»* [Old belief and «thieves' money»] // *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya* – The old believers' world of Volga-Kama. Perm. 2001.
31. Trushkova I. YU. *Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya) : [monografiya]. 2-e izd., pererab.* [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region at the XIX – beginning of XX centuries (life support system): [monograph]. 2nd publ., rev.] Kirov. Vyat. State University. 2003. 724 p.
32. *Hristianskaya kul'tura Permskogo Prikam'ya* – The Christian culture of the Perm Kama region. Perm. 1998.
33. *CHekin V. P. Ural i Priural'e v proizvedeniyah D. N. Mamina-Sibiryaka* [Ural and Ural surroundings in the works of D. N. Mamin-Sibiryak] // *Ural. Pervyj sbornik «Zaural'skogo kraya»* – Ural. The first collection of «Trans-Ural region». 1913. Pp.10–11.
34. *CHernyh A. V. Staroobryadchestvo yuzhnyh rajonov Permskoj oblasti v kontekste ehtnokul'turnoj istorii* [Old belief of the Perm region in the context of ethnocultural history]. Perm. 2001.
35. *SHilov A. V. Otchety o sostoyanii raskola v Permskoj eparhii kak istochnik po istorii staroobryadchestva (po materialam RGIA)* [Reports of a status of split in the Perm diocese as a source for the history of old belief (materials of Russia State Historical Archive)] // *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya: problemy kompleksnogo izucheniya: materialy nauch. konf.* – The old believer world of Volga-Kama: problems of complex studying: materials of the research conf. Perm. 2001.
36. *SHCHapov A. P. Russkij raskol staroobryadchestva* [Russian split of the old belief]. Available at: // www.odinblago.ru.
37. *Pentikainen J. What is Old Belief? Who are the Starover? // "Silent as Waters We Live". Old Believers in Russia and Abroad.* Helsinki, 1999. P. 24, 31.

«Боже, я испугалась и закричала... проснулась...»: «литературные» сны даиэристки (Е. А. Дьяконова и Л. Н. Толстой)

А. В. Петров¹, Н. В. Ярина²

¹доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Россия, г. Магнитогорск.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

²аспирант кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Россия, г. Магнитогорск.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Аннотация. Дневник Е. А. Дьяконовой (1874–1902), один из интереснейших «человеческих документов» русской словесности конца XIX – начала XX в., до сих пор не исследован в отечественной и зарубежной науке. Из его богатейшего содержания была выбрана одна запись, в которой даиэристка описывает свой сон. С одной стороны, в нём отразился читательский опыт Дьяконовой, а именно ее постоянный интерес к творчеству Л. Н. Толстого; с другой – «индивидуальная» и «коллективная» составляющие ее «бессознательного». Их анализ и составляет цель данной статьи. Для достижения цели использовались интертекстуальный, мифопоэтический и гендерный методы исследования. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения онейропоэтики и мифопоэтики русской литературы, а также в когнитивных и гендерных исследованиях эго-документов и женской литературы.

Результаты исследования. По мнению авторов статьи, сон Дьяконовой (запись от 4 июня 1889 г.) является «репликой» сна такого толстовского персонажа, как князь Андрей Болконский. На это указывают многочисленные совпадения – общий для снов даиэристки и литературного героя набор деталей и символических образов (комната, задвижка, затворенная дверь, что-то ужасное, ломающееся в нее, страх во сне, разговоры во сне, пробуждение). Своему герою Толстой отдал собственные религиозно-философские размышления о жизни как сне и смерти как воскресении. Сон Дьяконовой, осязаемо женский в контексте ее дневника и традиционной культуры, актуализирует иную проблематику. Образы двери, ключа, щели в двери, задвижки, цифры «5» имеют устойчивые в народной обрядовой практике и фольклорно-поэтической традиции символические смыслы, связанные с идеей «выхода» из дома – как замужества и как смерти. И то, и другое составляет постоянный предмет мыслей и страхов Дьяконовой, как они отразились в ее дневнике.

Ключевые слова: дневник Е. А. Дьяконовой, Л. Н. Толстой, онейропоэтика, мифопоэтика, любовь и смерть.

Дневник Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902), после столетнего забвения вернувшийся в русскую культуру в начале 2000-х гг., до сих пор не прочитан и не оценен по достоинству. А ведь он является почти универсальным источником информации о жизни русской девушки на рубеже XIX–XX вв. (см.: [18]). Девушки, прямо скажем, неординарной и, наверно, нетипичной, особенно для ее среды (Дьяконова происходила из купеческой семьи Ярославской губернии). Возможно, именно поэтому ее дневник и интересен. Наш интерес, в частности, привлекли в нём два, на первый взгляд, не связанных между собой аспекта: круг чтения даиэристки и ее сны.

Чтобы соединить их, мы, в качестве допущения, примем тот тезис, что сознание Дьяконовой было литературоцентричным (см. об этом понятии: [17]). Для тех, кто знаком с ее дневником, это утверждение не требует доказательств в силу его самоочевидности: Дьяконова цитирует не менее ста античных, европейских и русских писателей, произведения которых она прочла (см.: [10; 18]). Причём по-немецки и по-французски она читала в подлиннике; примечательна, например, ее ремарка по поводу чтения «Божественной комедии» весной

1890 г.: «<...> жаль, что не знаю по-итальянски...» [2, с. 53]. 6 сентября 1892 г. даиэристка записывает: «<...> думаю о предстоящих занятиях языками, музыкой, принимаюсь за латынь. Хотелось бы поучиться и по-итальянски...» [2, с. 74]. В сентябре 1899 г. на Бестужевских курсах она сдавала экзамен по латыни.

Среди русских авторов, входивших в круг чтения Дьяконовой, – почти все классики XIX в. (не упоминается в дневнике только Ф. М. Достоевский, что, конечно, требует отдельного разговора), а также литературные критики (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др.), историки, эстетика, общественные деятели. Всего мы насчитали их не менее 46. Чаще всего в дневнике упоминаются и/или цитируются А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой.

О Толстом Дьяконова впервые упоминает 19 апреля 1891 г. в связи с «Крейцеровой сонатой»; из контекста видно, что с его творчеством она знакома уже давно: «*Неужели это не сон, и “Крейцера соната” в моих руках? <...> Я осторожно полистала. Вероятно, на моём лице изображалась смесь удивления и почтения, которое я чувствую ко всем произведениям Толстого. <...>*» [2, с. 60]. С этого момента Толстой, писатель и мыслитель, уже не уходит из дневника и сознания Дьяконовой. В особенности ее интересовали его взгляды на любовь и брак. Ему она посвящает и свою оказавшуюся последней статью – «О женском вопросе», написанную в начале 1902 г. в Париже и опубликованную уже после её смерти. Это развёрнутая рецензия на сборник статей и ответов Толстого на адресованные ему частные письма, составленный его другом В. Г. Чертковым и изданный в 1901 г. под названием «О половом вопросе. Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Чертковым» (см.: [18, с. 27–36]).

В дневнике Дьяконова упоминает как о читанных ею лишь о нескольких художественных произведениях Толстого: «Крейцеровой сонате», «Анне Карениной», «Власти тьмы», «Хозяине и работнике», «Смерти Ивана Ильича», «Сказке об Иване-дураке и его двух братьях...». Значит ли это, что других его произведений она не читала? И здесь мы должны сделать еще одно допущение: предположить, что Дьяконова не могла не читать, например, «Войну и мир». Собственно же для нашего небольшого исследования значимо третье допущение: прочитанное даиэристкой, и творчество Толстого в особенности, влияло на ее сны.

Упоминаний о том, как она готовилась ко сну, засыпала, просыпалась и т. п., в дневнике Дьяконовой немало. Однако непосредственно о снах даиэристка говорит всего шесть раз, подробно же описывает четыре сна. Три из этих шести снов связаны со смертью и/или покойниками: в одном Дьяконова видит умершего (в 1887 г.) отца, во втором – свою собственную смерть, в третьем – смерть своей бабушки, на тот момент разбитой параличом. И здесь следует вспомнить, насколько часто в произведениях Толстого встречаются не только тема смерти, но и герои, сны которых либо предвещают их смерть, либо предшествуют ей (см.: [11; 13; 14]).

Интересующая нас дневниковая запись (от 4 июня 1889 г.) начинается фразой «*Сегодня умер Иван Данилыч, наш хозяин*» [2, с. 38]. Речь идет о хозяине дома, в котором Дьяконовы снимали квартиру в Ярославле; примечательны, конечно, созвучие имён (*Иван Данилыч – Иван Ильич*) и дата смерти толстовского героя – 4 февраля 1882 г. В свои комментарии к этому событию даиэристка вставляет цитату из «Евгения Онегина», связанную со смертью Ленского (6, XXXII): «*Окна мелом забелены. Хозяйки нет*». (Забегая вперед, отметим присутствие в этой цитате образа закрытой от постороннего взгляда комнаты – замкнутого пространства; образа окна – символической «границы»; женского образа и связанного с ним мотива смерти – пропавшей без вести «хозяйки».) Затем Дьяконова описывает два сна, виденные ею в эту ночь. Нас будет интересовать первый, который, по сути, оказался вещим:

«*Снились мне сны в эту ночь, и преглупые сны. Один такой страшный, я даже закричала: снилось мне, что лежу я на постели у самой двери моей комнаты. А за дверью стоит кто-то и просит у меня ключа от двери (она заперта), чтобы повеситься на моей стороне двери на продолговатой формы задвижке. Я ключа не даю и держу у себя под одеялом. И знаю, что этот кто-то не может у меня ключа отнять, потому что дверь заперта. А кто-то все просит и умоляет дать ключ. Наконец кто-то говорит: “А, ты не даёшь, так достану...” И начинает дергать дверь и даже хочет просунуть пальцы сквозь щель, чтобы отодвинуть задвижку. Боже, я испугалась и закричала... Проснулась – слышу, бьет 5 часов. Снова заснула*» [2, с. 38].

Дьяконова отметила странность как своих снов, так и того, что она решила их записать: «*Странно. Ну и снится же такая чепуха! Не знаю, что и вздумалось мне записать эти сны, нелепы и дики они...*». Даиэристка не стала доискиваться «мечтанья страшного значенья» (как сделала, проснувшись «в ужасе», героиня процитированного романа Пушкина), хотя «новейший полный оракул» был популярнейшим книжным изданием как во времена Татьяны Ла-

риной, так и во времена Елизаветы Дьяконовой. Впрочем, она не нашла бы там ответов на вопросы, к чему снятся «закрытая дверь», «ключ», «здвижка», «голос за дверью». Только на запрос «лежать одному в постели» можно было узнать, что это означает «спокойствие духа в несчастии» [5, с. 66]. Итак, Дьяконова решила не прибегать к помощи Мартына Задеки или Брюса и «странности» своих снов нашла простое, бытовое объяснение: «Я так думаю, что это от цветов: третьего дня я купила на бульваре два букета каких-то ночных фиалок, полевых цветов с сильным запахом, и вторую ночь ставлю их около своей подушки» [2, с. 39]. Вряд ли даиэристка знала, что у древних греков фиалка считалась «цветком печали и смерти», которым украшали смертное ложе и «могилы молодых, безвременно погибших девушек» [3, с. 51].

Оставим сонники в покое, тем более что существует сон одного из известнейших литературных персонажей, в котором (сне) можно найти почти все образы и детали из дьяконовского «страшного» сна: комнату, задвижку, затворенную дверь, что-то ужасное, ломящееся в нее, страх во сне, разговоры во сне, пробуждение. Имеем в виду предсмертный сон князя Андрея Болконского из «Войны и мира» Толстого (Т. IV, Ч. 1, Гл. XVI). Приведем его полностью:

«Он видел во сне, что он лежит в той же комнате, в которой он лежал в действительности, но что он не ранен, а здоров. Много разных лиц, ничтожных, равнодушных, являются перед князем Андреем. Он говорит с ними, спорит о чем-то ненужном. Они собираются ехать куда-то. Князь Андрей смутно припоминает, что все это ничтожно и что у него есть другие, важнейшие заботы, но продолжает говорить, удивляя их, какие-то пустые, остроумные слова. Понемногу, незаметно все эти лица начинают исчезать, и все заменяется одним вопросом о затворенной двери. Он встает и идет к двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Оттого, что он успеет или не успеет запереть ее, зависит все. Он идет, спешит, ноги его не двигаются, и он знает, что не успеет запереть дверь, но все-таки болезненно напрягает все свои силы. И мучительный страх охватывает его. И этот страх есть страх смерти: за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в нее. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удержать ее. Он ухватывается за дверь, напрягает последние усилия – запереть уже нельзя – хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и, надавливаемая ужасным, дверь отворяется и опять затворяется.

Еще раз оно надавило оттуда. Последние, сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно вошло и оно есть смерть. И князь Андрей умер.

Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся.

“Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!” – просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» [16, с. 70].

Этот княжеский сон давно и убедительно истолкован литературоведами [11; 13; 14]. Связан он с религиозно-философскими воззрениями Толстого, который понимает жизнь как сон, а смерть как пробуждение от сна к жизни вечной, т. е. в достаточно традиционных христианских метафорах, в литературе особенно популярных в эпоху барокко. Как известно, основу сна князя Андрея Болконского составил страшный сон самого Толстого, виденный им 11 апреля 1858 г.; при этом во сне он слышал «чей-то» голос [13, с. 127]. Проще всего отождествить «кого-то» из сна Дьяконовой с «оно», т. е. смертью, из сна Болконского и предположить, что герой Толстого не смог запереть дверь и это символизирует его смерть, а даиэристка дверь не открыла и жизнь ее, следовательно, вне опасности.

Обратим, однако, внимание не на то, что в этих снах является схожим, а на то, чем они отличаются. Проснувшись, князь Андрей перестает испытывать страх, ибо он обретает Свет и Свободу (см.: [11]). Дьяконова же, имея возможность впустить «кого-то» в свою комнату, не дает ему ключа от двери и остается во Тьме. Ключ – это и есть наиболее важная деталь в ее сновидении, ощутимо женская как в общем контексте дневника, так и с позиций мифопоэтических и обрядово-магических (см.: [7; 8; 9; 10]).

Современная наука, прежде всего этнолингвистика и антропология, предложила новое, по сравнению с составителями «оракулов» XVIII – начала XX в., толкование тех символов, которые можно найти в сне Дьяконовой.

1) Дверь в народной культуре и обрядовой практике соотносится с «символикой границы» в широком смысле, например со «входом в царствие небесное» или с «женским детородным

органом», а также с важнейшими моментами семейной жизни (рождение, свадьба, смерть) и с защитными действиями. Так, открытые двери ассоциировались со смертью и в то же время способствовали «раскрытию» тела роженицы, ибо роды в символическом смысле тоже смерть: «беременная женщина, носительница двух душ, умирает, дав жизнь двум новым самостоятельным существам: матери и ребенку». В гаданиях и приметах символика двери указывает на идею «выхода» из дома – «как замужества и как смерти» [4, с. 72–74; 15, т. 1, с. 25–29].

2) *Ключ* – «предмет, наделенный символикой закрывания-открывания»; является «функциональным синонимом замка»; выступает также как «символ власти и обладания». Например, ключом «замыкают» болезнь, жизнь, заговор; «открывают доступ к невесте» в гаданиях о замужестве; его сохранение или потеря символизируют в обрядовой поэзии сохранение или потерю невинности [15, т. 2, с. 511–512]. Вспомним, с одной стороны, «ключи от счастья женского» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и, с другой – «ключ, подходящий к множеству дверей», из стихотворения И. А. Бродского «Дебют». Образ из «Дебюта» имеет фольклорно-обрядовое происхождение, раскрывающееся в таких, в частности, жанрах, как загадка и частушка.

Пример первой:
С вечера вдел,
Всю ночь мудел,
Назавтра вынул, поглядел –
Опять вдел [12, с. 390].

(Ответ: ключ и замок.)

Пример второй:
Ох, девки, беда,
Потеряла сумку,
А в сумке ключи –
Запирала кунку [12, с. 464].

3) *Щель и задвижка* – образы, которые также могут быть истолкованы в эротическом плане. Ср. загадку про *засов*:

Иван-мельник
Засунул в понедельник,
А вынул во вторник [12, с. 384].

Что касается образа *щели*, то в качестве эвфемизма с прозрачным аллегорическим смыслом он использовался еще И. С. Барковым (см.: [1, с. 16, 33, 101, 299; 7; 8]).

Таким образом, сохранение ключа и неоткрывание двери во сне Дьяконовой – это сохранение ею чистоты, девственности («Я ключа не даю и держу у себя под одеялом»), которое приведет ее... к смерти.

4) Наконец, немаловажной является и цифра «5» («Проснулась – слышу, бьет 5 часов»). Нумерологию, известную еще Пифагору, наукой считают далеко не все члены мирового учёного сообщества, поэтому обратимся к той ее традиции, которая является частью признаваемой многими библеистики, – к нумерологии библейской. Ряд истолкований символики «5» хорошо вписывается в общую символику сна Дьяконовой: «С числом 5 человек стремится смотреть за пределы мира, состоящего из четырех элементов, отправляться в странствия и духовно прогрессировать. <...> 5 – число мужской сексуальности, так как оно состоит из первого женского числа (2), прибавленного к первому мужскому числу (3), а в любви женщина «прибавляется» к мужчине, отдавая ему в его владение. Если 3 – число сексуального воспроизводства, то 5 – число сексуального удовольствия. <...> Число 5 выражает чувственность и плотские удовольствия в целом, так как это число пяти чувств. <...>» [6, с. 85, 87].

Полагаем, что рассмотренные образы-символы из сна Дьяконовой указывают и/или на ее замужество, и/или на ее смерть. Оба объяснения отвечают общей направленности тех мыслей и страхов, которые владели даиэристикой в течение всего времени ведения ею дневника. В равной степени Дьяконову страшили и замужество, и смерть. И сны, как часть ее бессознательного, впитали в себя эти страхи, подпитанные и усиленные страхами и предубеждениями прочитанных ею писателей-классиков и созданных ими персонажей.

Список литературы

1. Барков И. С. Иллюстрированное собрание трудов в одном томе. Посвящения, оды, поэмы, эпистолы, сонеты. М. : Альтапринт, 2004.
2. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М. : Захаров, 2004.
3. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. СПб. : А. Ф. Девриен, [1913].
4. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001.
5. Миллион снов. Новый и полный сонник. Предсказание снов, гадание на картах и пр. Распознавание будущего по рукам и по лицу человека. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1901.
6. Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Библийская нумерология. СПб. : Изд-во Ин-та метафизики, 2006.
7. Петров А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков : монография. Магнитогорск : МаГУ, 2013.
8. Петров А. В. «Эрос vs. Приап»: «коды любви» в брачных одах М. В. Ломоносова и И. С. Баркова // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: лінгвістика і літературознавство : міжвуз. зб. наук. ст. Бердянськ : БДПУ, 2013. Вип. XXVII. Ч. 2. С. 28–40.
9. Петров А. В., Скворцова М. Л. Петербургская свадебно-праздничная культура 1720-х гг. глазами немца (на материале «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца») // Libri Magistri. 2017. Вып. 4. Филология в XXI веке. С. 92–111.
10. Петров А. В., Ярина Н. В. «Если бы кто-нибудь признался мне в любви, что же вышло бы?» : роман «Отцы и дети» в восприятии Елизаветы Дьяконовой // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 44–50.
11. Ранчин А. Две смерти. Князь Андрей и Иван Ильич // Октябрь. 2010. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/october/2010/10/ra4.html#_ftnref1.
12. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост., науч. ред. А. Л. Топоркова. М. : Ладомир, 1995.
13. Савельева В. Сновидение как пробуждение. Сны в романах и в жизни Льва Толстого // Простор. Литературно-художественный ежемесячный журнал. 2013. № 12. URL: <http://zhurnal-prostor.kz/index.php?id=1480>
14. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей : монография. Алматы : Жазушы, 2013.
15. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995.
16. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 7. М. : Худож. лит., 1981.
17. Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
18. Ярина Н. В. «“Дневник” Елизаветы Дьяконовой: жанровое своеобразие» : дис. на соискание квалификации «Исследователь, Преподаватель-исследователь» : рукопись. Магнитогорск, 2018.

«God, I got scared and screamed... awaked...»: «literary» dreams of a woman diarist (E. A. Diakonova and L. N. Tolstoy)

A. V. Petrov¹, N. V. Yarina²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of linguistics and literary studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University. Russia, Magnitogorsk.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

²postgraduate student of the Department of linguistics and literary studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University. Russia, Magnitogorsk.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Abstract. E. A. Dyakonova's (1874–1902) diary, one of the most interesting of «human documents» of the Russian literature of the end of XIX – the beginning of the XX centuries, still isn't investigated in national and foreign science. One note in which the diarist describes the dream was chosen from its richest contents. On the one hand, reader's experience of Dyakonova, namely her constant interest in L. N. Tolstoy's creativity was reflected in it; with another – «individual» and «collective» components of her «unconsciousness». Their analysis is the purpose of this article. For achievement of the purpose intertextual, mythopoetic and gender methods of research were used. The received results can be used for further studying of a oneiropoetics and a mythopoetics of the Russian literature, and also in cognitive and gender researches of an ego-documents and female literature.

Results of research. According to authors of the article, Dyakonova's dream (note of June 4, 1889) is «remark» of a dream of such character of Tolstoy, as the prince Andrey Bolkonsky. On it specify numerous coin-

cidence – the general for dreams of a diarist and the literary hero a set of details and symbolical images (the room, a latch, the shut door, something awful, breaking it, fear in a dream, talk in a dream, awakening). Tolstoy gave to the hero own religious and philosophical reflections about life as a dream and death as resurrection. Dyakonova's dream, noticeably female in the context of her diary and traditional culture, make actual other perspective. The images of a door, a key, a crack at door, latches, figure «5» have the steady symbolical meanings in national ceremonial practice and folklore and poetic tradition connected with the idea of «exit» from the house – as marriage and as death. Both that, and another makes a constant subject of Dyakonova's thoughts and fears as they were reflected in her diary.

Keywords: E. A. Dyakonova's diary, L. N. Tolstoy, oneiropoetics, mythopoetics, love and death.

References

1. Barkov I. S. *Ilyustrirannoe sobranie trudov v odnom tome. Posvyashcheniya, ody, poehmy, ehpistoły, sonety* [Illustrated collection of works in one volume. Dedications, odes, poems, epistles, sonnets]. M. Alfaprint. 2004.
2. D'yakonova E. *Dnevnik russoj zhenshchiny* [Diary of a Russian woman]. M. Zakharov. 2004.
3. Zolotnickij N. F. *Cvety v legendah i predaniyah* [Flowers in legends and tales]. M. [1913].
4. Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii* [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. M. Lodomir. 2001.
5. *Million snov. Novyj i polnyj sonnĳk. Predskazanie snov, gadanie na kartah i pr. Raspoznavanie budushchago po rukam i po licu cheloveka* – A million dreams. New and complete dream book. Prediction of dreams, cartomancy and so on. Detection of the future by hand and face. M. Typ. of Partnership of I. D. Sytina. 1901.
6. *Neapolitanskij S. M., Matveev S. A. Biblejskaya numerologiya* [Biblical numerology]. M. Publishing house of metaphysics. 2006.
7. Petrov A. V. *Brachno-svadebnaya poehziya v russoj literaturnoj kul'ture XVIII – nachala XIX vekov: monografiya* [Wedding poetry in the Russian literary culture of the XVIII – early XIX centuries : monograph]. Magnitogorsk. MaSU. 2013.
8. Petrov A. V. «Eros vs. Priap»: «kody lyubvi» v brachnyh odah M. V. Lomonosova i I. S. Barkova [«Eros vs. Priapus»: «codes of love» in marriage odes by M. V. Lomonosov and I. S. Barkov] // *Aktual'ni problemi slov'yans'koi filologii. Seriya: lingvistika i literaturoznavstvo : mizhvuz. zb. nauk. st.* – Actual problems of Slavs philology. Series: linguistics and literature studies: interuniversity coll. scientific works. St. Berdyansk: BDPU, 2013. Issue XXVII. Part 2. Pp. 28–40.
9. Petrov A. V., Skvortsova M. L. *Peterburgskaya svadebno-prazdnichnaya kul'tura 1720-h gg. glazami nemca (na materiale «Dnevnika kamer-yunkera F. V. Berghol'ca»)* [St. Petersburg wedding and festive culture of the 1720s by the eyes of the German (by the material of the «Camer-Junker's F.V. Bergholz diary»)] // *Libri Magistri*. 2017. Issue 4. Philology in the XXI century. Pp. 92–111.
10. Petrov V. A., Yarina N. V. «If someone had confessed to me in love, what would have happened?»: novel «Fathers and children» in the perception of Elizaveta Diakonova // *Humanitarian and pedagogical research*. 2018, vol. 2, № 4, pp. 44–50.
11. Ranchin A. *Dve smerti. Knyaz' Andrej i Ivan Il'ich* [Two deaths. Prince Andrew and Ivan Ilyich] // *Oktyabr'* – October. 2010. No. 10. Available at: http://magazines.russ.ru/october/2010/10/ra4.html#_ftnref1.
12. *Russkij ehroticheskiy fol'klor. Pesni. Obryady i obryadovyj fol'klor. Narodnyj teatr. Zagovory. Zagadki. CHastushki* – Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folk theatre. Conspiracies. Riddles. Ditties / comp., scient. ed. A. L. Toporkov. M. Lodomir. 1995.
13. Savel'eva V. *Snovidenie kak probuzhdenie. Sny v romanah i v zhizni L'va Tolstogo* [Dream as the awakening. Dreams in novels and in the life of Lev Tolstoy] // *Prostor. Literaturno-hudozhestvennyj ezhemesyachnyj zhurnal* – Literary and artistic monthly magazine. 2013, No. 12. Available at: <http://zhurnal-prostor.kz/index.php?id=1480>
14. Savel'eva V. V. *Hudozhestvennaya gipnologiya i onejropoehtika russkih pisatelej: monografiya* [Art hypnology and onneuropoetics of Russian writers]. Almaty. Zhazushy. 2013.
15. *Slavyanskije drevnosti: ehtnolingvisticheskiy slovar' : v 5 t.* – Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 vol. / under the general editorship of N. I. Tolstoy. M. International relations. 1995.
16. Tolstoj L. N. *Sobr. soch.: v 22 t.* [Coll. works: 22 vol.] Vol. 7. M. Khud. lit. 1981.
17. Turyshcheva O. N. *Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury* [Book – reading – reader as a subject of literature]. Yekaterinburg. Publishing house of Ural University. 2011.
18. Yarina N. V. «“Dnevnik” Elizavety D'yakonovoj: zhanrovoe svoeobrazie»: *dis. na soiskanie kvalifikacii «Issledovatel', Prepodavatel'-issledovatel'»: rukopis'* [«Diary» of Elizabeth Dyakonova: genre originality»: dis. for qualification «Researcher, Teacher-researcher»: manuscript]. Magnitogorsk. 2018.

Идейно-художественное своеобразие романа М. Г. Чиркова «Возвращение Христа»

В. В. Двоглазов

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: Vladimir6798@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству вятского писателя М. Г. Чиркова. Из всей творческой системы художника в качестве объекта исследования избран роман «Возвращение Христа». Это произведение признается критикой как этапное, говорящее о творческой зрелости его создателя. Цель нашей работы – обнаружить специфику художественного содержания романа и образной формы его воплощения. Внимание обращено прежде всего на сюжетно-композиционную организацию, характеры главных героев, создаваемые ситуации, авторскую концепцию «жизни». Анализ текста романа, выполненный с опорой на высказывания самого писателя, литературную критику, доказывает ориентированность сюжетно-композиционной организации, образной системы на логику характеров, специфику раскрытия авторской этико-философской позиции во взгляде на человека и мир. Каждый из центральных персонажей трехчастного романа – представитель определенной социальной группы, имеющий свою аксиологическую установку. Несомненной общечеловеческой ценностью признается душа человека. Именно она позволяет оценить различные типы отношений между людьми, преодолеть давление жизненными обстоятельствами, обратиться к смысло-жизненным вопросам и приблизить человека к истине.

Ключевые слова: литература Кировской области, творчество М. Г. Чиркова, мировоззрение автора, система образов, этико-философская проблематика.

В своих работах, посвященных изучению культуры, Д. С. Лихачёв отмечал тесную связь между природой и человеком, каким-либо географическим местом и его творческим преображением или воплощением в искусстве. Связь эта обусловлена необходимой встречей двух указанных культур «на своеобразных нравственных основаниях», обусловленных единым содержанием жизни [4]. Указанные наблюдения известного ученого применяются литературоведами при обосновании исследования специфики краеведческого материала, который при аналитическом рассмотрении вносит свой вклад в познание всеобщего. Так, с опорой на литературно-критические и литературоведческие материалы, касающиеся преломления местного материала в творчестве А. Н. Толстого, самарский исследователь Л. А. Соловьева подчеркивает: «Местное и российское, общечеловеческое в классических произведениях нашей художественной литературы не противостоят друг другу, но всегда находятся в состоянии взаимопроникновения, составляют гармоничное целое, ведут к одной цели – воплощению огромной по своей масштабности проблематики в образах живых и конкретных» [9].

В последнее время мысль о связи художественного слова с «почвой», традиционной народной культурой (особенно ее нравственным, этико-философским содержанием) заметно активизировалась. Так, в филологических работах Ю. В. Лебедева, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова, Т. А. Кошемчук и представителей «религиозного литературоведения» подчеркивается: глубинной основой бытия «родной страны», определяющей специфику «русского духа», менталитета, является христианство, православная вера.

Имплицитный христоцентризм – исследуемый сейчас содержательный признак русской художественной словесности. Он отличается авторским ориентиром в образности на совершенный лик Христа, святых и праведных, содержательным исканием и воплощением высшей истины [2]. Потому определяющий пафос отечественной литературы «нравственно-общественный», «религиозно-философский», связанный с художественным познанием этико-онтологических основ жизни с целью утверждения их для справедливого жизнеустройства личного и общественного. М. Е. Салтыков-Щедрин, автор «Губернских очерков», раскрывая пафос своей книги, утверждает: «Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие к добру и истине» [6]. Несомненно, классик, излагая такую мысль, пластично преобра-

жая материал впечатлений от вятской ссылки, выразил и суть своего творчества, и сущность единства русской литературы.

«Сочувствием к добру и истине» наполнено и творчество М. Г. Чиркова. Он известен сейчас вятскому читателю, прежде всего, как автор книг для детей: «На улице сказок», «Таинственные шары», «Голубые жемчужины», «Вдоль по Вятке на лошадке». Поэт Н. Пересторонин в своей критической работе [5] отметил, что «именно этот монолог, обращенный по преимуществу к семье, к юному и взрослому ее населению», волнует писателя не случайно: во всяком «сказочном звоне» – «намеки не намеки», «а дельное замечание» на то, «что и ребенку не лишнее, а взрослому и подавно»; во всякой «сказочной книжке» Чиркова – обращение к «удивительному существу» – человеку и его способностям воспринимать мир, объяснять устройство окружающей действительности, организовывать отношения с другими людьми. В конечном счете автор ищет «тропинку к истине» через наблюдение за человеческой душой. На наш взгляд, эта «чреватость» выхода на серьезный разговор в детской книге, потенциальная возможность видеть в сказочном сюжете типологическое обобщение антропологической (и, по всей вероятности, онтологической) тематики и проблематики присущи стилю М. Г. Чиркова-писателя, обусловлены особенностями мировидения художника.

Высказывания критиков [3, 10], слова самого художника (отраженные в местной периодике [12, 13]) убеждают, что первой книгой, которая относится к периоду «серьезных занятий литературным творчеством», включает в себя творения, «ставшие своеобразным итогом 10-летней литературной деятельности» автора и явившие «первые осмысления жизни и попытки облечь в литературную форму вечные ответы и вопросы о смысле жизни» [10], стал сборник прозы «Возвращение Христа» (1995). Название образовано от заглавия центрального произведения (романа), включенного в сборник. Примечательно, на наш взгляд, что этот роман и в настоящее время не обойден вниманием: в 2011 году создана аудиоверсия произведения.

В. А. Ситников, ознакомившийся с произведением М. Г. Чиркова ещё в рукописи, заметил: роман «Возвращение Христа» – творческое осмысление «переломного времени начала перестройки» [7, с. 3]. Для изображения автор выбирает это время, по всей видимости, не случайно. Как и для любого отзывчивого художника, период отмечен прежде всего личным переживанием. Это сказалось в формировании общей литературно-содержательной основы крупной эпической формы: «Неприятности с реальностью и разлад с душой рельефно обозначились в 80-х годах, когда он, специалист, производственник, увидел, что на смену дисциплине идет произвол власть предержащих. На всех уровнях. Приписки, злоупотребления и как следствие – коррозия людских душ. И уж потом круговая порука всеобщей необязательности», – говорит Л. Смирнова об историческом контексте произведения [8]. Переживание объективно вызвано наблюдением за действительностью, имеющей переходный характер, вновь открывающей человеческую натуру в ее взаимодействии с жизнью. Таково вполне традиционное романное решение в русской литературе.

Своеобразно приоткрыть специфику художественного осмысления указанного взаимодействия художник решает путем отталкивания от самой действительности, ее запечатления через биографические факты. Для этого в качестве предисловия вводится попытка дневника, состоящего из записей разрозненных и одновременно имеющих основную ноту в осмыслении происходящего. Приметы времени бытового (местами – технического) характера перемежаются с личностными, психологически окрашенными оценками: появление в Кирове («Вятке») с целью обретения «двухтомника Библии» в 1987 г. – встреча с очередью за мясными болгарскими консервами, получение «ненормальной» оценки за поднятие хлеба с земли – человеческий проникновенный диалог с «сердобольной старушкой». Формой повествования, спецификой изображения рассказчик и окружающий мир изначально представлены существующими параллельно: «...я начал писать роман “Возвращение Христа”. Я бесцельно иду или еду, я живу в “другом измерении”. В этой жизни делаю какие-то автоматические движения, а все сознание там – в романе.

Сажусь в автобус, еду по 23-му маршруту на другой конец города. Захожу в новый фирменный магазин “Антей”. Зачем? В прошлый раз здесь мне повезло – купил тестю комплект свечей для его “жигулей”» [11, с. 9]. Однако изображение двух измерений (внешнего, объективного и внутреннего, субъективного) в конечном счете завершается формированием атмосферы единого мира, где рельефное, детальное, внешнее сопряжено с душевным, внутренним. И это сопряжение – в человеке, в его способности отзываться сердцем, нравственным созна-

нием на события мира: «Недавно в теленовостях сообщили, что где-то в Ивановской области голодают дети, едят комбикорм, предназначенный для скота...

Наверное, все-таки я зря не веду дневник» [11, с. 9].

Через личное, имеющее черты исповедального, задушевного, отчетливо заявляет о себе желание автора высказаться о человеческом общежитии, складывающемся из бытия каждой отдельной личности, участвующей в жизненном потоке. Потенциально об этом – «дневниковое» предисловие произведения, раскрывающего «документальный» материал романа взаимодействующим с содержательным, общечеловеческим началом, философским. Потому жизнь человеческой души оказывается под внимательным наблюдением.

У каждого в семье Сизовых – центральном собирательном образе романа – свое непростое прошлое, своя невысказанная боль и свое желание настоящего. При этом герои раскрывают свои основные аксиологические установки во взаимодействии с жизнью, разными ее участниками и представителями 80-х гг. ушедшего столетия. Отсюда – рассмотрение душевного состояния, его воплощения в поступках, формах сознания, общения с миром как непреходящей категорией. Все это составляет внутреннее содержание произведения.

Аркадий Сизов – главный герой первой части романа, а в контексте произведения – отправной, начальный характер во всей персонажной системе. Образ его создается двумя способами – личностным, индивидуальным и обобщающе-советским, путем «затасканных эпитетов»: «...хороший, знающий, добросовестный работник, хороший семьянин, хороший товарищ и сам пользуется уважением среди товарищей. Активно участвует в общественной жизни цеха и завода, является наставником молодежи, рационализатором и новатором производства. Морально и политически устойчив, занимаемой должности технолога механического цеха соответствует» [11, с. 14]. Прибегая к элементам комического, автор парадоксально замечает, что «производственная характеристика» советского труженика вполне «соответствовала действительности». Обобщающее сливается с индивидуальным, значимым в герое и существует нераздельно: искренность, честность, ответственность, способность дарить покой, тепло, заботу – свойства и Сизова-самоценной душевной личности, выстрадавшей эти качества, и Сизова-советского человека. Это поистине «редкий счастливый случай». Однако соотношение человеческого и регламентированного, системно-организационного в герое и во внешнем мире становится областью наблюдения автора. Счастливое совпадение, цельность при возникновении ситуации выгоды, использования человека оказываются разрушенными в момент осознания героем разлада в мире, частью которого он считал себя: «Перед кем я изливал душу? Какой стыд! Зачем я вообще подал заявление о вступлении в партию? Чтобы надо мной стоял ещё один начальник? <...> Какой тут коммунизм, скоро социализм-то весь проедем!» [11, с. 37]. Атмосфера общественных нагрузок, становящаяся причиной семейных разногласий и неурядиц, умноженная на манипулирование и личную боль, принесенную ещё из детства, вызывают в герое ощущение давления жизнью, реакцию отстранения от нее, неучастия в ней: «Как тяжело на душе... Лучше бы не родиться вообще, чем такая жизнь» [11, с. 34].

Герой, родившийся в обстановке драматичной семейной жизни (отец выпивал и унижал семью, мать терпеливо все сносила), однажды замечает, что убил бы отца, если тот будет продолжать оскорбления; жена Аркадия, Валентина, потеряла всю семью от несчастного случая. Однако сюжет развивается своеобразно: после все же свершившегося спустя много лет убийства (по причине оскорбления, унижения матери, которого она не вытерпела), Аркадий Сизов, уважаемый рабочими завода, имеющий репутацию безотказного, честного, трезвого человека, оказывается сам жертвой малолетнего убийцы – сына следователя. Смерть Сизова – наказание, данное в психологизированном повествовании, которое отмечено пафосом личного переживания причинно-следственных отношений в жизни, где отправная точка – неправда и несправедливость, исходящие от вины и действующего в жизни зла (поведение отца, личная воля Сизова-сына): «Меня обманули! Кошка не могла съесть своих котят, их, наверное, отец просто утопил! <...> Что со мной? Это, наверное, от переутомления или от духоты... Значит, меня обманули. Меня обманули, а я всю жизнь ненавижу кошек... А какое право я имею судить людей? Скольких людей за свою жизнь обидел неприятно только из-за того, что судил о них по высказываниям сослуживцев, жены... и даже случайных людей!? Несчастливая кошка, почему она вспомнилась именно сейчас? Я ее, наверное, все-таки убил. Я – убийца!» [11, с. 33]; «Почему она на меня так смотрит? Значит, я ее все-таки убил!.. Но это же не кошка... это отец... Господи, что я натворил, что я наделал?!» [11, с. 78]. Эпизод с кошкой, убитой героем в детстве, обращает читателя к поднимающимся в этически взволнованные моменты жизни чувствам

вины и жалости, сострадания. Эти чувства роднят людей, вызваны неугасимым нравственным сознанием. Появляется ощущение жизни души и как следствие – высшей необходимости жизни – единящей любви. В романе в момент осознания героем убийства автор изображает, как высшее начало борется с «властным, инстинктивным» началом, обусловленным несправедливостью мира. Но именно оно, «чужое», все-таки берет верх. Потому в поступке героя заключено падение, разрушение нравственной природы.

Одновременно гибель Аркадия Сизова становится фактическим доказательством действия разрушительной внешней силы, идущей от эгоистической воли, личной безответственности «власть предержавших», обрушившихся на рефлектирующий, взыскующий лучшей жизни и мятущийся под влиянием чувства вины характер, не нашедший искреннего сочувствия, понимания, сострадания. Здесь, в психологическом заострении социально-философской проблематики – начало нового судьбоносного витка жизни, куда вовлеченным оказывается сын Аркадия – Эдик – герой второй части романа.

Характер Эдика Сизова – следующий этап в обрисовке процесса «коррозии души». Герой отличается принципиальной наблюдательностью за действительностью. Из этих наблюдений делаются практические замечания: «Отец, – ну не дурак, что ли? – с его-то умом и опытом давно бы можно какой-нибудь кооператив открыть, деньги лопатой грести. И я бы школу бросил, помогал бы ему деньги огребать. <...> Я им покажу, как жить надо! Я за такие копейки, как отец с матерью, вкалывать не буду. Работают, работают, десять лет на машину копят, а накопить не могут» [11, с. 89]. Подобные наблюдения, несомненно, объясняются и особенностями определенного этапа развития человека. Однако в художественном решении они имеют значение особого принципиального отношения к миру, покоящегося на установлении первичной ценности внешней материалистической стороны. Воспитанный в интеллигентной семье разуверяется в справедливости жизни, лучших ее свойствах, связанных с человеком («честь, долг, совесть! Кому нужны эти сказки для взрослых?»). Отторгающий смирение, честность, безотказность, личное переживание дела и чужой человеческой судьбы, посредственное существование, Эдик формирует правила существования в окружающей действительности (поступая прямо противоположно тому, как жил отец, чтобы не стать «таким же», с такой же судьбой несчастного, бедного, всему подчиняющегося): «Выскочив из кабинета следователя, он пошел домой и, сам того не замечая, на ходу пересмотрел все моральные принципы, которыми до сих пор руководствовался в жизни. Решил: никому, ни в чем не верить – первое, самое главное правило; второе: отныне жить только для удовлетворения собственных интересов и желаний; третье: все, чему учил его отец, делать наоборот, чтобы не оказаться в таких же дураках, как он» [11, с. 128]. Соответствие этим правилам выводит героя к мести, разрыву с семьей, желанию славы, богатства и к «глупой (потому что корыстной) мечте совершить подвиг на чужой земле ради ордена и прилагающихся к нему льгот». Парадоксально средством достижения обязательной славы, «ордена», богатства видится герою-призывнику служба в Афганистане. Аморальное, извращенное отношение к войне как способу потребления, изменения личной судьбы прямо оценивается автором, а также показывается через отношение замполита к подобной «службе»: «Три месяца назад на этого Сизова были одни жалобы, что дерзит, неуправляем, а сейчас вон – красавчик. Все с иголочки, все по уставу. А в голове-то у него что? <...> Марионетка... или действительно талантливый солдат?» [11, с. 164] Заметно, что действия, мысли молодого скептика и циника, наделенного «юношеским чувством “бессмертия”» – напускное, вновь «чужое», приобретенное под влиянием убежденности в силе обстоятельств, видимой стороны жизни. Развивая сюжетную линию последовательно, в соответствии с логикой характера, автор приводит героя к столкновению с реальностью условий осуществления желания, мечты в их неприкрытом, настоящем виде – виде смерти. Осознание конечности жизни через наблюдение чужой солдатской гибели, переживание смерти как возможного личного раннего исхода отрезвляет юношу, заставляет обратиться к непреходящим ценностям жизни, к поиску защиты у высших сил: «От одной только мысли, что в любой момент из-за любой глыбы может выскочить душман с гранатометом и нажать на спусковой крючок...

От постоянного напряжения слезились глаза, ныла спина, одеревенели руки и ноги. Несчастный мальчишка от нехорошего предчувствия начал молиться: “Только бы не меня, только бы не в меня! Боже, если ты есть, прonesи мимо”» [11, с. 167].

Мотив смерти присущ роману. Реализованный в «детективной» форме сюжета, он становится и смыслопорождающим, значимым в идейном решении. Герои первых двух частей

перед смертью прозревают иную реальность, душевно соприкасаются с ней, с ее творцом – Богом. Прижизненное Его ощущение, осознание образуется в катастрофический, экзистенциальный момент. Автор изображает это погружение в большей мере во время внутреннего волнения, обусловленного действием нравственного чувства, способностью видеть всю жизнь, ее ценности в свете конца. Формой другого прозрения «тонких миров» является несуетное, сопричастное течению жизни обращение к вечным вопросам.

В этом отношении важнейшими становятся женские характеры. Среди них выделяются образы Валентины Сизовой и бабушки Нюры. Сам автор заметил, что роман «как раз о том, как из-за стечения обстоятельств была сломана судьба казалось бы благополучной семьи» [13, с. 2]. Но линии жизни жены Сизова, бабушки Нюры говорят о таких людях, которые могут противостоять стихийным силам действительности, влияющим на человека, на судьбу через сложную душевную организацию. И в этом – ключ к интерпретации названия романа, выход к авторской идее и мировоззрению писателя.

В какой-то мере повествование о людях, достигающих истины, – несколько иной стилевой пласт произведения. Он согрет авторской симпатией, разработан через ситуации общения, раскрывающие психологическое содержание персонажей, детализирован. Так, после семейных ссор и дразг, обусловленных давлением быта, выбором между личным и общественным, автор деликатно, с нежным чувством подчеркивает силу примирения между мужем и женой Сизовыми: «Дай-ка я поцелую тебя на прощанье, а то уйдешь к другой жене от такой сварливой бабы, как я. – И они примирительно улынулись» [11, с. 32]; «Этот тихий разговор перешел во взаимные признания и ласки. Они уже давно не были так счастливы в объятиях друг друга» [11, с. 69]. Валентина Сизова изображена в традициях русской классики, умноженных на исторические обстоятельства. Поэтому ее значение как русской женщины, жены, матери в романе особо. Оставшаяся с детства сиротой, она становится опорой, поддержкой, частью семейного счастья Аркадия. Особенно это выделяется на фоне лично несчастной семьи Сизовых-старших. Однако автором замечено, что обретенный «желанный покой» вырастает на почве «благодарности и симпатии», привязанности, «которую, пожалуй, можно было назвать любовью». Любовь-сострадание, сочувствие, привязанность и олицетворял «тихоня». Эту жизненную необходимость заметила бабушка Нюра.

Ее образ в романе дан наиболее полно в третьей части, и с определенных моментов он становится ключевым, расширяет содержание романа своим религиозно-философским наполнением. Важнейшие моменты начала раскрытия характера – попытка семьи Сизовых начать новую жизнь и болезнь Валентины. Два этих момента связаны в сюжетном решении: при создании возможности соединения людей, в прошлом испытывавших симпатию друг к другу, автор замечает, что необходимо исцеление для формирования новой жизни, имеющей материальное и душевно-духовное составляющие. Потому так специфично изображено врачевание: в отделении больницы с болью, страданием по молитве исходит душевное горе героини. Не случайно исцеляет Валентину обладающая народной христианской верой бабушка. Она же предстает и в общении с Виктором, бывшим школьным гением, «золотым» медалистом, наделенным талантом ума. Создавая этот момент, писатель сталкивает ум, логику и веру, душу с целью объяснения сущности жизни.

Являясь «проводником» между Богом и душой человеческой, бабушка Нюра предстает в произведении сложносоставленным характером: с одной стороны, исторически и психологически достоверно (думается, в русле «деревенской прозы») составлены все формы воспоминаний героини, ее жизнь. И в то же время речь бабушки Нюры «сильно сдобрена философскими добавками» [8], которые образ абстрагируют, поднимают над реальностью и реалистичностью, делают рупором авторских мыслей. Сам автор заметил: «У нас все выясняют, что было первично: материя или дух. А я убежден, что эти два понятия невозможно разделить. Надо подняться немножко выше разделения и не разделять. И тогда все встанет на свои места. Тогда не будет ни материалистов, ни идеалистов, а просто будут люди, в которых есть душа». Героиня – человек с душой, ощущающей свой исток, ищущей его. Но, ощущая Бога, понимая его как высшую ценность жизни, ее руководящую силу, оказывается далека от сугубо «умозрительного» и догматического, богословского понимания Абсолюта. Все замечания и обращения к человеку науки, Виктору, вырастают из опыта осмысления жизни в свете понятия о душе: «Разе человек может сознанием-то понять, когда ему конец назначен? А душа-то чувствует. Истинно так, на то она и душа: почуяла, что пора с телом расставаться, Господь призывает, забеспокоилась, знает, что грех на ней – измена родной жене, – вот и просит покаяния»

[11, с. 210]; «Повенчаны мы с им были, хоть скрытно, да обвенчались, спасибо свекрови, царствие ей небесное, надоумила. Души наши соединены на веки веков во время венчанья-то. Слились воедино. Его душа собралась из убитого тела на небо вознестися, а у меня сердце из груди – вон, рвется, беду чует» [11, с. 214].

Таким образом, третья часть романа – о невидимых нерушимых основах мира, душевном согласии, даруемом памятью о Боге, о Христе. Поэтому не случайно оптимистический настрой участвует в композиции текста (повествование открывается событиями из жизни бабушки Нюры, образом ребенка). Обрамляющее настроение согрето молитвой и образом «праведницы». Однако мир романа не минуют жизненные, бытовые волнения: «Утихли страсти, улеглась молва, а бабушка Нюра, древняя старушка, нет-нет да и вздохнет:

– Ох и жалко Сизовых-то. Помолюсь-ка я ешо, пока дитятко угомонилося. Бог милостив, авось, простит души их грешные, примет в Царствие Небесное.

С трудом поднявшись с табуретки, идет в красный угол избы. Опираясь на лавку, опускается на колени перед потемневшей за века иконой Божьей Матери» [11, с. 11–12]. Указанием на волю Божию как неизменное начало жизни автор обращается к смирению как состоянию, определяющему судьбоносное движение, преодолевающему давление и тяготы действительности, грань между материалистическим и идеалистическим, связывающему земное и небесное. Потому по прочтении, «несмотря на горести и беды, что выпали на долю Сизова, в добро как-то верить не перестаешь, а наоборот» [1].

Список литературы

1. *Добрая книга* // Вятская речь. 1995. № 2 (ноябрь). С. 1.
2. *Есаулов И. А.* Духовная традиция в русской литературе // *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2001. Стлб. 254–255.
3. *Золотарев В.* Вышла в свет новая книга М. Чиркова («Возвращение Христа») // *Нива*. Зуевка, 1995. 18 апр. С. 2.
4. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М., 1989. С. 150–151.
5. *Пересторонин Н.* Сказания о вятской душе // *Вятский край*. 1992. 8 дек. С. 6.
6. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений : в 20 т. Т. 2. М., 1965–1977. С. 14.
7. *Ситников В. А.* Напутствие // *Чирков М. Г.* Таинственные шары. Киров, 1992. С. 3–4.
8. *Смирнова Л.* В душе идет работа: писатель из Зуевки М. Чирков // *Нива*. Зуевка, 1995. 6 июня. С. 4.
9. *Соловьева Л. А.* Литературное краеведение. Самара, 1994. С. 6.
10. *Сухотина С.* Михайлов день // *Нива*. Зуевка, 2011. 6 янв. С. 7.
11. *Чирков М. Г.* Возвращение Христа. Киров, 1995. В тексте работы роман цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.
12. *Чирков М. Г.* «Я писал для простых людей» // *Наш вариант*. 1995. 21–27 апр. С. 5.
13. *Чирков М. Г.* «Я пишу для того, чтобы у кого-то стало светлее на душе» // *Нива*. Зуевка, 1993. 16 февр. С. 1–2.

Ideological and artistic originality of M. G. Chirkov's novel «The Return of Christ»

V. V. Dvoeglazov

PhD of philological sciences, senior lecturer of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Киров.
E-mail: Vladimir6798@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the works of Vyatka writer M. G. Chirkov. Novel «The Return of Christ» is object of research. It is chosen from the whole works system of writer. This work is recognized by critics as a milestone, talking about the creative maturity of its author. The aim of our work is to find out the specifics of the artistic content of the novel and the figurative form of its embodiment. Attention is drawn to the plot and composition organization, the characters of the main heroes, the created situation, the author's conception of «life». The analysis of novel's text based on the statements of the writer, literary criticism proves the orientation of the plot-compositional organization, image system on the logic of characters, the specifics of the disclosure of the author's ethical and philosophical position in the view of man and the world. Each of the central heroes of the three-part novel is a representative of a certain social group, having a certain axiological setting. The human soul is recognized as the highest universal value. It allows you to assess the different types of relationships between people, overcome the pressure of life circumstances, to turn to the meaning of life issues and bring people closer to the truth.

Keywords: literature of the Kirov region, M. G. Chirkov's, the author's worldview, the system of images, ethical and philosophical problems.

References

1. *Dobraya kniga* – Good book // *Vyatskaya rech'*– Vyatka speech. 1995, № 2 (November), p. 1.
2. *Esaulov I. A. Duhovnaya tradiciya v russkoj literature* [Spiritual tradition In Russian literature] // *Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij*– Literary encyclopedia of terms and concepts. M. 2001. Column 254–255.
3. *Zolotarev V. Vyshla v svet novaya kniga M. CHirkova («Vozvrashchenie Hrista»)* [A new book by M. Chirkov («Return of Christ») was published] // *Niva* – Niva. Zuevka. 1995, 18 Apr. P. 2.
4. *Lihachev D. S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom* [Letters about the good and the beautiful]. M. 1989. Pp. 150–151.
5. *Perestoronin N. Skazaniya o vyatskoj dushe* [Tales of Vyatka soul] // *Vyatskij kraj* – Vyatka Krai. 1992, Dec 8, P. 6.
6. *Saltykov-SHCHedrin M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t.* [Collected works: in 20 vol.] Vol. 2. M. 1965–1977. P. 14.
7. *Sitnikov V. A. Napustvie* [Parting words] // *CHirkov M. G. Tainstvennye shary* [Mysterious balls]. Kirov. 1992. Pp. 3–4.
8. *Smirnova L. V dushe idet rabota: pisatel' iz Zuevki M. CHirkov* [In the soul there is the work: the writer from Zuevka M. Chirkov] // *Niva* – Niva. Zuevka. 1995. June 6. P. 4.
9. *Solov'eva L. A. Literaturnoe kraevedenie* [Literary local lore]. Samara. 1994. P. 6.
10. *Suhotina S. Mihajlov den'* [Mikhailov day] // *Niva* – Niva. Zuevka. 2011. Jan 6. P. 7.
11. *CHirkov M. G. Vozvrashchenie Hrista* [The Return of Christ]. Kirov. 1995. The text of the work cites the novel in this edition with the page in brackets.
12. *CHirkov M. G. «YA pisal dlya prostyh lyudej»* [«I wrote for ordinary people»] // *Nash variant* – Our version. 1995, 21–27 Apr., p. 5.
13. *CHirkov M. G. «YA pishu dlya togo, chtoby u kogo-to stalo svetlee na dushe»* [«I write in order for someone to become lighter in the soul»] // *Niva* – Niva. Zuevka. 1993. February 16. Pp. 1–2.

УДК 398.95(470.13)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.043

Некоторые наблюдения над системой личных прозвищ жителей русских поселений Республики Коми*

С. Г. Низовцева

научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН. Россия, г. Сыктывкар.
ORCID: 0000-0003-4197-1850. E-mail: svetlananiz@mail.ru

Аннотация. На территории Республики Коми выделяется несколько русских поселений, сформированных русскими переселенцами из разных губерний России. В их числе горнозаводские посёлки Кажым, Нючпас (Койгородский р-н), Нювчим (Сыктывдинский р-н) и населенные пункты Троицко-Печорского района, расположенные по берегам верхней Печоры и ее притоков; их формирование обусловлено разными причинами: зарождением промышленности, освоением северных территорий, конфессиональным фактором и др. Фольклорная культура этих локальных традиций относительно недавно попала в поле зрения исследователей, экспедиционные изыскания проводились лишь с начала XXI в., опубликован ряд работ. В данной статье рассматривается корпус личных прозвищ, записанных сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в ходе полевых экспедиций 2008–2017 гг., предпринята попытка их описания и систематизации. В ходе анализа отмечены общие и отличительные черты в прозвищном имянаречении жителей заводских поселений и верхней Печоры.

Ключевые слова: русская традиция, фольклор, переселенцы, личное прозвище, родовое прозвище

На территории Республики Коми выделяются несколько русских поселений, сформированных русскими переселенцами из разных губерний России. В их числе горнозаводские посёлки Кажым, Нючпас (Койгородский р-н) и Нювчим (Сыктывдинский р-н), формирование которых связано с открытием на этих территориях железорудных промыслов (XVIII в.) и переселением обученных заводскому делу крепостных крестьян из губерний северной и центральной России¹; в связи с таким составом населения в этих поселениях формируется фольклорная культура, основой которой становятся традиции тех мест, откуда происходят заводчане [3, с. 133]. Русскими по своему составу также считаются населенные пункты Троицко-Печорского района республики, расположенные по берегам верхней Печоры и ее притокам, в частности посёлок Якша, сёла Курья и Усть-Унья, деревни Волосница, Пачгино, Светлый Родник, Бердыш, которые были основаны и заселялись с начала XVIII в. русскими крестьянами, преимущественно из Чердынского края Пермской губернии (северное Прикамье), и обрусевшими коми-пермяками [1, с. 4–12]; на формирование местной традиции оказал влияние и конфессиональный фактор: со второй половины XIX в. на средней и верхней Печоре возникло множество скитов (сначала старообрядческих, позже скрытнических)². Фольклорная культура этих локальных традиций относительно недавно попала в поле зрения исследователей, экспедиционные изыскания начали проводиться лишь в начале XXI в., по итогам исследований опубликован ряд работ³.

© Низовцева С. Г., 2018

* Работа подготовлена в рамках проекта № 18-6-6-25 по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН.

¹ Подробнее об истории русских заводских поселений и формировании местной фольклорной традиции см.: [3, с. 132–147].

² Фольклорная традиция верхней Печоры стала предметом специального изучения сотрудников ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН совсем недавно, первые экспедиционные обследования этой территории были предприняты в 2016 г., об этом см. [1, с. 63–66].

³ См., например: Низовцева С. Г., Шахматская П. А. Обзор фольклорных материалов, записанных от русского населения пос. Нючпас и Кажым (по результатам экспедиций 2013 г. в Койгородский р-н Республики Коми) // Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы : сб. ст. по материалам конф. Сыктывкар, 2013. С. 190–196; Истомина П. А. Поверья о колдунах в репертуаре русского населения заводских поселений Республики Коми (обзор сюжетов, мотивов, некоторые аспекты поэтики) // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. М., 2016. С. 218–230; Крашенинникова Ю. А. Горнозаводские поселения Республики Коми: история промысла в экспедиционных материалах XXI в. // Грибушинские чтения. Кунгурский диалог : тез. докл. и сообщений XI Междунар. соц.-культ. форума (Кунгур, 20–22 апреля 2017 г.). Пермь, 2017. С. 288–291; и др.

Предметом данной статьи станет корпус личных прозвищ, записанных сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в ходе полевых экспедиций 2008–2017 гг., принята попытка их описания и систематизации⁴. В ходе анализа отметим общие и отличительные черты в прозвищном имянаречении жителей заводских поселений и верхней Печоры.

Под личным прозвищем мы понимаем дополнительное, неофициальное имя человека, используемое для наиболее точной личностной оценочной характеристики номинируемого, выделяющее его в коллективе и служащее для идентификации его в сообществе. В отличие от официальных наименований прозвища, прежде всего, связаны с образными переживаниями и выражают эмоциональную оценку. «Как особая категория собственных имен личные прозвища бытуют в отдельных территориальных социальных и других антропонимических микросистемах, в пределах определенной коммуникативной общности. Они известны только в кругу этой общности, где их используют в качестве единственного личного имени, заменившего собой и имя, и отчество, и фамилию; таким образом, прозвища выполняют заместительную функцию» [15, с. 59].

Во всех русских поселениях, как в заводских, так и на Печоре, весьма распространено называние женщин по имени или фамилии мужа. Подобные прозвища называют андронимами (именования жен, образованные от имен, фамилий или прозвищ мужей). Андронимы на -их(а), как отмечают исследователи, появляются на Руси с XVI в. и становятся широко употребительными, например, в Зауралье в XVII–XVIII вв., о чем свидетельствуют архивные источники [6, с. 87]. Подмена личного женского имени на имя мужа указывает на социальный статус женщины, подчиненное положение в семье и обществе. «На протяжении многих столетий женщина играла в основном второстепенную роль при мужчине, из-за чего многие женские онимы возникали с отсылкой к мужскому антропониму» [2, с. 194].

Женщин могли называть: **по имени мужа** (произносили только прозвище или личное имя и прозвище, что облегчало идентификацию): Васиха < Василий, Романиха < Роман, Костиha < Константин, Сержиха < Сергей, Вениха < Венедикт, Шура Митиха < Дмитрий, Марья Николиха < Николай и т. п.; **по фамилии мужа или своей** (больше распространено в заводских поселках, на Печоре зафиксированы единичные примеры): Гусиха < Гусева, Козлиха < Козлова, Косариха < Косарева, Толстычиха < Толстых, Кувардиха < Кувардина, Пирожиха < Пирог и т. п. Более редки случаи, когда женщин называли **по физическому недостатку мужа** или **его прозвищу**: Глушиха в пос. Кажым (у женщины был глухой муж), Ведилиха, Дьячиха в с. Усть-Унья (прозвища мужей Ведило, Дьяк).

На Печоре (д. Пачгино) женщин также могли называть по имени матери (Анна Дунина, Анна Натальина и т. п.); по отцу или матери также могли именовать детей (в наших записях – именно сыновей): Володя Тимин < сын Тимофея, Лёня Ерёмин < сын Ерёмы, Володя Христинин < сын Христины, Егор Аннин < сын Анны и т. п. Подобный единичный пример записан в заводском посёлке Нювчим: мужчина получил прозвище Коля Манин (мать звали Маня и все её дети номинировались как Манины). Любопытный случай зафиксирован на Печоре: в с. Усть-Унья мужчина получил прозвище по имени жены – Шура Мотин (< жена Матрёна), а не наоборот, как было принято. Возникновение личных прозвищ от женских антропонимов весьма редкое явление, одной из возможных причин может быть более высокий статус женщины в микросоциуме или отсутствие в семье по каким-то причинам хозяина/мужа/отца (например, не вернулся с войны).

Хочется отметить, что андронимы не несут особой информативности о носителе прозвища и обладают нейтральной коннотацией. Все другие личные прозвища (в местной терминологии – *кличка, обзЫвок, погонЯло*), зафиксированные в заводских поселениях и на верхней Печоре, обладают определенной оценочностью и характеризуют людей с разных сторон. Мы распределили их по нескольким категориям, в основе систематизации лежат мотивировочные характеристики (рассматриваем только те случаи, когда мотивация зафиксирована).

Больше всего записано личных прозвищ **по внешнему виду** номинируемого – прозвища выделяют яркую, бросающую черту внешности или заметный физический недостаток:

Заводские поселения: Иван Безрукий (вернулся из армии без руки), Миша Косой (косые глаза), Поля Кишка (худая и длинная), Березка (высокая и худая), Саня Пурга (быстро ходит), Саша Черный (по цвету волос), Ленька Рыжий (по цвету волос), др.

⁴ Подобное исследование выполнено на материале личных прозвищ народа коми из рукописных архивных источников первой трети XX в. [3, с. 94–103]

Верхняя Печора: Васька Таракан (рыжий и с усами), Миша Хряк/Кабан (здоровый, крупный), ВедИло (высокий человек, по словам информанта «издалека видно», «его даже дети звали дядя Ведило»⁵), Морошка (рыжий, с рыжей бородой), Пестерь (лицо круглое), баба Зоя Туричок⁶ (маленькая, кругленькая), Поля Манец (внешне похож на манси), Гуляй нога (у мужчины одна нога была короче другой, он ходил и припрыгивал), др. В редких случаях в номинировании наблюдается принцип инверсии или энантиосемии, например человек маленького роста получил прозвище Лыжа (по словам информанта: «лыжа от слова лыза – длинный, долгий»⁷).

Другая многочисленная группа – это **прозвища, восходящие к личным качествам человека, его манере поведения, речевым особенностям**, причем в номинациях маркируются как положительные, так и отрицательные качества.

Заводские поселения: Петя Хитрый (по характеру), Петя Дыда (непонятная речь), Ботала⁸ (болтливая женщина – «надо, не надо – всё бубнит, болтает»⁹), Ольга Пóточка¹⁰ (любила много разговаривать, «поткает – ворчит, много болтает»¹¹), др.

Верхняя Печора: бабка Герой (бойкая старушка, всем помогала, умела все делать), Муравей (работающий), Васька Цыган (хитрый, обменивал вещи), Шёршень («бабка задиристая такая была, щетинилась»¹²), Герасим БУргало¹³ (когда что-то делает, бурчит, сам с собой разговаривает), Советник (бабушка любила давать советы); Пашка Горносталя¹⁴ (ловкий, хитрый, изворотливый), др.

Больше всего прозвищ, относящихся к следующим группам, записано в заводских поселениях и лишь единичные варианты – на Печоре.

Прозвища могли дать по месту рождения или проживания человека, реже – по **национальности**. К примеру, номинации Кобереч в пос. Нючпас (предок из с. Кобра), Манька/Маня Солёная (женщина была родом из с. Серёгово, где добывали соль), Ваганов в пос. Нювчим (предок из мест по р. Вага), Паня Певский (родом с д. Певка, находящейся рядом с пос. Нювчим). На Печоре подобные прозвища менее частотны, так как, на наш взгляд, местные сообщества более однородны и устойчивы по своему составу, выходцев с других мест было немного, таких сразу выделяли в коллективе и давали соответствующее прозвище, как, например, Паша БердышАнский в с. Усть-Унья (родом из д. Бердыш), Васька Зырян в д. Пачгино (коми по национальности, родом из коми д. Мамыль).

Отдельную группу составляют **прозвища по роду занятий, профессии, должности или званию** (самого номинируемого или его родных): Депутат (работал депутатом), Прапорщик (служил прапорщиком в армии), Комендантша (отец работал в милиции), Лиза ПекарИха (работала в пекарне), Гибочка¹⁵ (мужчина был жестянщиком, «гнул металл»), Пончик (работала в пекарне), Узда (работал с лошадьми), Вася Солин (дед возил на лошадях соль из с. Серёгово или г. Сольвычегодска), др.

Некоторые из прозвищ, указывающие на профессию или звание, в своем значении имеют другую коннотацию – не называют род занятий, а дают личностную характеристику объ-

⁵ Зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева в 2017 г. от Собянина П. Н. 1956 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Усть-Унья.

⁶ Туричок – Арх. 'катушка, на которую наматывается пряжа, нитки' [13, с. 270]. На Печоре служит также для наматывания полосок ткани, из которых делали половики.

⁷ Зап. С. Г. Низовцева в 2017 г. от Лызлова В. И., 1950 г. р., Троицко-Печорский р-н, д. Светлый Родник.

⁸ Ср.: Ботало – Арх., Перм., Сиб., др. 'изготовленный из медного или железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха'; перен. 'болтун, пустомеля' [7, с. 129].

⁹ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Кушховой Н. В., 1952 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нючпас.

¹⁰ Потка – Вят., Киров, Волог. 'певчая птица, птичка' [10, с. 284]; поточка – Волог. – ласк. 'птичка, пташка' [12, с. 300].

¹¹ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Вавиловой Л. В., 1930 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

¹² Зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева в 2017 г. от Собянина П. Н. 1956 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Усть-Унья.

¹³ Ср.: Буркало – Даль 'брюзгливый, ворчливый человек' [7, с. 289].

¹⁴ Горносталя – Арх.; Олон., Новг., Волог., Перм., Урал. 'горноста́й' (с пометой «стар.») [9, с. 51].

¹⁵ От гибаться, -аюсь, -аешься и гиблюсь, гиблишься, несов.; гибнуть, -нись, -нешь, сов. 'гну́ться, сгибаться' [8, с. 168].

екту номинации или указывают на его внешний вид. Например, Старшина (следил за порядком на рабочем месте), Полковник (не военный, просто любил командовать), Комиссар (ходил в кожаной тужурке-куртке).

К следующей группе отнесем прозвища, данные по **пристрастиям или любимым занятиям**. Например, мужчина из пос. Нювчим получил прозвище Губник, потому что любил губники (по сообщению информанта – *губник* – небольшой пирожок из ржаной муки с ягодной начинкой или с грибами¹⁶); Мишка Кальян (курил трубку); Молёнок (мальчик любил ловить рыбу *молик/молёк*¹⁷); Крохаль (очень любил есть рыбу, как крохаль¹⁸; по другой версии: быстро ел, глотал пищу, как утка).

Окказиональные прозвища основаны на тех событиях или случаях из жизни номинируемого, которые надолго запоминаются и служат отличительными признаками, выделяющими человека из ряда ему подобных. Яркий пример представлен в рассказе о происхождении мужского прозвища Помада, записанном в пос. Нювчим. Одного мужчину, работника завода, женщины попросили привезти из города «помадку» (вид конфет), а он их неправильно понял и привез помаду для губ, после этого его прозвали Помада¹⁹. У мужчины из печорской деревни Волосница было прозвище Пчела, так как на общих собраниях любил всех перебивать, один раз ему сказали: «Ты жужжишь и жужжишь, как пчела, никому слова не даешь скатать», поэтому дали такое прозвище²⁰.

Совмещение нескольких принципов номинации также способствует возникновению ярких прозвищ. Например, прозвище дано в детстве по особенностям речи (не выговаривала некоторые буквы) и определенной ситуации, в которой находился номинируемый. У информанта из пос. Кажым было прозвище Катя Хо, причем она сама рассказала историю возникновения номинации: «А я про себя скажу. [Было прозвище] Катя Хо. [Почему?] Я училась когда, я плохо выговаривала слова. Я любила на сцене всегда выступать. И я выйду на сцену и говорю: “Один сокол Ленин, другой хохол Сталин”. А все: “Ха, ха, ха”. Не сокол, а хохол Ленин, хохол Сталин. И меня все [стали называть]: “А, это Катька Хо. Знаю Катьку Хо”. [Вы не обижаетесь?] Нет, нет, не обижаюсь»²¹.

Следующие группы прозвищ представлены единичными вариантами или небольшим количеством номинаций.

По благосостоянию. В пос. Кажым зафиксировано прозвище Сашка Царёнок («говорили, что у отца его было золото, поэтому так звали»²²).

Прозвища с использованием прецедентных имен (героев книг, фильмов, исторических личностей). В пос. Кажым записано два подобных прозвища: Тарзан (внешне был похож на героя одноименного фильма – кудрявый, смуглый, улыбчивый; потом всех сыновей стали называть Тарзаны²³) и Хан Батый – женщину-информанта называли историческим именем, она сама это осознает, но принцип номинации остался невыясненным: «А меня дразнили Хан Батэй. [Почему?] А в истории есть этот, Хан Батый-то есть в истории-то. А у нас мать Христина была, и вот по матери меня дразнили Хан Батэй... А прозвища у всех есть. А я уже забыла, какие у кого»²⁴.

В основе **ассоциативных прозвищ** лежит синонимическая/псевдосинонимическая аналогия. По рассказу одного из информантов проживающие в пос. Кажым братья Шишнёвы всем любили давать прозвища, например представителей семьи Овчинниковых (брата и трех сестер) прозвали Тулуповы: Митька Тулупов, сёстры Тулуповы. Михай – прозвище мужчины, который работал водителем у директора по фамилии Михеев. У женщины-информанта по фамилии Шмидт в пос. Нювчим было прозвище Капитан (по аналогии с капитаном Шмидтом).

¹⁶ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Поповой В. М., 1947 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

¹⁷ Молёк, лья, м. – 1. Вят., Беломор., Волог. – то же что молевина ‘рыба-малек; мелкая рыба’; 3. Костром., Астрах. ‘рыба-снеток’ [10, с. 215–216].

¹⁸ КрохАль – водоплавающая птица семейства утиных с длинным узким клювом [14].

¹⁹ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Семячковой Е. М., 1931 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

²⁰ Зап. С. Г. Низовцева в 2017 г. от Воронина Н. А., 1929 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Якша.

²¹ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2013 г. от Чистопрудовой Е. А., 1936 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

²² Зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева в 2013 г. от Караваевой Г. А., 1939 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

²³ Зап. С. Г. Низовцева в 2017 г. от Филёва В. Н., 1934 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

²⁴ Зап. П. А. Шахматская в 2010 г. от Поповой И. А., 1935 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

Отфамильные прозвища зафиксированы нами только на верхней Печоре: Карась < фам. Красиков, Дьяк < фам. Дьяков (он же имел второе прозвище – Кадило – по аналогии с церковной тематикой).

Возрастное положение среди членов семьи закрепились в прозвище информанта из д. Волосница – Коля Меньшой (был младший в семье), а информанта из д. Бердыш называли Молодой, потому что долго был не женат, женился поздно – в 34 года.

Считаем необходимым заметить, что часть прозвищных номинаций зафиксирована без мотивирующего контекста (Курыкало, Карась, Галабола, Голубчик, Чапа и др.), поэтому распределить их по выделенным семантическим группам не представляется возможным.

Личное прозвище может закрепиться за человеком и в дальнейшем перейти на весь его род или отдельных представителей, таким образом возникают семейные или родовые прозвища. Сами информанты подчеркивают: *«Дадут вот прозвище и всю жизнь с этим прозвищами даже дети-то живут... По фамилии говорят, дак [скажут] – мы их не знаем, по прозвищу скажут – дак знаю, как не знаю»*²⁵.

Семейных прозвищ на верхней Печоре зафиксировано немного, среди них отметим номинации Помазята²⁶, Ракшарята, Шараята. Этимология прозвищных лексем не совсем ясна, тем не менее по комментариям информанта удалось выяснить, что в основе номинирования актуализируются два признака: особенности внешности (чернота волос, смуглость) и внешний вид, способность к уходу за собой (нечистоплотность, неопрятность, грязь): *«А у нас звали, там чёрные были, их почему-то звали Помазята. Вот много их было, все – Помазята, а те – Шараята. Грязные какие-то – Шараята. И в Курье они Шараята были, потом тут, в Пачгино переехали, которые Шараята были. Почему? Так-то в глаза-то, наверное, не говорили же, по-за глазам-то, может быть... Это когда-то раньше было, теперь уж все вывелись, нету уж там ни Помазят, ничего. Помазёнок вот ещё, Серьга, Лёни Алешиного, вот он у них Помазёнок один растёт. Он не чёрный, ничё, белый. [Чёрный – то, что смуглый?] Да, так, видимо. [А они русские по национальности?] Русские, конечно. [Волосы, может, чёрные?] Может быть»*²⁷.

Семейное прозвище Непомнящих из с. Усть-Унья – Куски. Вероятнее всего, предок был родом из д. Пачгино, состоящей из двух частей, ранее называвшихся Большое и Малое Кусково, поэтому всех выходцев из этих мест называли Куски (прозвище Ефим Кусок получил дед информанта из с. Якша, так как был родом из той же деревни Пачгино). Семья Носовых из с. Усть-Унья имела прозвище Клесты, но, к сожалению, происхождение номинации не удалось выяснить.

Система семейных/родовых прозвищ оказалась более развита в заводских поселениях. К примеру, в пос. Нючпас прозвищем Мавринцы/Мавринец стали называть род Даниловых (вернее, его мужскую половину) по прозвищу деда, а мужчины из рода Костинных получили прозвище Коберцы/Кобереч, так как предок был родом из поселения с названием Кобра или любого другого места, расположенного в бассейне реки Кобра: *«Мавринец – [от слова мавр] наверное, какой-то ревнивец был. Коберцы, Кобереч – может, с Кобры они приехали»*²⁸. Тот же принцип номинирования по месту рождения предка заключен в семейном прозвище Вагановы/Ваганов из пос. Нювчим (родом из мест по р. Вага). У семьи Комышевых из пос. Кажым было прозвище Оши, детей называли Комышевские Ошата (ед. ч. – Ош, Ошонок). Мотивация прозвища не зафиксирована, однако один из информантов предложил возможное объяснение исходя из лексического значения самого слова. Представитель рода Комышевых мог получить прозвище от коми, так как слово *ош* в коми языке означает 'медведь'. Нельзя, на наш взгляд, игнорировать и фонетическое сходство фамилии с соответствующим прозвищем, что могло помочь закрепиться номинации: *«В основном в Шохре [часть поселка. – С. Н.] жили Комышевы, их называли Ошами. Я уж не хотела говорить. Ош, это знает, медведь. Ош по коми –*

²⁵ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Дмитриевой Г. С., 1938 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

²⁶ Возм. от слова Помазёнок – Урал. 'кисть, тряпка, пакля на палке или иное приспособление для намазывания, смазки (тележных осей, лодок, копыт и т. п.)' [15, с. 193]. Ср.: Помазок – Урал – в третьем значении 'неопрятный человек' [11, с. 194].

²⁷ Зап. С. Г. Низовцева в 2016 г. от Востриковой Р. А., 1931 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Якша, урож. пос. Пачгино.

²⁸ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Косаревой Э. Н., 1948 г. р., Койгородский р-н, пос. Нючпас.

медведь, и вот их называли Ошами. Медведями ли что ли [называли], выходит, так. Тут у меня дедушка по отцу жил – Комышев... Почему так их называли, не знаю... О, говорят, шохринские оши, медведи, значит. А почему – не могу сказать»²⁹. Семья Леушиных из пос. Кажым получила прозвище Медоны, так как прадед когда-то отливал купола для церкви³⁰.

Интересная система семейных прозвищ животного происхождения зафиксирована в пос. Нювчим: Зайцы < Семячковы, Бараны < Васильевы, Караси/Красики и Петухи < две ветви рода Леушиных. В мотивации двух номинаций – Бараны и Петухи – актуализируются стереотипные концептуальные признаки: семьи получили прозвища по чертам характера (упрямство и драчливость). Вот как сами информанты объясняют номинирование: «Баран – прозвище у прадеда, упрямые наверно были»³¹; «Моё прозвище Бараниха, потому что деда Бараном звали. Меня по маме звали СИлиха [фамилия матери Силина. – С. Н.], а по папе – Бараниха, потому что Васильевские-то все – Барановское отродье было <...>. [Баранами называли] потому что, видимо, такой хороший характер... как баран, козёл рогатый – упорный, упорные люди»³²; «Петухи – это Леушины, были очень бойкие. В праздники-то дрались в рукопашную, и вот их называли Петухами. И между собой они, было их много братьев, и они все дрались»³³. Прозвище Караси/Красики, к сожалению, никто не смог объяснить. Больше всего комментариёв и различных толкований удостоилась номинация Зайцы. По одной из версий – отец с маленьким сыном поехали на охоту; побежал заяц, сын сказал отцу: «Тятя, тятя, смотри, заяц бежит, как наша серая кошка!», после чего сына стали называть зайцем и «все поколения стали Зайцы, Зайцевы ребята»³⁴. В семье Семячковых было много детей, и некоторые информанты давали объяснение прозвищу именно по этому обстоятельству (ассоциация с плодovitостью): «А, Зайцы-то да, была большая семья, почему их так звали, не знаю. Все говорили: “Зайцы в школу пошли”, в семье много было детей»³⁵; «Их много, размножаются, как кролики»³⁶; «У них было девять или десять детей, жили очень бедно. И жили около пруда. Муж-то, отец-то был охотником, рыболовом. И отец-то садил детей-то на лодку, и вот по пруду-то ездят, как зайцы, как зайцы. Потом говорят, соседи говорят: “Придем мы к ним, а они зимой-то все на печке, все без штанов, бедно жили, маленькие дети все без штанов сидят. Ну, говорят, настоящие зайцы!”»³⁷ Заметим также, что на лексическом и семантическом уровне прозвище Зайцы стало ассоциироваться с произведением Н. А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы», поэтому один из представителей рода получил второе прозвище – Витя Мазай, и его детей стали называть двойным прозвищем – и Зайцы, и МазаИ.

Выводы

Проанализировав корпус личных прозвищ, записанных на конкретных территориях расселения русского населения в Республике Коми, отметим, что и в заводских поселках, и в населенных пунктах верхней Печоры сложилась довольно развитая традиционная система личных прозвищ, которые служат для идентификации человека в микросоциуме, заменяют его официальное имя, выделяют его в коллективе, таким образом выполняют заместительную, номинативную и характеризующую функции. Наличие и широкое распространение андронимов (именование женщин по имени, фамилии мужей) имеет глубокие исторические корни и указывает на устойчивое влияние «материнских» традиций. Среди личных прозвищ жителей и заводских поселений, и верхней Печоры выявлено несколько номинаций диалектного характера; лексика, лежащая в их основе, характерна именно для севернорусских говоров. За-

²⁹ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Двоглазовой В. Д., 1934 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

³⁰ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Добровой И. М. (дев. фам. Леушина), 1934 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

³¹ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Савельевой Г. И., 1939 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³² Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Максимовой Л. Д. (дев. фам. Васильева), 1942 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³³ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Дмитриевой Г. С., 1938 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁴ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Семячкова Л. В., 1944 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁵ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Савельевой Г. И., 1939 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁶ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Кожевникова С. К. 1934 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁷ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Дмитриевой Г. С., 1938 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

фиксированные прозвища могут обладать нейтральной коннотацией, как андронимы или прозвища, указывающие на деятельность или место рождения номинанта, и нести определенную оценочность, в ряде случаев приобретают иронический и даже негативный оттенок. Наиболее частотны и востребованы на всех рассматриваемых территориях прозвища, выделяющие яркую черту внешности, заметный физический недостаток, определенные личные качества, манеру поведения или речевые особенности номинируемого. Довольно активны также прозвища, данные по месту рождения человека, его роду деятельности, профессии или званию, любимому занятию, и окказиональные номинации. Менее востребованы прозвища, связанные с возрастными особенностями и благосостоянием номинируемого. Появление, на наш взгляд, в более поздний период ассоциативных, отфамильных номинаций и прозвищ с использованием прецедентных имен свидетельствует о расширении прозвищной системы и способствует укреплению этой антропонимической категории в сельской коммуникации. Система семейных/родовых прозвищ наиболее функциональна и востребована в заводских посёлках; одной из возможных причин такой ситуации может быть больший по количеству и более разнородный состав переселенцев.

Список литературы

1. Алейников А. А., Чагин Г. Н. Население в верховьях Печоры и Уньи в конце XIX – начале XX века // Труды Печоро-Ильчского заповедника. Вып. 17. Сыктывкар, 2015. С. 4–12.
2. Комлева Н. В. Отражение мировосприятия жителей Режи в их прозвищах // Севернорусские говоры. Вып. 14 : межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 194.
3. Крашенинникова Ю. А. История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Человек и событие в исторической памяти : сб. ст. Сыктывкар, 2017. С. 132–147.
4. Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г. Печорская фольклорная экспедиция ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН // Живая старина. 2017. № 1(93). С. 63–66.
5. Низовцева С. Г. Прозвищная традиция коми: опыт систематизации (по архивным материалам первой трети XX века из фольклорного собрания Национального музея Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 11. С. 94–103.
6. Парфёнова Н. Н., Савиных В. В. Из истории русских женских имен // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 85–88.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 3 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1968. С. 129, 289.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 6 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1970. С. 168.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 7 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1972. С. 51.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1982. С. 215–216.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 29 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1995. С. 193, 194.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 30 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2006. С. 284, 300.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 45 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2012. С. 270.
14. Толковый словарь Ефремовой. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/298092.html> (дата обращения 15.11.2018).
15. Шостка Е. С. Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5(73). С. 59.

Some observations on the system of personal nicknames of residents of Russian settlements of the Komi Republic

S. G. Nizovtseva

researcher of the folklore sector of the Institute of language, literature and history
of Komi Scientific Center of Ural branch of RAS. Russia, Syktывkar.
ORCID: 0000-0003-4197-1850. E-mail: svetlaniz@mail.ru

Abstract. Several Russian settlements created by the Russian immigrants from the different provinces of Russia are distinguished in the territory of the Komi Republic. Among them are the mining settlements of Kazhym, Nyuchpas (Koygorodsky district), Nyuvchim (Syktyvdinsky district) and the settlements of the Troitsk and Pechora district located on coast of Upper Pechora and its inflows; their formation is caused by the different reasons: industry origin, development of northern territories, confessional factor, other. The folklore culture of

these local traditions came to the attention of researchers relatively recently; field researches were carried out only since the beginning of the 21st century; several of works is published. The group of personal nicknames is considered in this article which are written down by employees of the sector of folklore of Institute of language, literature and history during the field expeditions of 2008–2017, is made an attempt of their description and systematization. The common and distinctive features in naming by a nicknames of residents of mining settlements and the upper Pechora are noted during the analysis.

Keywords: Russian tradition, folklore, immigrants, personal nickname, patrimonial nickname.

References

1. Alejnikov A. A., CHagin G. N. *Naselenie v verhov'yah Pechory i Un'i v konce XIX – nachale XX veka* [Population in the upper Pechora and uni in the late XIX-early XX century] // *Trudy Pechoro-Ilychskogo zapovednika – Proceedings of the Pechora-Ilych reserve. Issue 17. Syktyvkar. 2015. Pp. 4–12.*
2. Komleva N. V. *Otazhenie mirovospriyatiya zhitelej Rezhi v ih prozvischah* [Reflection of the worldview of the inhabitants of Rezhi in their nicknames] // *Severnorusskie govory – North Russian dialects. Issue 14: interuniversity coll. / resp. ed. A. S. Gerd, V. E. Puritskaya. M. Nestor-History. 2015. P. 194.*
3. Krasheninnikova YU. A. *Istoriya gornozavodskih poselenij Respubliki Komi v mestnoj ustnoj proze (k voprosu ob istochnikah i mekhanizmah formirovaniya fol'klornogo repertuara)* [History of the mining settlements of the Komi Republic in local oral prose (to the question about sources and mechanisms of formation of the folk repertoire)] // *CHelovek i sobytie v istoricheskoy pamyati: sb. st. – Person and the event in historical memory: collection of articles. Syktyvkar. 2017. Pp. 132–147.*
4. Krasheninnikova YU. A., Nizovceva S. G. *Pechorskaya fol'klornaya ehkspediciya IYALI Komi nauchnogo centra UrO RAN* [Pechora folk expedition of Institute of Language, Literature and History of Komi science center, Urals branch of RAS] // *ZHivaya starina – Live antiquity. 2017, No. 1 (93), pp. 63–66.*
5. Nizovceva S. G. *Prozvischnaya tradiciya komi: opyt sistematizacii (po arhivnym materialam pervoj treti XX veka iz fol'klornogo sobraniya Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi)* [Nickname tradition of the Komi Republic: the experience of systematization (on archival materials of the first third of the XX century from the folklore collection of the National Museum of the Komi Republic)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University. 2015, No. 11, pp. 94–103.*
6. Parfyonova N. N., Savinyh V. V. *Iz istorii russkikh zhenskikh imen* [From the history of Russian women's names] // *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University. 2013, No. 1, pp. 85–88.*
7. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 3 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1968. Pp. 129, 289.*
8. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 6 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1970. P. 168.*
9. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 7 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1972. P. 51.*
10. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 18 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1982. Pp. 215–216.*
11. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 29 / chief ed. F. P. Sorokoletov. SPb. Nauka. 1995. Pp. 193, 194.*
12. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 30 / chief ed. F. P. Sorokoletov. SPb. Nauka. 2006. Pp. 284, 300.*
13. *Slovar' russkikh narodnyh govorov – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 45 / resp. ed. S. A. Myznikov. SPb. Nauka. 2012. P. 270.*
14. *Tolkovyj slovar' Efremovoj – Efremova Explanatory dictionary. 2012. Available at: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/298092.html> (accessed 15.11.2018).*
15. SHostka E. S. *Regional'nye prozvischcha: psihologicheskaya i social'naya harakteristika* [Regional nicknames: psychological and social characteristics] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki – Herald of Tambov University. Ser.: Humanities. 2009, issue 5 (73), p. 59.*

Рассказы о нечистой силе в лоемской локальной традиции (первые подступы к материалу)*

П. А. Истомина

младший научный сотрудник сектора фольклора, Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН. Россия, г. Сыктывкар.
E-mail: ms.polina1989@mail.ru

Аннотация. Исследование локальных традиций в настоящее время является одним из перспективных направлений в фольклористике. На территории Республики Коми ярким примером таких поселений может служить село Лойма с прилегающим кустом деревень. Лоемская фольклорная культура формировалась русскими переселенцами в условиях иноязычного окружения. Внимание исследователей данная традиция привлекла относительно недавно. В настоящее время имеется ряд публикаций, посвященных различным аспектам фольклорной культуры с. Лойма. Следует отметить, что мифологическая проза лоемской традиции практически не изучена, в настоящий момент активно ведется работа в этом направлении. В статье предпринимается попытка описания устных рассказов о мифологических персонажах, рассматриваются основные сюжеты и мотивы. Суеверная проза представлена несколькими группами текстов: о демонологических персонажах; о нечистых местах; о людях, обладающих сверхъестественными способностями, знающих с нечистой силой. Описание и анализ материалов на данном этапе пока только служит первыми подступами к дальнейшему исследованию темы.

Ключевые слова: суеверная проза, мифологические персонажи, демонология, русские традиции, Республика Коми.

В настоящее время вопросы изучения фольклорной культуры в локальных традициях стали особенно актуальными среди фольклористов. К рассмотрению этой проблемы в разное время обращались такие исследователи, как Б. Н. Путилов, В. И. Чичеров, В. П. Аникин, А. Н. Власов и др.

Понятие локальной традиции, по мнению А. Н. Власова, складывается из таких компонентов, как пространственная характеристика, включающая сумму записей фольклорных фактов, временная определенность, заключающаяся в степени сохранности фактов фольклорной культуры различных поколений исполнителей, «историко-социального и этнографического факторов, включающих самоидентификацию информанта как представителя данной местности и носителя культуры» [6, с. 10].

На территории Республики Коми в районах с преобладающим коми населением имеются компактные русские локальные поселения. Одним из примеров подобного локального ареала является с. Лойма с прилегающими населенными пунктами лоемского куста деревень Прилузского района. Интерес к этой фольклорной традиции обусловлен прежде всего ее малоизученностью. Первые упоминания о полевых исследованиях на данной территории обнаруживаются в материалах архивного фонда «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева», в частности имеются рукописи корреспондента Усть-Сысольского уезда Н. Попова, в которых представлена характеристика быта и некоторые аспекты народной культуры жителей с. Лойма второй половины XIX в.¹ Комплексная фиксация фольклорно-этнографических материалов начала осуществляться только с конца XX в. На протяжении всего периода фольклористами неоднократно совершались экспедиционные выезды для сбора материала и выявления наиболее талантливых лоемских информантов.

В последнее время изучение лоемской традиции привлекает все большее внимание различных исследователей. На сегодняшний день имеются работы, посвященные отдельным фольклорным жанрам, в частности: рассмотрены стратегии современных исполнителей и

© Истомина П. А., 2018

* Работа подготовлена в рамках проекта № 18-6-6-25 по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН.

¹ См.: Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева : в 7 т. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 472–489.

сказочный репертуар лоемских информантов², сделаны наблюдения в области свадебного и заговорно-заклинательного репертуара³, представлены материалы по скотоводческой обрядности⁴, описаны рассказы о праздновании Рождества и святочного периода⁵.

В лингвистическом аспекте интерес представляют работы Т. Н. Бунчук, в которых описываются различные языковые особенности лоемского говора, а также его обрядовая терминология⁶. В совместной статье с Е. Л. Прописновой «Антропонимическая система села Лойма»⁷ авторы уделяют внимание исследованию антропонимической системы говора жителей с. Лойма, рассматривают личные имена и прозвища, которые функционируют в обозначенной языковой среде.

Впервые Лойма упоминается в 1620 г. в дозорной книге Сольвычегодского уезда («в этот уезд входила тогда Лойма и другие селения Лузской Пермцы – современного Прилузского района») [7, с. 137]. За период своего существования Лойма входила в состав многих административно-территориальных единиц: Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии. В 1921 г. Лойма наравне с коми селениями была присоединена к Республике Коми [7, с. 139].

По наблюдению Ю. А. Крашенинниковой, «жители, оценивая свою этническую, территориальную, языковую принадлежность, связывают себя в большей степени с вологодско-вятскими районами Русского Севера, отмечая, в некотором смысле, “ошибочность” присоединения их к Коми краю: «Лойма – не коми, здесь коми-то нету. Так в Спаснорубе, со Спасноруба-то коми пойдут. А так-то коми пишется у нас, коми пишется. У нас все русские, коми нету никого...» (Зап. 23.05.2004 г. от З. П. Куликовой, 1924 г. р., с. Лойма Прилузского р-на РК. Соб. Крашенинникова Ю. А. [ИЯЛИ: АФ 1536-5])» [9, с. 182]. Следует отметить, что лоемские жители осознают свою уникальность в культурном и языковом отношении от других русских и этим гордятся [3, с. 8]. Справедливо замечание А. Н. Власова о том, что «в самоопределении информанта и самоидентификации (к какой традиции он принадлежит) заложен важнейший механизм памяти традиции и сохранения/изменяемости традиционных форм народной культуры» [6, с. 10].

В экспедиционных записях содержится большое количество свидетельств о «тесных торговых и культурных контактах лоемцев с Устюгом, Лальском, Вологдой, Лузой» [9, с. 182]. Как отмечает Т. Н. Бунчук, «включение в социальную коммуникацию севернорусского культурного пространства поддерживало связи с другими русскими и препятствовало культурной и языковой ассимиляции» [3, с. 7].

В настоящей работе мы обратимся к текстам – рассказам о нечистой силе, записанным от современного севернорусского крестьянского населения. В связи с большим объемом ма-

² Шахматская П. А. Некоторые замечания о стратегиях современных исполнителей (на материале записей сказок нач. XXI в. из Прилузского района Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(1). С. 108–112; Крашенинникова Ю. А., Шахматская П. А. Лоемские сказки в записях XXI в. // Живая старина. 2014. № 1. С. 48–51.

³ Крашенинникова Ю. А. Лечебный заговорно-заклинательный репертуар русского населения с. Лойма Прилузского района Республики Коми (в записях нач. XXI в.) // Традиционная культура : научный альманах. 2013. № 3. С. 169–175; Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир : материалы междунар. науч. конф. Вып. 10. М., 2007. С. 33–51; Krasheninnikova Y. Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century) // Folklorica. 2009. Vol. XIV. P. 27–56.

⁴ Крашенинникова Ю. А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18–20.

⁵ Низовцева С. Г. Рождественская обрядность в устных рассказах жителей с. Лойма Прилузского района Республики Коми // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литература и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 16–23.

⁶ См.: Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4(28): Филология. С. 6–29; Бунчук Т. Н. Обрядовая терминология в говоре села Лойма Республики Коми // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Большакова. Псков, 2012. С. 67–72; Бунчук Т. Н. Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. 2012. № 3. С. 64–90.

⁷ См. Бунчук Т. Н., Прописнова Е. Л. Антропонимическая система села Лойма // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 8–30.

териала о мифологических персонажах, остановимся только на наиболее интересных, с нашей точки зрения, примерах.

Рассказы о нечистой силе тесно связаны с календарным обрядовым комплексом, в частности с зимними Святками (период от Рождества до Крещения), временем, когда жители села собираются на посиделки, ряжеными совершаются обходы домов, парни и девушки гадают при помощи различных предметов.

Достаточно часто в местной традиции встречаются рассказы о неудачных гаданиях. Самым распространенным видом такого гадания является гадание на росстани (перекрестке дорог). Несколько гадающих берут коровью шкуру и идут на перекресток или к проруби, там расстилают шкуру, затем вокруг шкуры очерчивают круг и произносят определенные слова («А потом надо шкуру так вот кругом очертить. Как будто тоже со словами очерчивали. Ну там: “Спаси и сохрани”. Наверно, Господу Богу молились»⁸), в другом варианте нужно было прыгнуть на шкуру («На шкуру-то прыгают, чтобы ну до самой-то шкуры не надо след-от делать, а издали прыгнуть шкуру-то»⁹). После этого начинают прислушиваться к различным звукам, в частности частый звон колокольчиков предвещает скорую свадьбу, длинный удар церковного колокола – к смерти.

Данный тип гадания считается опасным, так как в представлениях славян перекресток дорог – пограничное пространство между нашим и потусторонним миром, локус, где обитают черти и другая нечистая сила, способная причинить вред человеку.

В одном из рассказов девушки пошли гадать на росстань, во время гадания их шкуру начало тащить: «И это говорит, шкуру-то у них понесло куда-то, потащило! Они не могут со шкуры-то слезти!»¹⁰ Не сумевши отговориться, девушки стали убежать, в это время их преследовала нечистая сила. Избавиться от погони девушкам помогли специальные слова, произнесенные хозяевами дома, в который они забежали.

В другом рассказе бабушка одной из девушек научила их гаданию, но забыла сказать слова для отговора. Когда девушки стали гадать, их шкуру отнесло на километр от места гадания. В это время бабушка вспомнила, что не научила девушек отговору от нечистой силы, и пошла их выручать.

Следует отметить, что окончание гадания обязательно должно было сопровождаться определенными словами («Уж то чули, уж то перечули, уж то полно, уж то перестань», «значит, мы наслышались, перестань уже, хватит»¹¹), иначе нечистая сила будет преследовать гадающего.

Используя другой способ гадания (на сон), одна девушка обратилась к черту с просьбой показать ей суженого: «Если у меня какой есть суженой, ряженой, дак пусть его чёрт принесёт, и говорит, покажется мне»¹². Через некоторое время девушка уснула и пробудилась от того, что почувствовала, как ее кто-то тянет за руку под кровать: «Ну она проснулась зарякала сколько может. Говорит: “Ой, кто-то меня потащил”. Ак рука-то у неё так это покраснела всё»¹³.

В местной традиции распространены представления о том, что есть определенные люди, которые «знаются» с чертями. Как правило, таких людей подозревают в колдовстве и приводят признаки, по которым можно распознать колдуна (черные глаза, отводит взгляд, тяжело умирает и др.). Так, некоторые жители считали, что их односельчанин связан с нечистой силой, так как тот знал, сколько человек утонет за лето. Информант считает, что черти

⁸ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.06.2010 г., Республика Коми, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Карповская, от Осташкиной А. В., 1935 г. р., ур. с. Лойма. Материалы записаны от жителей с. Лойма и населенных пунктов Лоемской администрации Прилузского р-на Республики Коми; далее в паспортах к цитируемым текстам указываем дату, собирателя, данные об информанте и населенный пункт, в котором была сделана запись.

⁹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 29.06.2010 г., пос. Коржинский, от Притчиной З. Ф., 1931 г. р., ур. д. Аксеново Лузского р-на Кировской обл.

¹⁰ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.06.2010 г., д. Карповская, от Осташкиной А. В., 1935 г. р., ур. с. Лойма.

¹¹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Ивановская (Гавриловская), от Кармановой Н. И., 1924 г. р., ур. д. Кузнецовская, Иевлева А. Я., 1940 г. р., ур. д. Ивановская.

¹² Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹³ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

сообщали мужчине, сколько им нужно утопленников: *«Не знаю, кто ему сказывал. Какие черти там выходили из рек, да ему сказывали, сколько голов, мол, надо»*¹⁴.

Про другого односельчанина рассказчица сообщила, что он был очень богатым и имел большую мельницу. К этому мужчине приходили черти и просили дать им работу. Некоторые жители замечали, что на втором этаже его дома иногда ночью плясали черти. Здесь мы видим распространенное представление о том, что с чертями могли «знаться» не только колдуны, но и люди определенных профессий: коновалы, мельники, пастухи. Так как чаще всего мельницы строили в безлюдном месте, вдали от населенных пунктов, они имели особый статус пограничного локуса. С одной стороны, мельница является важной частью в жизни крестьянина, с ее помощью производится мука, с другой – это место обитания враждебных сил (чертей, водяного), которые могут представлять опасность для человека [5, с. 8].

Одним из видов работы, которую выполняют черти, является собирание сена в копны. По одному из свидетельств, у женщины был муж, который использовал труд чертей в своей работе. Однажды жена пришла помочь мужу собрать сено, но тот сказал, что позовет на помощь своих друзей. После этого свистнул и женщина увидела, как черти, в облике небольших человечков, стали собирать сено в копны: *«Только копны летают! Носят, говорит, люди небольшие, как люди»*¹⁵.

Отметим, что черт может принимать образ умершего человека. Например, зафиксирован сюжет, в котором у женщины умер муж, жена сильно тосковала и плакала по нему. Однажды ночью он пришел к ней в гости. После этого муж стал часто посещать жену, дав запрет на то, чтобы та никому не рассказывала о нем. Женщина сообщила об этом событии одной из местных жительниц, и та посоветовала ей посмотреть на его ноги. При следующей встрече жена специально уронила кружку и увидела, что у мужа вместо ног копыта. Так вдова поняла, что к ней приходит черт. Испугавшись, женщина пошла в церковь и там долго молилась, после этого черт перестал к ней приходить.

Вредоносная деятельность колдуна может распространяться на многие сферы человеческой жизни, обладая сверхъестественными способностями, он может испортить скот, развести влюбленных, расстроить свадьбу, «забрать» дорогу, навести порчу и др.

В местной традиции имеют распространение рассказы о порче, которую наложил колдун, информантами приводятся описания различных вариантов ее проявления. Любопытно, что в таких текстах встречаются описания самой порчи как некоего существа, имеющего определенный облик. Например, в одном свидетельств повествуется о том, как на молодую жену была наведена порча. Парень встречался с одной девушкой, а женился на другой. Когда молодая жена пошла за водой, то забыла перед выходом из дома сказать определенные слова: *«Подёшь куды, дак надо: “Благослови, Христос” говорить. Ну она всё говорит, говорила. Уйдёт как по воду: “Благослови, Христос”. А тут пошла, да и забыла сказать-то»*¹⁶. В качестве защиты от магического воздействия женщине следовало произнести вербальную формулу (молитву), но так как она этого не сделала, то на нее была наложена порча: *«Вот придёт она по воду, дак никого нигде не видко. А только и говорит: “На молодую молодушку вскочу, на молодую молодушку вскочу»*¹⁷. С этой порчей женщина прожила всю жизнь. Перед тем как умереть, женщина родила эту порчу в виде некоего предмета, всего покрытого глазами: *«А умерла, дак у её муж-от говорит, она её родила, вышла она из её. Умирать-то стала дак порча-то вышла. Говорит вся в глазках, говорит вот с деревчо»*¹⁸.

В другом тексте описание порчи, оставляющей тело человека, представлено в виде шарика, который, покидая тело хозяйки, выломал окно и вылетел на улицу: *«У нас в деревне у одной порча, в деревне. Порча была, дак шарик окном вышел. Окном шарик. Изломал окно и вышел на улицу и порчи не стало»*¹⁹.

¹⁴ Зап. Рассыхаев А. Н., Липин В. Б., Экк С., 28.06.2010 г., д. Тарасовская (ул. Вотинская), от Шехониной М. И., 1925 г. р., ур. д. Вотинская.

¹⁵ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.06.2010 г., д. Карповская, от Осташкиной А. В., 1935 г. р., ур. с. Лойма.

¹⁶ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹⁷ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹⁸ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹⁹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 30.06.2010 г., с. Лойма, от Шехониной А. П., 1925 г. р., ур. д. Гарь.

По народных представлениям, зафиксированным в местной традиции, известно, что если колдуны не передадут свою силу, то умирают в тяжелых муках. В одном из таких рассказов колдунья не передала никому свою силу, ее подняло по воздуху, вынесло на улицу и перевернуло лицом к земле. После этого она умерла. Как отмечает информант, после смерти гроб с колдуном из дома выносили не через проходную дверь, а по взвозу через повить: «А уже проходными дверями на улицу не выносили. [Колдунов?] Да. [Выносили через другой вход, да?] Через другой вход. Раньше повить звали, теперь, чё, сени, сени да сарай да, кто как назовёт»²⁰.

Не менее популярны рассказы о домовом. Основные функции этого мифологического персонажа: следить за хозяйством в доме, присматривать и ухаживать за домашними животными, предупреждать о чем-либо. В текстах реализуется довольно широкий перечень мотивов, из них основные: домовый душит спящего, предсказывает будущее, портит скот, заплетает животным косы и др. Широкое распространение получили сюжеты, связанные с воздействием домового на скот. Многие информанты указывают на то, что, если лошадь/корова приходилась не по нраву домовому, он начинал всячески ей вредить (гонять, заплетать косы и др.). Поэтому, чтобы этого избежать, при покупке выбор масти животного связывали с предполагаемыми предпочтениями домового.

Следует упомянуть о таком демонологическом персонаже, как маниха. Некоторые соотносят его с призраком, который манит. Чаще всего в качестве манихи выступает умерший человек: «Маниха у нас говорят, маниха. Манит, маниха. А что это? Ну вот это приведение-то, приведение-то говорит. "Ой, меня знаешь, что сёдня поманило!" Придёт одна женщина рассказывает. Ой, мне ведь ну-ко поманило, я говорит, вышла на улицу. Кто-то пошёл от нас, вот манит. Поглядела, оглянулась, глаза протёрла»²¹.

В качестве привидения могут выступать души, которых потревожили на кладбище. Так, люди копали могилу и не успели завершить свою работу. Один мужчина решил остаться на ночь, чтобы закончить дело. Вскоре он услышал голос, который спрашивал о том, для чего этот мужчина сюда пришел. Копальщик испугался и убежал домой, после этого он сильно пошедел. Как отмечает информант, это была душа человека, могилу которого мужчина потревожил: «Душа-то того человека, которого он пообидел, видимо, задел могилку»²².

В завершение следует отметить, что работа по изучению мифологической прозы лоемской традиции только начата и служит отправной точкой к ее более глубокому и детальному анализу.

Описание материалов позволяет нам говорить о том, что многие сюжеты и мотивы рассказов о мифологических персонажах являются достаточно распространенными и общеизвестными как на Русском Севере, так и в общероссийской традиции в целом. Представления о нечистой силе и вера в ее существование в сознании многих местных жителей на сегодняшний день не теряют актуальности.

Список литературы

1. Бунчук Т. Н. Обрядовая терминология в говоре села Лойма Республики Коми // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Большакова. Псков, 2012. С. 67–72.
2. Бунчук Т. Н. Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. 2012. № 3. С. 64–90.
3. Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4(28): Филология. С. 6–29.
4. Бунчук Т. Н., Прописнова Е. Л. Антропонимическая система села Лойма // Научный диалог. 2015. № 9(45). С. 8–30.
5. Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12(36): Филология. С. 6–22.
6. Власов А. Н. Пространственно-временные границы локальных/региональных традиций (опыт описания) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10 : сб. науч. ст. М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 2007. С. 7–22.
7. Жеребцов И. Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми : ист.-демогр. справочник. Сыктывкар, 1994.

²⁰ Зап. Крашенинникова Ю. А., 30.06.2010 г., с. Лойма, от Шехониной А. П., 1925 г. р., ур. д. Гарь.

²¹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 29.06.2010 г., с. Лойма, от Суликовой Е. Г., 1932 г. р., ур. с. Лойма.

²² Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Ивановская (Гавриловская) от Кармановой Н. И., 1924 г. р., ур. д. Кузнецовская; Иевлева А. Я., 1940 г. р., ур. д. Ивановская.

8. Крашенинникова Ю. А. Лечебный заговорно-заклинательный репертуар русского населения с. Лойма Прилузского района Республики Коми (в записях нач. XXI в.) // Традиционная культура : научный альманах. 2013. № 3. С. 169–175.

9. Крашенинникова Ю. А. Локальные традиции как этнические маркеры (ритуалы и поэзия Великого четверга с. Лойма на материалах XXI в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 181–189.

10. Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир : материалы междунар. науч. конф. Вып. 10. М., 2007. С. 33–51.

11. Крашенинникова Ю. А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18–20.

12. Крашенинникова Ю. А., Шахматская П. А. Лоемские сказки в записях XXI в. // Живая старина. 2014. № 1. С. 48–51.

13. Низовцева С. Г. Рождественская обрядность в устных рассказах жителей с. Лойма Прилузского района Республики Коми // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литература и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 16–23.

14. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева : в 7 т. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 472–489.

15. Шахматская П. А. Некоторые замечания о стратегиях современных исполнителей (на материале записей сказок нач. XXI в. из Прилузского района Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(1). С. 108–112.

16. Krasheninnikova Y. Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century) // Folklorica. 2009. Vol. XIV. P. 27–56.

Stories about evil spirits in the loem local tradition (first approaches to the material)

P. A. Istomina

junior researcher of folklore sector, Institute of language,
literature and history of Komi Scientific Center of Ural branch of RAS. Russia, Syktывkar.
E-mail: ms.polina1989@mail.ru

Abstract. The research of local traditions is one of the perspective directions in folklore studies now. In the territory of the Komi Republic the village of Loyma with an adjacent bush of villages can be a striking example of such settlements. Loymensky folklore culture was formed by the Russian immigrants in the conditions of a foreign-language environment. This tradition drew attention of researchers relatively recently. Now there is a number of publications, devoted to the various aspects of folklore culture of the village of Loyma. It should be noted that the mythological prose of loymensky tradition is almost not studied, work in this direction at the moment is actively conducted. In article an attempt of the description of oral stories about mythological characters is made, the main plots and motives are considered. The superstitious prose is presented by several groups of texts: about demonologic personages; about dirty places; about the people having supernatural abilities, who are known with evil spirit. The description and the analysis of materials at this stage so far only serves as the first approaches to a further research of a subject.

Keywords: prose superstitious, mythological characters, demonology, Russians traditions, Komi Republic.

References

1. Bunchuk T. N. *Obryadovaya terminologiya v govore sela Lojma Respubliki Komi* [Ceremonial terminology in the dialect of the village of Lojma of the Komi Republic] // *Russkij yazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve : materialy Mezhdunar. nauch. konf. : v 2 ch.* – Russian language and literature in the multicultural communicative space: materials of international scientific conf.: 2 parts / resp. ed. N. V. Bolshakova. Pskov. 2012. Pp. 67–72.

2. Bunchuk T. N. *Slovar' russkogo govora sela Lojma kak istochnik etnokul'turnyh svedenij* [Dictionary of Russian dialect of Loyma village as a source of ethno-cultural information] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2012, No. 3, pp. 64–90.

3. Bunchuk T. N. *Yazykovej portret govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi* [Language portrait of the dialect of the village Lojma of Priluzsky district of the Komi Republic] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2014, № 4 (28): Philology. Pp. 6–29.

4. Bunchuk T. N., Propisnova E. L. *Antroponimicheskaya sistema sela Lojma* [Anthroponimic system of the village of Lojma] // *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. 2015, № 9 (45), pp. 8–30.
5. Vedernikova N. M. *Mel'nicy i mel'nik v russkoj mifologii* [Mills and Miller in Russian mythology] // *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. 2014, № 12 (36): Philology. Pp. 6–22.
6. Vlasov A. N. *Prostranstvenno-vremennye granicy lokal'nyh/regional'nyh tradicij (opyt opisaniya)* [Space-time boundaries of local / regional traditions (description of experience)] // *Slavyanskaya tradicinnaya kul'tura i sovremennyy mir. Vyp. 10 : sb. nauch. st. – Slavic traditional culture and the modern world. Issue 10: coll. of scient. art. M. State Rep. Center of Russian Folklore*. 2007. Pp. 7–22.
7. ZHerebcov I. L. *Gde ty zhivesh': naselednyye punkty Respubliki Komi : ist.-demogr. spravochnik* [Where you live: settlements of the Komi Republic: hist.- demogr. handbook]. Syktyvkar. 1994.
8. Krasheninnikova YU. A. *Lechebnyj zagovorno-zaklinatel'nyj repertuar russkogo naseleniya s. Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi (v zapisyah nach. XXI v.)* [Medical spell-conjuration repertoire of the Russian population of the village Lojma of Priluzsky district of the Komi Republic (in the records of the early XXI century)] // *Tradicionnaya kul'tura : nauchnyj al'manah – Traditional culture: the scientific almanac*. 2013, No. 3, pp. 169–175.
9. Krasheninnikova YU. A. *Lokal'nye tradicii kak ehnicheskie markery (ritualy i poehziya Velikogo chetverg-a s. Lojma na materialah XXI v.)* [Local ethnic traditions as markers (rituals and poetry of Holy Thursday in Lojma on the materials for the twenty-first century)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University*. 2014, No. 11, pp. 181–189.
10. Krasheninnikova YU. A. *Svadebnye prigovory i dialogi Priluzskogo rajona Respubliki Komi* [Wedding sentences and dialogues in Priluzsky district of the Komi Republic] // *Slavyanskaya tradicinnaya kul'tura i sovremennyy mir : materialy mezhdunar. nauch. konf. – Slavic traditional culture and the modern world: materials of Intern. scientific conf. Issue 10. M. 2007*. Pp. 33–51.
11. Krasheninnikova YU. A. *Skotovodcheskaya magiya russkogo naseleniya sela Lojma* [Pastoral magic of the Russian population of the village of Lojma] // *ZHivaya starina – Live antiquity*. 2009, No. 3, pp. 18–20.
12. Krasheninnikova YU. A., SHahmatskaya P. A. *Loemskie skazki v zapisyah XXI v.* [Lojma tales in the records of the twenty-first century] // *ZHivaya starina – Living antiquity*. 2014, No. 1, pp. 48–51.
13. Nizovceva S. G. *Rozhdestvenskaya obryadnost' v ustnyh rasskazah zhitelej s. Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi* [Christmas ritual in the oral stories of the inhabitants of the village of Lojma of Priluzsky district of the Komi Republic] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Philological studies – 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction: coll. art. by A. Krasheninnikova*. 2017. Syktyvkar. Pp. 16–23.
14. *Russkie krest'yane: ZHizn'. Byt. Nrawy : materialy «EHtnograficheskogo byuro» kn. V. N. Tenisheva : v 7 t. T. 5. Vologodskaya guberniya. CH. 4. Totemskij, Ust'sysol'skij, Ustyugskij i YArenskij uezd – Russian peasants: Life. Gen. Manners: proceedings of «The Ethnographic Bureau» of book of V. N. Tenishev: in 7 vol. Vol. 5. Vologda province. Part 4. Totma, Ust'sysol, Ustjug and Yarensk counties. SPb. 2008*. Pp. 472–489.
15. SHahmatskaya P. A. *Nekotorye zamechaniya o strategiyah sovremennyh ispolnitelej (na materiale zapisej skazok nach. XXI v. iz Priluzskogo rajona Respubliki Komi)* [Some remarks on the strategies of contemporary artists (based on the records of the early XXI century tales of Priluzsky district of the Komi Republic)] // *Herald of Vyatka State Humanities University*. 2013, No. 2 (1), pp. 108–112.
16. Krasheninnikova Y. *Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century)* // *Folklorica*. 2009. Vol. XIV. Pp. 27–56.

Учитель и общество: художественная правда и правда жизни

Е. О. Галицких

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: galitskiheo@rambler.ru

Аннотация. Статья поднимает сложную дискуссионную гуманитарную проблему соответствия профессиональной педагогической деятельности учителя запросам общества. Актуальность исследования общественного мнения о профессии учителя определяется потребностью социума в педагогах нового времени и проблемой их подготовки к педагогической деятельности. В статье сопоставляется «правда жизни» как представление общества о роли педагогов в формировании будущего с художественной правдой современной литературы, которая транслирует образ современного учителя в сознание читателей: родителей учеников, журналистов, чиновников, обывателей.

Статья включает литературоведческий анализ и читательские оценки книг о школе и учителе, в которых можно увидеть тенденции развития педагогического сознания учителя, его профессиональную рефлексию. В статье отражен анализ ведущих идей, тем и жанров произведений, в которых созданы образы учителей, воспитателей, педагогов и воплощены художественные открытия писателей. Утверждается возвращение в тезаурус художественных текстов идеи воспитания человечности, педагогического гуманизма, влияния учителя на культуру мышления ученика, необходимость «проникающего внимания» учителя к внутренней жизни ребенка и подростка. Статья раскрывает важный источник гуманитарных знаний учителя – самообразовательное чтение, педагогическую рефлексию, отражающую современные представления о детях цифрового века, задачах образования, педагогических приоритетах профессионального роста учителя. Результаты анализа важны для исследователей современной литературы, для литературных критиков, педагогов, психологов, организаторов повышения квалификации специалистов, руководителей образовательных организаций.

Ключевые слова: педагог, самообразовательное чтение, художественный образ, идея гуманизма.

Я человека ищу, всю жизнь ищу –
человека в другом человеке,
в себе, в человечестве, вообще человека!
А. Иванов

Гуманитарное знание необычайно подвижно, открыто миру, находится в эпицентре самых жгучих проблем современного общества. Художественная литература чутко откликается на «шум времени» и потребности жизни, ей удается преодолевать границы времен и государств в постановке «вопросов образования» [3]. Федеральный государственный образовательный стандарт и профессиональный стандарт педагога отразили требования к современному педагогу, социологические исследования зафиксировали уровни профессиональных достижений педагогов; цели, содержание и результаты подготовки будущих педагогов описаны в педагогических трактатах, а вот представление социума **о роли учителя в жизни общества**, способы влияния личности учителя на образовательный процесс и становление юношества мы можем увидеть в **художественных обобщениях современных авторов, создающих типы педагогов, наиболее характерные для того или иного времени.**

Важно, что эти образы учителей, типичные, с одной стороны, с другой стороны, конкретны, индивидуальны, неподражаемы, оригинальны в каждом художественном произведении и окрашены талантом художника слова в яркие краски своих жизненных впечатлений и индивидуальных переживаний [5, 6]. Вопрос: стоит ли рассматривать художественные книги о школе и учителе как источник педагогических знаний и гуманитарных открытий? Осме-

люсь утверждать, что в современной ситуации неопределенности и реформ именно **художественная литература может зафиксировать болевые точки и векторы развития, пути решения проблем подготовки учителей к жизни, к работе с современным поколением детей цифрового века.**

Проблема взаимоотношений учителя и общества всегда была актуальна и находилась в эпицентре искусства, профессиональных дискуссий, образовательных реформ, самой жизни, она интересна как художникам слова, так и читателям, самим педагогам, родителям детей, которые вовлечены в образовательный процесс. Идет учитель в ногу со временем, опережает его или отстает? Что в его педагогическом мышлении принципиально меняется, а что остается доминантным и сохраняется традицией? Школа как слепок общества отражает нравственный уровень национального самосознания, его приоритеты развития и принципы воспитания.

Обратимся к **анализу художественных открытий, сделанных писателями в первых десятилетиях XXI в.** В центре внимания будут книги о педагогической рефлексии, о жизни школы, развитии ученика и учителя в процессе их общения. Несомненно, повествование включено в широкий социальный контекст, но особенности сюжетов и конфликтов вне профессиональной деятельности останутся за рамками анализа. **Целью этой статьи станет исследование тенденций развития «художественного образа учителя» в литературе нашего времени.**

Первая особенность современного образа учителя нашла отражение в художественном мировоззрении писателей, обратившихся к теме школы, и проявилась в стремлении показать **педагогическую рефлексию средствами искусства слова.** Разнообразие типов учителей, существование в школе профессионалов-гуманистов и негибких консерваторов, «неформатных учителей» [10] уже было замечено. Это исследование подтверждают художественные произведения М. Аромштам, О. Камаевой, И. Краевой, Д. Сабитовой, а принятые в школе прозвища «Мадам», «Вобла», «Танюша», «Ёлка», «Марсем» в какой-то мере демонстрируют восприятие детьми педагогов как воспитателей, как носителей человеческого качества.

Учительница начальной школы Марсем из книги М. Аромштам «Когда отдыхают ангелы» (2010) воспринимает идеи гуманизма из книг Януша Корчака и размышляет в своем дневнике так: «И я ничего не знаю об их внутренней жизни. О том, что у них внутри. А это важно. Это, может быть, самое главное – думать про их внутреннюю жизнь. Про то, как там все происходит. Может, центр демократии у них потому и не образовался: я начала не с того конца.

И я тогда дала себе слово: когда у меня будут “новые” дети, я начну по-другому. Я вообще стану другим человеком. Не буду больше такой правильной и нагруженной ценностями. Я буду учиться вглядываться – чтобы угадывать нечто про внутреннюю жизнь. Возможно, им чего-то не хватает для этой жизни. Взрослого внимания. **Моего проникающего внимания.** Ведь хорошее сочетание – “проникающее внимание”? Что-то вроде проникающего излучения, для которого телесное – не препятствие.

А Корчак пусть висит над столом. Пусть смотрит, как у меня получится. Как я буду играть с детьми в игры, которые придумаю для них сама. Точнее, которым позволю вырасти из нашей совместной жизни, из **нашего трудного совместного бытия...**» [1, с. 42]

Ярким художественным событием в самообразовательном чтении педагогов стала повесть Ольги Камаевой «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» (2013). История становления педагогического гуманизма учительницы Танюши трогает своей правдивостью и откровенностью, незаживающей сердечной раной учительницы, которая признается, что по незнанию ученика «жизнь ему искалечила». Она дает совет молодой учительнице: «Знаешь, Леночка, с чего начни... Детей сразу полюбить действительно сложно. **Ты дело своё полюби.** А через него и остальное придет» [9, с. 35].

Обаянием личности и педагогическим мастерством завоевывает сердца детей учитель из рассказа А. Ткачева «Учитель» (2016). Умение увлечь, удивить, запомниться как личность – необходимое качество учителя. А. Ткачев приводит яркое доказательство влияния убежденности учителя на мировоззрение подростков:

«Я вот сказал, что **чтение прибавляет опыт, не добавляя возраста.** Помните? Я приведу пример. Карамзин написал “Историю государства Российского” и работал над ней двадцать лет! Эти двадцать лет он провел как затворник и мученик науки. Получилось восемь томов. Карамзин был Колумбом, который открыл современникам историю своей страны. И вот эти восемь томов однажды, во время болезни, Пушкин прочел за две недели, то есть за четырнадцать дней. Причем прочел, как сам говорит, внимательно. Представляете, какая не-

соразмерность? Девятьсот веков истории один человек изучает двадцать лет. Его восьмитомную книгу другой человек прочитывает за две недели! Карамзин повзрослел на девять столетий за двадцать лет, Пушкин – за две недели благодаря труду Карамзина. Так мы впитываем чужой опыт, взрослеем, радуемся, страдаем вместе с автором и за один год своей жизни можем повзрослеть на несколько чужих жизней. Чудо, правда?» [15, с. 243]. В рассказе «Учитель» убедительно звучит идея единения: «Люди постоянно влияют друг на друга, постоянно делятся всем, что в них живет. Повезло тому, кто нашел в жизни хорошего учителя» [15, с. 244].

Учитель литературы Нинпавловна из повести Ирины Краевой «Дети неба, или Во всем виноваты бизоны» (2018) способна не задавать лишних вопросов ученику, а понять его состояние по глазам, выслушать, поговорить, облегчить ношу душевных страданий. Сочинение «Моя семья» становится в художественном тексте автора жанром самопознания мальчика Максима, его внутренней исповедью. Читатель понимает, что в каждой семье живет своя тайна, свои трепетные и непростые связи между всеми членами семьи. И в этих соединениях и скрещении особую укрепляющую и спасающую функцию выполняет учитель литературы, которая рассказывает своему ученику «историю», за которой скрыта философия педагогики гуманизма:

«Однажды один антрополог оказался в африканском племени зулусов – детей неба, как они называют себя, и решил провести эксперимент. В корзину он положил фрукты, поставил её рядом с деревом и сказал окружившим его негритятам, что тот, кто первым добежит до корзины, в награду получит все фрукты. И знаешь, что они сделали? – Да, негритята взяли за руки и вместе побежали к корзине, – продолжала Нинпална. – А потом поровну поделили фрукты и дружно их слопали. Антрополог спросил у детей, почему они поступили именно так, и кто-то ответил – я так и представляю самого крупного пацанёнка с крутым замесом кудряшек над лбом: “Убунту!”

– Как-как? Убунту?

– Да. Убунту. Это слово можно перевести так: “Как один из нас может быть счастлив, если все остальные грустят?”

...Суть убунту, насколько я понимаю, такова: **всех людей, всё человечество связывают узы единой общей жизни. Если ты это принял душой, то не будешь завидовать, что кто-то сильнее, талантливее тебя, потому что этот кто-то и тебя делает сильнее и талантливее. А если кто-то страдает, то и ты принимаешь его боль как свою»** [11, с. 164–165].

Важно отметить смысловую роль этой идеи: жизнь рифмует судьбы людей. Человечество «всем миром» сохраняет идею гуманизма, выстраданную эволюционно и требующую постоянной защиты от агрессии, эгоизма, вражды. Убеждает своего ученика учитель: «Иногда трудно представить и то, как один человек связан с другим. Ни один человек – это не человек сам по себе. Так считают зулусы. И не только они. Мы не поодиночке. **Мы вбираем в себя тех, кто рядом. И даже тех, кто далеко. Мы – все вместе.** И порой даже представить не можем, какая у нас связь с человеком, про которого мы, может быть, ничего и не знаем» [11, с. 167].

Нина Павловна не только пишет диссертацию и читает книги русских философов, но и находит время поговорить с учеником о жизни, о понимании, о нравственном выборе, о связи всего со всем. Она продолжает традицию Лидии Михайловны из рассказа «Уроки французского» В. Распутина.

Что объединяет **педагогов с гуманистической позицией**? Понимание своей миссии воспитателя, уважение к личности ребенка, подростка, юноши. Учитель сохраняет стремление помочь детям увидеть связь всего со всем, пробудить чувство своей ответственности за мир и благополучие в семье и мир в мире людей, таких разных и таких живых.

Многие авторы выбирают **жанр дневника** как форму сопряжения судеб и мыслей, переживаний и впечатлений, как способ «проникающего внимания» в душевный мир своих героев. Неожиданно, но точно обозначила в своей повести Ирина Краева особую душевспасительную и философскую роль сочинений. На первый взгляд банальная тема «Моя семья» обогатывается историей жизни семьи в хронотопе эпохи и приобретает мифический и магический смысл. Как и жизнь, повествование складывается из эпизодов, поворотных моментов в становлении характеров, автор раскрывает судьбоносность каждой встречи в потоке времени и бытия. Скрещение вопросов к себе и другим, полилог пониманий, интонаций раскрывают сложную палитру мира человеческих отношений, часто скрытых, непроговоренных, молитвенных, разноречивых: Борис и Анюта, Ма и Бориска, Макс и Нинпавловна, отец и Игорь, Макс и Мишка, Ма и Аллочка, Ба-Вера и Ма. Разговоры выстраиваются в судьбы и разворачиваются в полотно жизни.

Чтение книг о школе нового века дает возможность увидеть, как сложно и внутренне трагично происходит становление педагогического мастерства, как важно учителю уметь вести диалог с подростком, как необходимо сохранять позицию гуманизма в общении с детьми нового века.

Вторая тенденция в художественных произведениях о школе может быть обозначена как **интерес к «благим намерениям» молодых педагогов**, их желанию работать творчески и результативно. Не случайно востребованы качества стрессоустойчивости, неконфликтности, ответственности. Не может молодой педагог смириться с формализмом, несправедливостью, субординацией, функциональным давлением.

Время на педагогическую работу сокращается, а увеличивается нагрузка на внешние функциональные обязанности учителя. Это разрушает идеальное представление о школе как «времени становления» жизненных и духовных, нравственных и интеллектуальных сил подростка. О. Камаева, А. Жвалевский, Е. Пастернак, протоиерей Андрей Ткачев пишут об этом: «Я проработал в школе всю жизнь. Только директором лет двадцать. Всё с детьми, с детьми. Но при этом мы, преподаватели, часто черствеем. Программы, отчеты, совещания. **Дети превращаются в средство и перестают быть целью учебного процесса. А он сумел сохранить свежесть восприятия жизни. Сумел остаться внутри молодым**» [15, с. 242]. Таким образом, молодость не только внешняя, но и внутренняя становится востребована современными детьми. Молодость педагогов подчеркивает их открытость, готовность к общению, искренность в поступках и мыслях. Героини Д. Сабитовой, М. Аромштам, И. Краевой не только образованны, умны и талантливы, но и обращены к детям в своем педагогическом призвании. Профессионализм, нестандартность мышления, широта кругозора, способность к поступку, читательская коммуникация становятся привилегией молодости и современности.

Жанр дневника даёт возможность Марине Аромштам, Ирине Краевой, Инне Кабыш, Ольге Камаевой услышать скрытый внутренний голос своих персонажей-педагогов, их сомнения и боли, их противоречия и открытия. Не случайно именно рефлексия стала признаком урока литературы нового времени. Способность педагогического мышления к рефлексии является и признаком профессионализма учителя. Неожиданно задержала моё внимание «правда жизни», рассказанная Татьяной Мирной, учителем русского языка и литературы, которая позиционировала себя как блогер в книге «Записки учительницы» (2018). С одной стороны, эти короткие рассказы (короче уже некуда), напоминают разговоры на кухне с подружками о школе, о работе, о любви и жизни, семье и воспитании, и художественности в них «кот наплакал», но, с позиции формы, оказалось, что они точно подходят под определение короткой прозы. Поэтому так востребованы современным читателем: идея в заголовке, наблюдение над жизнью, вопрос для читателя. И глава «О школе и воспитании» читается с особым пристрастием. Дискуссия с автором состоялась точно, потому что Татьяне Мирной удалось эмпирический опыт учителя сельской школы зафиксировать, заставить читателя над ним размышлять и искать ответы на поставленные жизнью вопросы. Она сумела обозначить главные болевые точки изменений в полилоге школы – семьи – родителей – общества:

– рыночные отношения «учителя и родители» и принцип «ты мне – я тебе» разрушают все законы нравственного воспитания;

– школа – это не закрытое учреждение, а весь контекст взаимоотношений человека и общества;

– главная проблема – это несовпадение взглядов учителей и родителей на воспитание детей. И воспитание начинается с родителей, у которых есть дети, и эта книга не учебник педагогики, но внимательный взгляд на возможности родителей и педагогов. Т. П. Мирная подчеркивает, что родители готовы «затравить» учителя анонимками, жалобами, инициативами, потому что формируется общественное мнение о том, что педагогам нельзя быть требовательными и строгими. Об этой проблеме пишет и М. Аромштам, и О. Камаева, и Т. Мирная, и И. Кабыш. Чтение этой книги убеждает в том, что педагогическая рефлексия стала частью современного образования и даже вышла за рамки школы в литературный процесс.

Директор департамента исследований и образования Дмитрий Волошин, размышляя над проблемой подготовки детей к будущему, утверждает, «что подготовленным к будущему **будет ответственный предприниматель, умеющий взаимодействовать с аудиторией во всех необходимых каналах**. С широким университетским кругозором – ведь ему предстоит создавать новое, то, чего раньше не было. Любопытный и креативный... Он должен уметь учиться: в мире, где все меняется, где на рынке роятся микрокоманды, учиться придется всю

жизнь, каждую минуту, на каждом проекте. И это все должно стоять на крепком фундаменте хорошего технического или естественнонаучного образования – того, которое способствует развитию системного и критического мышления, заставляет пытливо копаться в сути явлений, не терпит поверхностности и профанации и формирует ту самую ответственность» [4]. Обратите внимание, в его выводах не упоминаются гуманитарные знания, которые и формируют креативность и кругозор, ответственность и опыт коммуникации. Правда жизни проявилась в снижении интереса к литературным, речевым умениям, кризис отразился на подготовленности выпускников школ и университетов к самообразованию, осмысленному чтению, принятию нравственных постулатов как ценностей культуры. Татьяна Черниговская утверждает, что **«если человек не имеет гуманитарной подготовки – значит, он не понимает, что он вообще делает, он расставляет неправильные ценностные акценты и цели. Толстой, Шекспир, Достоевский – это культурный багаж огромной энергии, вершина нашей цивилизации»** [16].

Попытаемся обобщить читательские впечатления в исследовательские заключения.

Председатель Правления ВЦИОМ Константин Абрамов комментирует результаты исследования престижа профессии учителя так: «В последние несколько лет на фоне экономического кризиса в нашем обществе изменилось отношение к профессии учителя. Престижность снизилась до уровня 2008 года, материальный аспект существования учителя – уровень доходов – не позволяет нашим гражданам считать труд учителя достойно оплачиваемым, а профессию престижной. Более категоричны респонденты стали в оценке качества работы учителей. Ситуация существенно ухудшилась по сравнению с 2000 годом. Наши граждане считают, что их учили лучше, чем сейчас. И пусть ностальгические нотки в оценках всегда преобладали (конечно, раньше учителя были лучше), важна тенденция, что тех, кто считает современных учителей более профессиональными, становится меньше» [7].

Изучение общественного мнения о профессии педагога в научных исследованиях, эмпирических наблюдениях, анализе тем педсоветов, отчетов юбилейных праздников в школах, отзывов студентов-будущих педагогов, рефлексивных записок учителей дает возможность увидеть такие тенденции в проблематике взаимоотношений учителя и общества, которые отражают «правду жизни»:

– во-первых, общественное мнение перестало позиционировать учителя как представителя авторитетной и уважаемой профессии, определяющей воспитание нового поколения. «Образовательные услуги» оказали «медвежью услугу» в диалоге учителя и социума;

– во-вторых, учитель сам перестал видеть в профессии «свою жизнь», он стал работать, а «не гибнуть на ниве просвещения» и процветании общества. Капитализация отношений не прошла мимо школьного учителя;

– в-третьих, учитель получил целый спектр путей профессионального развития: от менеджера, лидера до учёного, автора методик и книг, проектов и школ [8]. Общество оценило эти возможности профессии и потребовало от учителя таких усилий. Из 15 педагогов, защитивших кандидатские диссертации под моим руководством, 14 человек продолжают свою педагогическую деятельность в школах и гимназиях;

– в-четвертых, общественное мнение о плодотворном влиянии учителя на становление человека разрушено СМИ, телевидением, киноискусством и театром. Стало модно учителя жалеть, унижать, высмеивать;

– в-пятых, сами учителя перестали гордиться своей профессией, потому что педагогическое творчество «задавили» проверки, контроль, реформы. Эмоциональная усталость ощущается в описании мировосприятия учителем своей жизни в школе.

Но есть и «художественная правда», в которой прослеживаются тенденции преодоления кризиса, изменилось представление писателей о профессии учителя. В изученных текстах можно увидеть главную тенденцию развития художественного образа современного учителя. Писатели в новом веке отразили взгляд общества на учителя как человека, размышляющего над проблемами социальной жизни, творческого, образованного, мудрого, понимающего свои задачи и ответственного за будущее. Роль учителя-подвижника, «спасателя», защитника детства, созидателя и проводника идей гуманизма воспринимается писателями как служение единению людей, как работа по сбережению «человеческого в человеке».

Анализ художественных произведений о школе и учителе дал возможность увидеть следующие точки бифуркации, векторы развития отношений учителя и общества:

– осознана потребность в профессиональной рефлексии как художественном отражении сложности педагогической деятельности;

– актуализирована идея педагогического гуманизма, уважения к личности человека;
– освоена новым поколением педагогов цифровая среда, возможности которой постоянно расширяются за счет читательской коммуникационной среды [3, с. 38];
– представлены учительские династии как главный источник талантливой учительской молодежи;

созданы в художественной литературе образы учителей, способных к самообразовательному чтению, творческих, мыслящих, современных, любящих своё дело как призвание;

– отражены современные роли учителя: лидера, исследователя, организатора проектной деятельности, творческого читателя.

И закончу идеей Марка Захарова, который сформулировал общепланетарное открытие: основная ценность театра – актерский организм, обладающий мощной энергетикой и гипнотической заразительностью, развивший свои нервные, психические ресурсы до высоких степеней, неподвластных строго научному измерению. Осмелюсь перенести это заключение **на личность учителя, которому нужна мощь интеллектуального и эмоционального заражения аудитории не меньше, чем артисту современного театра**. Художественная литература как способ предвосхищения будущего оставляет надежду на то, что отношение общества к профессии учителя изменится в сторону уважения и понимания её значения для судьбы страны и каждого человека.

Список литературы

1. *Аромштам М.* Когда отдыхают ангелы. М., 2010. 208 с.
2. *Аромштам М.* Как дневник. Рассказы учительницы. М., 2013. 128 с.
3. *Асонова Е. А., Романичева Е. С., Сененко О. В., Киктева К. С.* Инфраструктура чтения: опыт описания с позиции субъекта // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 26–45.
4. *Волошин Д.* Учеба будущего. Как подготовить детей... URL: Forbes.ru forbes.ru>karera-i-svoy-biznes/363823...budushchego...
5. *Галицких Е. О.* Публичная речь учителя как «час ученичества» // Педагогический имидж. 2018. Вып. № 2(39). С. 20–28.
6. *Галицких Е. О.* Роман А. Иванова «Географ глобус пропил» как повод дискуссионного обсуждения с читателями // Галицких Е. О. Чтение с увлечением: мастерские жизнетворчества. М., 2016. С. 258–264.
7. Данные опроса ВЦИОМ «Профессия «учитель»: вчера и сегодня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115829>
8. *Жвалевски А. В., Пастернак Е. Б.* Я хочу в школу! М., 2013. 320 с.
9. *Камаева О.* Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы. М., 2013. 285 с.
10. *Климова Т. Ю.* Образ неформатного учителя в литературе 1960–1990 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 10(1). С. 212–219.
11. *Краева И.* Дети неба, или Во всем виноваты бизоны. М., 2018. 288 с.
12. *Мирная Т.* Записки учительницы. М., 2018. 352 с.
13. *Сабитова Д.* Где нет зимы. М., 2011. 41 с.
14. *Сосновская И. В., Ситникова Е. Р.* Художественная рефлексия как условие понимания читателем-школьником литературного произведения // Педагогический имидж. 2018. Вып. № 2(39). С. 38–45.
15. *Ткачев А., прот.* «Страна чудес» и другие рассказы. М., 2016. 256 с.
16. *Черниговская Т.* Ум – это умение глубоко смотреть на мир и извлекать из него действительно важную информацию. URL: https://mel.fm/sovet_eksperta/987461-tatyana_chernigovskaya1

Teacher and society: artistic truth and truth of life

E. O. Galitskykh

Doctor of pedagogical sciences, professor, head of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.
E-mail: galitskiheo@rambler.ru

Abstract. The article raises the complex debatable humanitarian problem of the compliance of teacher's professional pedagogical activity with the demands of society. The relevance of the study of public opinion about the profession of teacher is determined by the need of society in teachers of modern times and the problem of their training for teaching. The article compares the «truth of life» as a representation of society about the role of teachers in shaping the future with the artistic truth of modern literature, which translates the image

of the modern teacher in the minds of readers: parents of students, journalists, officials, teachers.

The article includes literary analysis and reader's judgements on books about the school and the teacher, in which we can see the trends in the development of pedagogical consciousness of the teacher, his professional reflection.

The author states the return to the thesaurus of literary texts of the idea of education of human, pedagogical humanism, the influence of the teacher on the culture of thinking of the student, the need for «penetrating attention» of the teacher to the inner life of the child and teenager. The article reveals an important source of the teacher's humanitarian knowledge – self-educational reading, which forms the modern ideas about the children of the digital age, the tasks of education, pedagogical priorities of the teacher's professional growth.

The results of the analysis are important for researchers of modern literature, for literary critics, teachers, psychologists, professional development organizers, heads of educational institutions.

Keywords: teacher, self-educational reading, artistic image, the idea of humanism.

References

1. Aromshtam M. *Kogda otдыхayut angely* [When the angels have a rest]. M. 2010. 208 p.
2. Aromshtam M. *Kak dnevnik. Rasskazy uchitel'nicy* [As a diary. Teacher's stories]. M. 2013. 128 p.
3. Asonova E. A., Romanicheva E. S., Senenko O. V., Kikteva K. S. *Infrastruktura chteniya: opyt opisaniya s pozicii sub"ekta* [Infrastructure of reading: experience of description from the position of a subject] // *Voprosy obrazovaniya* – Questions of education. 2018, No. 2, pp. 26–45.
4. Voloshin D. *Ucheba budushchego. Kak podgotovit' detej...* [Study of the future. How to prepare children...] Available at: forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/363823...budushchego...
5. Galickih E. O. *Publichnaya rech' uchitel'ya kak «chas uchenichestva»* [Public speaking of a teacher as «the hour of discipleship»] // *Pedagogicheskij imidzh* – Pedagogical image. 2018, issue No. 2 (39), pp. 20–28.
6. Galickih E. O., Roman A., Ivanova «Geograf globus propil» *kak povod diskussionnogo obsuzhdeniya s chitatel'nyami* [Novel by A. Ivanov "Geographer drunk a globe" as an excuse for debatable discussions with readers] // Galickih E. O. *CHtenie s uvlecheniem: masterskie zhiznetvorchestva* [Reading with a passion: master of creativity]. M. 2016. Pp. 258–264.
7. *Dannye oprosa VCIOM «Professiya «uchitel'»: vchera i segodnya* – Data of the opinion poll «Profession «teacher»: yesterday and today. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115829>
8. Zhvalevski A. V., Pasternak E. B. *YA hochu v shkolu!* [I want to go to school]. M. 2013. 320 p.
9. Kamaeva O. *Yolka. Iz shkoly s lyubov'yu, ili Dnevnik uchitel'nicy* [Christmas Tree. From school with love, or Teacher's diary]. M. 2013. 285 p.
10. Klimova T. YU. *Obraz neformatnogo uchitel'ya v literature 1960–1990 gg.* [The non-formal teacher image in the literature of 1960-1990] // *Herald of the Buryat State University*. 2015, issue 10 (1). pp. 212–219.
11. Kraeva I. *Deti neba, ili Vo vsem vinovaty bizony* [Children of the sky, or Bison is to blame]. M. 2018. 288 p.
12. Mirnaya T. *Zapiski uchitel'nicy* [Notes of the teacher]. M. 2018. 352 p.
13. Sabitova D. *Gde net zimy* [Where there is no winter]. M. 2011. 41 p.
14. Sosnovskaya I. V., Sitnikova E. R. *Hudozhestvennaya refleksiya kak uslovie ponimaniya chitatelem-shkol'nikom literaturnogo proizvedeniya* [Artistic reflection as a condition of understanding of a literary work by a student-reader] // *Pedagogicheskij imidzh* – Pedagogical image. 2018, issue No. 2 (39), pp. 38–45.
15. Tkachev A., *prot. «Strana chudes» i drugie rasskazy* [«Wonderland» and other stories]. M. 2016, 256 p.
16. Chernigovskaya T. *Um – ehto umenie gluboko smotret' na mir i izvlekat' iz nego dejstvitel'no vazhnuyu informaciyu* [Mind-is the ability to deeply look at the world and extract from it really important information]. Available at: https://mel.fm/soviet_eksperta/987461-tatyana_chernigovskaya1

Парикмахерское дело в Вятке сто лет назад

А. С. Касанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса, туризма и торгового дела.
Россия, г. Киров. E-mail: as_kasanov@vyatsu.ru

Аннотация. В постсоветский период времени увеличился интерес исследователей к бытовым аспектам жизни дореволюционного российского общества. Однако до сих пор мы знаем об обыденной стороне обитателей русских городов достаточно мало. Состояние парикмахерского дела в старой Вятке никоим образом не освещалось в историографии, хотя его исследование позволяет ответить помимо основной темы также на вопросы о характере работы сервисных служб в губернском центре, проанализировать деятельность санитарных чиновников, оценить вовлеченность первых лиц губернии и города в подобного рода процессы хозяйственного порядка. Статья посвящена состоянию и развитию парикмахерского дела в Вятке в начале XX в. В результате проведенного исследования на базе архивных источников удалось значительно расширить представления о состоянии парикмахерского искусства в губернском городе на рубеже веков.

Ключевые слова: парикмахерское дело, цирюльники, «Обязательные постановления», санитарное состояние.

Появление в Кирове в последние годы большого количества барбершопов и современных салонов красоты обозначило новый вектор в развитии парикмахерского искусства. Такие тенденции наблюдаются по всей России, одновременно актуально и обращение к дореволюционным традициям парикмахерского дела. Подобные темы, касающиеся быта наших предков сто и более лет назад, всегда очень важны для понимания жизни простого человека в ту далекую эпоху. В то же время такого порядка вопросы очень редко являются предметом исследования историков. В Вятке же до сих пор и вовсе не было никаких материалов, посвященных парикмахерской культуре до революции.

Рубеж XIX – начала XX в. в губернском центре ознаменовался активным внедрением в жизнь вятчан атрибутов технического прогресса тех лет – водопровода, телефона, электричества, отопления, началось мощение улиц, стали осуществляться перевозки пассажиров по железной дороге и т. д. Одновременно шла активная борьба за улучшение санитарных норм и наведение порядка на предприятиях общественного назначения. В рамках этой работы были затронуты и темы функционирования в Вятке всевозможных парикмахерских салонов и просто деятельности частных лиц, которые занимались этим промыслом.

В Журнале Вятской городской думы за 1895 г. были опубликованы «Обязательные постановления о порядке содержания в городе Вятке парикмахерских и употребления в них разных принадлежностей для стрижки и бритья волос, составленные вятской городской думой 11 января 1895 г. на основании 101 и 109 статей Городового Положения, изданного в 1892 году» [4, с. 4]. Из «Постановлений» можно узнать, что в тот период существовало только 10 предельно кратких правил, которых должны были придерживаться в своей работе владельцы парикмахерских:

1. Зал для стрижки и завивки волос и бритья должен содержаться в надлежащей чистоте.
2. В каждом зале для стрижки и бритья необходимо иметь приличный умывальник с принадлежностями.
3. Парикмахеры должны быть всегда чисто одеты, иметь коротко стриженные ногти на руках и мыть руки перед работой по желанию клиентов.
4. По требованию каждого посетителя парикмахер обязан давать чистый фартук для завешивания и чистое полотенце для вытирания лица.
5. Щетки, кисти, гребенки, ножницы, бритвы и другие принадлежности должны ежедневно обмывать горячим щелоком и дезинфицироваться 3–5% раствором карболовой кислоты.
6. Кроме того, те же предметы содержатель обязан обмывать всякий раз, если потребует посетитель.
7. Пудра должна употребляться исключительно рисовая.

8. Для распыления душистых косметических жидкостей содержатель обязан иметь пульверизаторы с баллонами.

9. Жидкие и порошковидные косметические вещества должны храниться в хорошо закрытой и удобной для чистки посуде.

10. Для лиц, одержимых кожными болезнями (чесоткой, лишаями, паршами), должны быть в распоряжении парикмахеров особые принадлежности: бритвы, щетки, ножницы, гребенки и т. д. [4, с. 5]

Из журнала заседаний городской думы мы можем узнать, как эти правила принимали. Так, оказывается, инициатива исходила от вятского губернатора Федора Федоровича Трепова. 28 декабря 1894 г. он сообщил городской управе, что при обзоре врачом Васильевым разного рода торгово-промышленных заведений в г. Вятке было замечено, что существующие в городе парикмахерские содержатся недостаточно чисто. Во врачебном отделении губернского правления был выработан проект правил и отправлен на обсуждение и доработку в думу, которая и приняла «Обязательные постановления». Необходимо отметить, что Трепов за свою большую чиновничью карьеру не раз занимался санитарными вопросами и проблемами гигиены. Так, во время Русско-японской войны он работал главноуполномоченным Российского общества Красного Креста и начальником санитарной части Маньчжурской армии, после начала Первой мировой войны был помощником Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в войсках принца Александра Ольденбургского [5, с. 346].

За 5 лет существования «Обязательных постановлений», очевидно, ситуация с санитарией в вятских парикмахерских не изменилась. Поэтому в 1900 г. городская управа поручила главному санитарному врачу Вятки Василию Трейтеру осмотреть существующие в Вятке парикмахерские заведения с целью, с одной стороны, выяснить, выполняются ли обязательные постановления, касающиеся санитарного содержания парикмахерских, с другой стороны, с целью выработки предложений по улучшению их работы. Василий Трейтер осмотрел парикмахерские и составил обстоятельный доклад на почти десятке страниц. Этот документ сохранился в Государственном архиве Кировской области и является важнейшим источником для изучения истории парикмахерского дела на Вятке [2, л. 16–25 об.].

В начале документа Трейтер пишет, что не нашел никаких существенных нарушений «Обязательных постановлений». Единственно, что отметил врач, это отсутствие в одной из парикмахерских умывальника в зале для стрижки и бритья, так как он помещен в соседней жилой комнате. Зато по второму вопросу Трейтер жестко раскритиковал «Обязательные постановления», особенно те пункты, где указывалось, что парикмахеры должны мыть руки и инструменты только по желанию клиента. Трейтер считал, что так нельзя, нужно строго обязать, например, перед процедурой цирюльнику мыть руки, так как клиенты бывают разные, в парикмахерские ходят необразованные люди, которые не понимают, что могут подцепить заразные кожные болезни при существующем порядке дел. Также Трейтер считал, что нужно не раз в день дезинфицировать приборы, а каждый раз при появлении нового клиента, чтоб не заражать людей. Здесь же врач предлагал обязать цирюльников вешать «Обязательные постановления» на видном месте в каждом салоне, чтоб посетители читали и знали, что можно требовать мытья рук и дезинфекции инструмента.

Еще одна проблема, на которую обратил внимание Трейтер, это то, что в двух парикмахерских не было «передней» или сеней, устроены только двойные двери. Из-за этого заболевают клиенты, так как нередко обе двери открыты и в распаренную парикмахерскую влетает струя холодного воздуха. Особенно это опасно перед Рождеством и Новым годом, когда люди массово идут стричься, а разница между уличной и комнатной температурой максимальна. Задавался Трейтер вопросом и о том, все ли имеют право стричь людей в парикмахерских? А что если среди мастеров существуют люди с заболеваниями? «Обязательные постановления» никак не регламентировали состояние здоровья парикмахеров, сто лет назад никто не требовал с них санитарной книжки или медицинской справки. Поэтому в салонах могли работать любые люди, причем не только с кожными, но и другими заразными болезнями.

Также из отчета Трейтера можно узнать, что в вятских парикмахерских в начале позапрошлого века не только можно было подстричься, но здесь же проводились такие операции, как кровопускание, давление пиявок, срезание мозолей, вросших ногтей. Нужно отметить, что профессия цирюльника в России всегда была уникальной, она заключала в себе не только парикмахерское мастерство, но и обязанности доморощенного лекаря: он делал кровопускания, удалял зубы и даже лечил раны.

Далеко не все горожане ходили в парикмахерские салоны – в Вятке был распространен «ходячий парикмахерский промысел». Специальные люди стригли клиентов в трактирах, пивных, банях, других общественных учреждениях, а также на дому. «Обязательные постановления» никак не регламентировали работу этих людей, поэтому за стригшимися в кабаках, банях и на частных квартирах никакого санитарного надзора не было. Также никак не описывались условия содержания самого заведения, где работали парикмахеры. Между тем Трейтер обнаружил, что во многих помещениях сыро, низкая температура и другие факторы, которые могли вызвать заболевание клиента. В итоге Трейтер сделал вывод: существующие постановления не полны, не конкретны и не достигают своей цели – «являясь полумерой, они лишь ослабляют бдительность населения, принося пользу только образованным» [2, л. 19]. Поэтому они должны быть изменены и дополнены.

Василий Трейтер предложил свой проект «Постановлений», регламентирующих работу парикмахерских в Вятке. В нем были следующие тезисы:

- нельзя заниматься промыслом без разрешения городских властей и медицинского освидетельствования, а также необходим осмотр помещения архитектором;
- разрешение на ведение дела от городской управы должно висеть в парикмахерской на видном месте в рамке и под стеклом;
- необходимо запретить проведение операций в местах общественного пользования (трактиры, пивные, харчевни), а в банях должны быть отдельные комнаты для парикмахеров;
- запретить делать посторонние операции, не относящиеся к парикмахерскому промыслу (стричь ногти, срезать мозоли);
- в парикмахерских должен быть отдельный зал для дам и мужчин, плотно отделенный затворяющимися дверьми;
- в салоне должен висеть на видном месте градусник, соответственно температура в парикмахерской не может быть менее 14 градусов по Реомюру (примерно 18–20 градусов по Цельсию). Отштукатуренные стены должны белиться через каждые 6 месяцев, не должны иметь трещин;
- в каждом зале на виду должен находиться умывальник с водой и чистое полотенце с мылом.

Всего Трейтер разработал 24 конкретных правила, но судьба его документа неизвестна. Интересно, что сохранились бланки описания парикмахерских, заполненные Трейтером в 1900 г. В них, в частности, можно прочитать краткий комментарий владельцев цирюлен. Один из таковых рассказывает, что изменения правил содержания возможны и вообще у его конторы и у «ходячих парикмахеров» по баням и трактирам разная аудитория.

Сколько в Вятке было парикмахерских сто лет назад? У Трейтера были данные по трем. В другом документе («Списки владельцев торговых предприятий и промышленных заведений за 1910–1911 гг.») указано только 2 парикмахерские на весь город:

1. Парикмахерская Василия Селезнева, вятского цехового в доме Смолянинова на Николаевской улице. Число занятых покоев – 1, платит в год аренды помещения 300 руб., число рабочих – 2. Сумма оборота за год – 2 тысячи руб.

2. Парикмахерская симбирского мещанина Василия Богданова в доме Репина. Число занятых покоев – 1, платит в год аренды помещения 600 руб., число рабочих – 2. Сумма оборота за год – 2 тысячи руб. [3, л. 198 об.]

Также любопытно, что в уездном Сарапуле на весь город числилась лишь одна парикмахерская. При этом в городе к 1912 г. насчитывалось 2 типографии, 7 сапожных мастерских, 15 булочных, 14 постоянных дворов, 2 заведения фруктовых вод и т. д. Содержал цирюльню Павел Замятин, имевший титул личного почетного гражданина, что говорило о высоком статусе и уважении владельца цирюльни.

К сожалению, в архивных документах мы встречаем лишь имена владельцев парикмахерских, но не фамилии самих мастеров. Впрочем, одного мастера все-таки можно назвать – это Евдокия Целищева. В начале 1920-х гг. Евдокия была единственным парикмахером в городском театре. Именно она работала с приехавшей в наш город в 1924 г. на гастроли известной танцовщицей Айседорой Дункан. Перед отъездом Айседора позвала Евдокию к себе в примерку и пригласила Целищеву с собой на гастроли в Лондон, но вятской парикмахерше, бывшей на последних месяцах беременности, пришлось отказаться от этого заманчивого предложения, хотя поехать ей очень хотелось. С помощью импресарио Дункан написала по-русски: «Я могу сердечно рекомендовать Дусю как чрезвычайно искусного и компетентно-

го парикмахера. 14 августа 1924 г. Айседора Дункан» [1, с. 4]. Этот эпизод, безусловно, говорит о том, что парикмахерская школа в Вятке была в те времена на достаточно высоком уровне.

Таким образом, можно отметить, что до начала XX в. парикмахерский промысел в Вятке никак не регламентировался. Лишь с появлением «Обязательных постановлений» и внесением в них коррективов врача В. Трейтера начался процесс приведения регламентирующих документов в порядок и попытки сделать парикмахерский бизнес отвечающим всем необходимым стандартам и нормам того времени. В то же время в Вятке люди стриглись у «вольных» парикмахеров в банях, трактирах, кабаках, часть горожан посещала расположенные в центре города салоны Богданова и Селезнева. Вероятно, наиболее богатые представители купечества и чиновничества имели квалифицированных мастеров, которые оказывали им личные услуги. Любопытно и то, что в данный временной промежуток парикмахерские были многопрофильными учреждениями, где не только могли постричь, но и провести простейшие косметические операции.

Список литературы

1. Вятский край. 1991. 27 апр.
2. Государственный архив Кировской области. Ф. 628. Оп. 5. Д. 5. Л. 16–25 об.
3. ГАКО. Ф. 628. Оп. 21. Д. 3. Л. 198 об.
4. Журналы вятской городской думы за 1895 год. г. Вятка. 1896 г.
5. Почетные граждане города Вятки : исторические портреты. Киров, 2015. 480 с.

Hairdressing in Vyatka a hundred years ago

A. S. Kasanov

PhD of historical sciences, associate professor of the Department of service, tourism and trade.
Russia, Kirov. E-mail: as_kasanov@vyatsu.ru

Abstract. In the post-Soviet period, the interest of researchers towards the everyday aspects of the life of pre-revolutionary Russian society increased. However, we still know about the everyday side of the inhabitants of Russian cities quite a bit. The state of hairdressing in the old Vyatka has not been covered in any way in historiography, although its research allows us to answer, besides the main topic, questions about the nature of the work of service services in the provincial center, analyze the activity of sanitary officials, assess the involvement of top officials of the province and the city order. The article is devoted to the state and development of hairdressing in Vyatka at the beginning of the 20th century. As a result of the research conducted on the basis of archival sources, it was possible to significantly expand the understanding of the state of hairdressing in the provincial city at the turn of the century.

Keywords: hairdressing, barbers, «Binding rulings», sanitary condition.

References

1. *Vyatskij kraj* – Vyatka region. 1991. 27 APR.
2. State archive of the Kirov region. F. 628. Inv. 5. File 5. Sh. 16–25 turn.
3. State archive of the Kirov region. F. 628. Inv. 21. File 3. Sh. 198 turn.
4. *ZHurnaly vyatskoj gorodskoj dumy za 1895 god* – Magazines of Vyatka city Council for 1895. Vyatka. 1896.
5. *Pochetnye grazhdane goroda Vyatki : istoricheskie portrety* – Honorary citizens of Vyatka: historical portraits. Kirov. 2015. 480 p.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 908:159.9(28-8Вят)(092)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.047

Вятский уроженец М. П. Коробейников: генерал-майор, выдающийся психолог и известный прозаик

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье даются основные биографические данные уроженца Вятской губернии, крупного отечественного ученого в области психологии, видного писателя-прозаика, генерал-майора Максима Петровича Коробейникова (1921–1999). Подчеркивается связь М. П. Коробейникова с Вятским краем, подробно освещен период его детства в деревне Чекоты и селе Вожгалы в Куменском районе. В статье дается описание основных этапов жизни М. П. Коробейникова. Характеризуется его вклад в психологическую науку, в отечественную художественную литературу, в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны. В военные годы он в составе действующей армии образцово выполнял приказы командования, проявлял личное мужество и умело руководил личным составом, за что неоднократно награждался орденами и медалями. Ему было присвоено высокое воинское звание генерал-майора. М. П. Коробейников – основоположник отечественной военной психологии, автор многочисленных научных работ в этой сфере науки. Он подготовил значительное количество ученых-психологов, своими трудами во многом способствовал укреплению обороноспособности Советской армии. В последние годы жизни он увлекся литературой и выступил в качестве автора впечатляющих высокохудожественных литературных произведений, таких как «Я тогда тебя забуду...», «Подробности войны» и др.

Ключевые слова: Кировская область, П. А. Прозоров, М. П. Коробейников, «Я тогда тебя забуду...», «Подробности войны».

М. П. Коробейников в зрелые годы и в юности

В начале 1990-х гг. заведующая музеем истории Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Инна Александровна Воробьева, – увы, ныне покойная, – познакомила меня с книгой, выпущенной в 1988 г. издательством «Советский писатель». Книга заинтриговала уже своим названием – «Я тогда тебя забуду...».

Фамилия автора, Коробейников, ничего мне не говорила. А вот когда я погрузился в чтение, оторвался я от него лишь тогда, когда прочитал книгу до конца. Сочным, выразительным языком ранее неизвестный мне писатель воссоздал в романе яркие картины ушедшего быта куменских деревень Большой и Малый Перелаз в 1920–1930-х гг.

Книга автобиографична. Повествование ведется от лица мальчика Ефимки Перелазова, в котором читатель узнает черты самого писателя. Пересказывать содержание книги, конечно, не входит в наши планы. Каждый может прочесть и оценить ее сам, тем более, что все художественные произведения М. П. Коробейникова есть в Интернете. Мне же она понравилась настолько, что я предпринял попытку познакомиться с писателем, чтобы высказать ему горячую читательскую признательность.

И здесь выяснилось самое удивительное: Максим Петрович Коробейников оказался не только достаточно известным, хотя еще пока что, на мой взгляд, недостаточно оцененным читающей публикой писателем, но и доктором психологических наук, профессором, и даже генерал-майором! Такое сочетание очень значительных и весьма отдаленных друг от друга профессиональных достижений представляет собой явление, скорее всего, уникальное.

Максим Петрович Коробейников родился 4 августа 1921 г. в деревне Чекоты Вожгальской волости (ныне Куменский район Кировской области). Его родители были крестьянами. Отец Петр Алексеевич (1887–1958) зимой уходил на отхожие заработки: 19 «зим» отработал он на кожевенном заводе в поселке Вахруши. В 1927 г. он был одним из организаторов коммуны в д. Чекоты, которая впоследствии была преобразована в знаменитый на всю страну колхоз «Красный Октябрь». Председателем колхоза в течение сорока лет был дважды Герой Социалистического Труда Петр Алексеевич Прозоров. Чекотская молочно-товарная ферма десятки лет была образцовым производственным участком, давшим целую плеяду Героев Социалистического Труда.

Петр Алексеевич Коробейников был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Мать М. П. Коробейникова Ольга Дмитриевна (1888–1954), простая неграмотная крестьянка, подняла на ноги одиннадцать детей (Максим был седьмым) [1, с. 71].

В своей первой большой книге «Я тогда тебя забуду...», носящей автобиографический характер, М. П. Коробейников дает яркие картины тогдашнего сельского быта. Разрушение отживающего свой век сельского быта и утверждение колхозного строя, классовая борьба в деревне, черточки нового быта («лампочка Ильича», радио, газеты, портреты «вождей»), характер вятских людей, особенности их речи и образа жизни – все это отражено в книге выпукло, наглядно. Главный герой книги Ефимка Перелазов – это и есть сам Максим Коробейников... До 1932 г. семья жила в деревне Чекоты, потом переехала в соседнее село Вожгалы, на центральную усадьбу коммуны.

В романе с пронзительной искренностью переданы ощущения Ефимки и его родственников от этого переезда, – перехода к «новой, светлой» жизни. В Чекотах у них был свой дом, хозяйство, живность... В Вожгалах же, в «коммунии» был построен большой деревянный дом барачного типа, продуваемый всеми ветрами, в котором коммунары поселились все вместе «на городской манер» в «собственных» однокомнатных «фатерах». По прибытии новых коммунаров приходилось все время уплотняться. И это в стране, где земли и лесоматериала – сколько угодно. Понятно, что коммунаров убеждали, что все это временные трудности. Но ведь известно, что в России нет ничего более постоянного, чем временное...

Ни пирог испечь, ни огород разбить... Пригорюнилась и сразу сдала бабушка маленького Ефимки Перелазова, то есть Максима. Неладное чувствуют и взрослые. Разве это дело, когда приехавшая из города молоденькая учительница, в жизни не пахавшая и не сеявшая, на пару с восьмилетним Ефимкой ездят по волости, проводят собрания, агитируют крестьян вступать в колхоз, сулят им счастливое будущее, о котором и сами не имеют ни малейшего представления... Того и гляди, озверевшие от бескормизы селяне прикончат «агитаторов», как это уже не раз бывало в вятских селах.

Вот и отец едва уходит от расправы, но не сдастся, непоколебимо верит в партийные «предначертания», в «коммунистические зори», до которых, как пелось в некогда популярной песне, «остался один поворот»...

А рядом – Петр Алексеевич Прозоров, один из зачинателей колхозного движения в стране, личный друг Н. С. Хрущева. Ну как тут не поверишь в лучшее, когда плечом к плечу с тобой такой человек.

М. П. Коробейников делился воспоминаниями с автором данного материала: «П. А. Прозорова я знал очень хорошо. До войны жили рядом. После войны часто встречались в Москве, куда он приезжал как депутат Верховного Совета СССР. Человек необыкновенный, талантливый, целеустремленный до одержимости, волевой, с чрезвычайно сложным характером и холерическим темпераментом, необузданный, честолюбивый, по натуре лидер, великолепный

знаток человеческой психологии, опытный стратег и тактик, обаятельный руководитель, искусный оратор и логик. Мы его одновременно обожали, любили и боялись. Он нес в себе ту эпоху, которую сейчас модно охаивать» [2, с. 360–361].

Краевед, основатель и многолетний председатель Вятского Шаляпинского общества Б. В. Садырин приводит воспоминания М. П. Коробейникова о родственнике великого русского певца: «В детстве я (то есть М. П. Коробейников. – В. П.) знал Михея Шаляпина. Он обладал настолько зычным голосом, что, когда выезжал в поле, в нашей деревне (Чекоты), в одной версте от Шаляпинок, было слышно, как он кричал на лошадь. Федор Иванович перед революцией (в 1901 г.) приезжал в Шаляпинки, чтобы навестить больного отца (лежал в больнице волостного села Вожгалы), оставил у Михея довольно много книг. Когда мне было шесть лет, я уже умел читать (научился по амбарным книгам). Ходил к Михею, приносил грибы и ягоды. Он мне давал читать книги, оставленные Федором Ивановичем. Первые книги, которые я прочитал, были “Старосветские помещики” и “Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Максим Петрович Коробейников написал очень интересную повесть “Я тогда тебя забуду...”. Она построена на автобиографическом материале. Рассказывает о детстве героя, которое проходило рядом с деревней Шаляпинки. Упомянуты в книге Шаляпины и из других соседних деревень. Разумеется, эта повесть – художественное произведение» [3, с. 53].

Автор этой статьи спрашивал Коробейникова о том, с чего все-таки началось у него писательство. Он ответил: с рассказа «Когда вырастет на камушке зелёная трава» о деревенском добром и бойком мальчике и его знакомстве с городскими девочками и их родителями. Вот его краткое содержание.

...Летом 1932 г. в село Большой Перелаз приехал на отдых главный инженер автомобильного завода Дмитрий Иванович Порошин. Родом он был из села. Его жена Софья Владимировна и две дочери Галя и Тоня были городскими. Дмитрий Иванович сразу привёл дочерей в пионерский отряд. Рассказчик – Ефим Перелазов – перешёл в пятый класс и считался первым учеником. Ему было одиннадцать лет. Он влюбился в обеих сестёр. Пионерам поручили поливать капусту. Нужно было ведром зачерпнуть воду из реки и плеснуть на каждый росток капусты. Галя и Тоня не были приучены к физической работе. Деревенские ребята и девочки потешались над неумелостью городских. Ефим помог им. Он брал у сестёр ведро, набирал воду и отдавал девочкам. Потом бежал со своим ведром. Благодаря этой помощи Галя и Тоня шли вровень с другими.

Как-то после работы сёстры пригласили Ефима вечером в гости. Ефим в красивой рубашке, в штанах из рядна и новых лаптях пришёл в школу, где жили Порошины. Девочки и их мать встретили его приветливо. Ефим, бойкий мальчик, хвалился, что научился фотографировать и играть в шахматы. Стали пить чай. Ефим к конфетам не притронулся, чтобы не подумали, будто он конфет никогда не видал. Софья Владимировна дала ему несколько конфет, чтобы он потом съел. Ефим спрятал их в карман, чтобы угостить маму и младшего брата. Ефима попросили спеть. Он спел несколько песен и частушку: «Я тогда тебя забуду, ягодиночка моя, когда вырастет на камушке зелёная трава. А и вырастет на камушке зелёная трава, я тебя не позабуду, ягодиночка моя». Потом он плясал, показывал девочкам, как танцевать кадрили. Пришёл Дмитрий Иванович. Ефим стал рассказывать о картинках, которые подарил ему председатель, – репродукциях картин знаменитых художников. Дмитрий Иванович тоже подарил ему несколько картинок. Вскоре Порошины уехали. Ефиму не пришлось их больше увидеть. Только с Галей была короткая встреча.

В 1974 г. Ефим с женой отдыхал в санатории на юге. Накануне отъезда к ним в номер пришла врач Галина Дмитриевна Порошина. Они узнали друг друга. Она заплакала, сказала, что родителей и Тони уже нет в живых, и что она хорошо помнит, как Ефим пел и плясал у них сорок два года назад...

Вожгальскую образцовую среднюю школу Максим Коробейников окончил с отличием. Золотых и серебряных медалей тогда еще не было, и лучшим выпускникам вручался аттестат с золотой каемкой, который открывал дорогу в институт без вступительных экзаменов. С таким аттестатом приехал Максим учиться в Кировский пединститут в 1938 г. Война началась, когда он был третьекурсником. (Окончить институт удалось лишь в 1948 г. экстерном.)

30 июля 1941 г. он был призван Молотовским районным военкоматом г. Кирова. Боевое крещение принял в январе 1942 г. молодым лейтенантом после досрочного окончания Черкасского пехотного училища, размещавшегося в г. Свердловске. В годы войны служил на Се-

веро-Западном, Волховском, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах, которые считались самыми «гиблыми»; в процентном отношении от численности состава там погибло больше всего солдат и офицеров.

Особенно запомнилось М. П. Коробейникову сражение в августе 1943 г. у деревень Карбусель и Вороново Мгинского района Ленинградской области. Как отмечалось в приказе командования, М. П. Коробейников «умело организовал роту на выполнение боевой задачи», а также «выполнил ответственную задачу по овладению д. Нурма, Тосненского района Ленинградской области». В марте 1944 г. в районе села Рожанка Псковского района Ленинградской области он «умело организовал отражение контратак противника». Первым на Северо-Западном фронте он получил медаль «За отвагу» [4].

За участие в боях был награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, а всего – 26 орденами и медалями, в том числе двумя иностранными наградами. Был командиром пулеметного взвода, стрелковой и разведывательной рот, командовал батальоном. Участвовал примерно в сотне атак, был трижды тяжело ранен. Закончил войну в 1944 г. комбатом, в звании капитана 1216-го стрелкового полка 364-й стрелковой Тосненской дивизии 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта.

Что было с М. П. Коробейниковым на войне, о том он рассказал в своих книгах «Подробности войны» (М. : Молодая гвардия, 1988) и «Ненадежное время» (М. : Современник, 1991). Книги Максима Петровича были написаны и предъявлены читателю именно тогда, когда стало возможным публиковать такие факты о войне, о которых прежде было принято умалчивать. Тех же, кто писал ранее, в 1960–1970-е гг. о войне реалистично, нередко объявляли очернителями советской действительности, антисоветчиками. Вспомним печальные судьбы таких книг и их авторов, как, например, «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова и «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова.

На волне горбачевской «катастрофы» седовласым авторам «новой волны» уже не приходилось биться с цензорами за право сказать правду о том, что составляло самую суть фронтовой жизни советского солдата и офицера. А правда эта состояла еще и в том, что на войне не только совершали подвиги и ходили в атаки с криками «За Родину, за Сталина!», но и что-то *ели*, что-то *носили*, где-то и чем-то *мылись* и *брились*, наконец, влюблялись, смеялись, убежали в отлучку, пили водку... Вот ординарец указывает Коробейникову на убитого бойца Белякова и добавляет: «А ведь именно он у Вас, товарищ капитан, сапоги-то украл. Вы меня еще ругали; мол, недоглядел. Точно, они. Мне ли их не знать, сколько раз их чистил...».

Содержание романа «Ненадежное время» таково: стрелковая дивизия, измотанная боями, осенью 1942 г. прибывает в Сибирь на повторное формирование, а потом ее снова ждут бои. Как справедливо пишет В. Кислинский, зам. председателя совета ветеранов Северо-Западного фронта, в романе масштабно раскрыты человеческие характеры, есть душевные мысли фронтовиков о довоенной жизни и войне. Автор не умалчивает о том, что в действующей армии были не только люди высокой нравственности и патриотизма, и война предъявляла счет каждому персонально [4].

После длительного лечения Коробейников был направлен на центральные курсы усовершенствования офицерского состава «Выстрел» в г. Солнечногорске. Окончил адъюнктуру военного педагогического института Советской армии по кафедре общей и военной психологии. Научным руководителем по кандидатской диссертации был профессор Т. Г. Егоров.

Любопытно, что Т. Г. Егоров защитил диссертацию на тему «Психология процесса формирования чтения в школе» в 1942 г. и был на тот момент по счету всего лишь 14-м доктором педагогических наук в стране, поскольку сама процедура докторских защит была восстановлена в СССР незадолго до этого, в 1937 г., причем психологи получали докторскую степень именно *по педагогике* [5, с. 5]. Психология, «родная сестра» педологии, длительное время была под фактическим запретом в связи с выходом известного постановления ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Только в 1968 г. этот запрет был снят, и первым доктором *психологических наук* стал уроженец г. Вятские Поляны Кировской области Е. А. Климов.

Что касается М. П. Коробейникова, то он защитился в 1971 г. и стал шестнадцатым по счету доктором психологических наук в СССР. Тема его диссертации – «Психологические проблемы подготовки советских воинов к современной войне» [5, с. 145].

До 1960 г. М. П. Коробейников был на командных должностях в армии, затем перешел на научно-педагогическую работу. В 1972–1985 гг. заведовал кафедрой общественных наук в

Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Он стал одним из основоположников военной психологии в нашей стране. Изучал поведение людей в экстремальных условиях во время землетрясений в Ашхабаде, Ташкенте и Душанбе, при чрезвычайных происшествиях и во время учений с реальным применением средств массового поражения. Ему посчастливилось работать вместе с такими выдающимися отечественными психологами, как А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, А. В. Петровский, Д. Б. Эльконин, К. К. Платонов и др. Но конечно, и им, этим замечательным ученым, повезло в том, что они имели возможность общаться и сотрудничать с профессором М. П. Коробейниковым. В 1960–1986 гг. М. П. Коробейников состоял членом диссертационных советов Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина и трех военных академий. М. П. Коробейников опубликовал свыше двухсот научных работ.

М. П. Коробейников был автором крупных монографий, таких как «Современный бой и проблемы психологии», «Сержанту о психологии», «Солдат и война» (руководитель авторского коллектива и автор значительной части книги), «Человек в современной войне», «Поведение воина в опасной ситуации».

Эти и некоторые другие книги М. П. Коробейникова были переведены и опубликованы практически во всех восточноевропейских странах, объединявшихся в те годы Варшавским договором.

Из армии уволился после 45 лет службы в возрасте 65 лет. И тут, – вспоминал он, – как с крыши свалился в художественную литературу. Все равно, что из спального вагона прямого сообщения генерал попал в теплушку, начал жизнь заново. Совершенно новая среда, непривычные отношения, отсутствие связей и знакомств. Стал неизвестным, рядовым, необученным солдатом литературы. Зато полная свобода духа, удовольствие от творчества! Никаких препон и уставов. Придумывать ничего не надо; все, о чем писал М. П. Коробейников, было в его жизни. Не нужно копаться в архивах или просить творческую командировку, как это принято у писателей.

Когда приняли в Союз писателей СССР, почувствовал, что признан «товарищами по перу». Рекомендации в Союз писателей, своего рода «путевку в большую литературу» Максиму Петровичу дали два фронтовика.

Одним из них был знаменитый поэт-песенник Михаил Матусовский, познакомившийся с первыми рассказами Коробейникова, которые стали появляться в периодике и на радио, и понявший, что они, эти рассказы, – незаурядное явление литературы. Другая рекомендация была получена от известного прозаика Вячеслава Кондратьева.

Позднее, когда в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Коробейникова «Подробности войны», Кондратьев написал к ней предисловие под названием «Достоверность, или Новое имя в литературе о войне».

«Вот так и живу, – писал мне М. П. Коробейников, – преодолевая соблазн вступить в какую-либо группировку, оказаться на чьей-либо стороне в борьбе, охватившей все общество, в том числе и литературу. Считаю, что каждый должен делать свое дело честно и хорошо, а иначе зря потеряешь время».

Несмотря на возраст и болезни, в последние годы жизни М. П. Коробейников продолжал трудиться по мере сил. В разговоре со мной, помню, переживал, что в связи с затруднениями (нехватка средств и бумаги) откладывалось издание его двух книг, рукописи которых были одобрены и рекомендованы к печати.

По совету автора данного материала Кировский тележурналист Леонид Добровольский еще к 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в 1995 г. снял двухсерийный телевизионный фильм о М. П. Коробейникове общей протяженностью более двух часов.

Этот фильм и сейчас регулярно транслируют по местному телевидению. Правда, тема работы М. П. Коробейникова как ученого и писателя, как ни странно, в фильме никак не была затронута, несмотря на попытки самого Максима Петровича в ходе интервью с ним как-то «поднять» ее...

Последняя работа М. П. Коробейникова вышла в 2000 г., уже после смерти автора. Это была статья «Алексей Федорович Лосев» в журнале «Наука и жизнь» (№ 2, 2000) [6, с. 200]. Скончался Коробейников 16 декабря 1999 г.

Список литературы

1. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. 84 с.
2. Помелов В. Б. Максим Коробейников – новое имя в литературе // История и культура Волго-Вятского края : материалы регион. науч. конф. / отв. ред. В. В. Низов, зам. отв. ред. В. Б. Помелов. Киров, 1994. С. 360–362.
3. Садырин Б. В. Вятский Шалыпин. Киров, 1998. 180 с.
4. Кислинский В. Подробности войны // Вятский край. 1993. 9 янв.
5. Загузов Н. И. Докторские диссертации по педагогике и психологии. 1937–1999 гг. : справочник. М., 2000. 216 с.
6. Помелов В. Б. М. П. Коробейников: воин, ученый, писатель // Символ науки : междунар. науч. журнал. 2017. № 2, ч. 1. С. 195–200.

A native of Vyatka M. P. Korobeinikov: major-general, outstanding psychologist and well-known novelist

V. B. Pomelov

Doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of pedagogy, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article provides basic biographical data of the native of Vyatka province, major domestic scientist in the field of psychology, prominent writer-novelist, major-general Maxim Petrovich Korobeynikov (1921–1999). His connection with Vjatsky region is emphasized. Such detail is highlighted as his childhood in the village of Vozhgaly and the village of Chekoty in Kumeny uezd. The article describes the main stages of life of M.P. Korobeinikov. In the article his contribution to the psychological science, domestic fiction literature and in the victory over the enemy during the Great Patriotic war is characterized. During the war years he composed the army command orders, served in an exemplary manner, showed personal courage and skill, and as a result, he was repeatedly awarded orders and medals. He was awarded the highest military rank of major-general. M. P. Korobeynikov was a founder of the native military psychology, the author of numerous scientific papers in this field of science. He produced a large number of scientists, psychologists. He largely contributed to the strengthening of the defense capability of the Soviet army. In the last years of his life he became interested in literature and was the author of the impressive artistic literary works such as «Then I will forget you...», «Details of the war», etc.

Keywords: Kirovskaya oblast, p.a. Prozorov, M. Korobeynikov, « Then I will forget you...», «Details of the war».

References

1. Pomelov V. B. *Pedagogi i psihologi Vyatskogo kraja* [Teachers and psychologists of the Vyatka region]. Kirov. 1993. 84 p.
2. Pomelov V. B. *Maksim Korobejnikov – novoe imya v literature* [Maxim Korobeynikov – a new name in the literature] // *Istoriya i kul'tura Volgo-Vyatskogo kraja : materialy region. nauch. konf.* – History and culture of the Volga-Vyatka region: materials of the region. scientific conf. / resp. editor V. V. Nizov, deputy resp. ed. V. B. Pomelov. Kirov. 1994. Pp. 360–362.
3. Sadyrin B. V. *Vyatskij SHalyapin* [Vyatka Chalyapin]. Kirov. 1998. 180 p.
4. Kislinskij V. *Podrobnosti vojny* [Details of the war] // *Vyatskij kraj – Vyatka region*. 1993. Jan 9.
5. Zaguzov N. I. *Doktorskie dissertacii po pedagogike i psihologii. 1937–1999 gg. : spravocchnik* [Doctoral dissertations in pedagogy and psychology. 1937–1999: reference book]. M. 2000. 216 p.
6. Pomelov V. B. *M. P. Korobejnikov: vojn, uchenyj, pisatel'* [M. P. Korobeynikov: warrior, scientist, writer] // *Simvol nauki: mezhdunar. nauch. zhurnal* – Symbol of science: Intern. scientific magazine. 2017, № 2, part 1, pp. 195–200.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 327.36

doi: 10.25730/VSU.2070.18.048

Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии

А. А. Калинин

доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
E-mail: leipse@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию Н. И. Егоровой «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы». Рецензируемая монография посвящена малоизученной в современной российской историографии холодной войны теме Движения сторонников мира, которой до конца 1980-х гг. советские исследователи уделяли значительное внимание. Автор книги рассматривает Движение сторонников мира как форму публичной и одновременно народной дипломатии в условиях холодной войны. Исследование сфокусировано на борьбе Движения против гонки ядерных вооружений в 1950-е – начале 1960-х гг. Рецензент отмечает, что данная монография является крупным вкладом в исследование деятельности Движения сторонников мира.

Ключевые слова: холодная война, публичная дипломатия, «мягкая сила», разоружение, Движение сторонников мира, Всемирный совет мира, Советский комитет защиты мира.

Монография одного из ведущих российских специалистов по истории холодной войны, доктора исторических наук Наталии Ивановны Егоровой «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы» посвящена истории всемирного Движения сторонников мира (ДСМ) – первого организованного массового движения за мир [1]. Руководящим органом сторонников мира с 1950 г. являлся Всемирный совет мира (ВСМ). Обращение к этой теме является несомненно актуальным в условиях обострения отношений России и Запада, а также возрастания значения многосторонних институтов и публичной дипломатии в современных международных отношениях.

В русле подходов «новой истории холодной войны» Н. И. Егорова рассматривает bipolarный конфликт как «битву за умы людей», в основе которого лежало идейно-политическое соперничество СССР и США. Президент США Джордж Буш-старший назвал холодную войну «битвой за душу человечества» [7, р. 3]. Одним из элементов этого соперничества явилась борьба сверхдержав и их союзников за первенство в отстаивании «идеи мира», конструирование образа своей страны как миротворца.

Борьба за мир являлась советским вариантом публичной дипломатии, которая преследовала цель взаимодействия с общественностью капиталистических и развивающихся стран. Н. И. Егорова выделяет особенности советской публичной дипломатии, отмечает, что общественные организации в СССР всегда поддерживали тесные связи с аппаратом ЦК КПСС и были нацелены на следование в фарватер советской внешней политики. Заметные успехи советской борьбы за мир заставили США уже в 1950-е гг. выступить с собственными мирными инициативами.

В то же время Н. И. Егорова не принимает и распространенное на Западе упрощенное понимание Движения сторонников мира как пропагандистского «секретного советского оружия», позволяющего коммунистам обманывать наивных западных интеллигентов. В книге убедительно показано, что ДСМ являлось не только инструментом советской публичной дипломатии, что оно пользовалось широкой поддержкой «снизу», со стороны обеспокоенной опасностью ядерной войны мировой общественности, в том числе некоммунистической. Поэтому это движение рассматривается в монографии как проявление народной (общественной) дипломатии.

Таким образом, Движение сторонников мира в исследовании представлено как составная часть системы многосторонней дипломатии периода холодной войны¹, в которую были вовлечены социально-политические круги и общественные организации различных стран (включая государства Азии и Африки) левой и центристской ориентации. «Движение сторонников мира отнюдь не являлось всецело “проектом” СССР, европейских коммунистических партий и других левых сил», – пишет Егорова [1, с. 61]. ДСМ, отмечает автор, отстаивало не только политические, но и общечеловеческие ценности, являясь фактором ограничения гонки вооружений и предотвращения применения ядерного оружия в военных конфликтах.

Обращаясь к популярной концепции «мягкой силы» американского политолога Джозефа Ная [8], Н. И. Егорова рассматривает Движение сторонников мира как действенный инструмент «мягкой силы», который использовался советским блоком в противоборстве с Западом.

В книге собран огромный фактический материал, позволяющий во многом по-новому взглянуть на историю послевоенных массовых движений за мир. Исследование опирается на практически не изученные ранее материалы отечественных архивов, прежде всего фонд 9539 «Советский комитет защиты мира» Государственного архива РФ, фонды 3 «Политбюро ЦК КПСС» и 5 «Аппарат ЦК КПСС» Российского государственного архива новейшей истории. Недавно рассекреченные архивные материалы позволили автору раскрыть ключевые проблемы, находившиеся в центре деятельности Движения сторонников мира, динамику его активности, выделить основные этапы деятельности Движения, на которую воздействовали как внешние, так и внутренние факторы.

Характеризуя эволюцию Движения, Н. И. Егорова выделяет ее основные этапы. 1949–1956 гг. были периодом наибольшей активности ДСМ, при этом главными проблемами, вокруг которых группировалось движение, являлись прекращение гонки ядерных вооружений и предотвращение мировой войны. На этом этапе в ДСМ наиболее явно проявлялись открытые симпатии его участников в отношении СССР. В течение 1949–1955 гг. наблюдался стабильный подъем Движения, которое достигло своего пика в 1955–1956 гг. Однако, начиная с венгерского кризиса 1956 г., наметились признаки спада движения и недовольства многих его участников односторонней просоветской ориентацией ДСМ. К 1965 г. Движение сторонников мира, считает Н. И. Егорова, погрузилось в состояние застоя.

Рецензируемая книга состоит из шести глав. Первая глава посвящена анализу историографии проблемы. Н. И. Егорова приходит к обоснованному выводу, что первым и последним комплексным монографическим исследованием ДСМ в отечественной историографии являлась работа Г. Я. Тарле, опубликованная еще в 1988 г. [5] После этого деятельность ДСМ не привлекала внимание российских историков, в то время как на Западе изучению движений миролюбивых сил в годы холодной войны отводится заметное место. Егорова ссылается на работы известного британского историка Дж. Робертса [3; 9], который пришел к заключению, что активность ДСМ отражала заинтересованность советского руководства в разрядке международной напряженности и не была «игрой с нулевой суммой», как это часто преподносилось западными советологами [1, с. 36–37].

Во второй главе представлен анализ процесса создания ДСМ в 1949 г. и его деятельности до 1955 г. Н. И. Егорова полемизирует с авторами, полагающими, что ДСМ было инициировано Москвой. Только летом 1948 г., откликаясь на развитие антивоенного движения на Западе, Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало участие советских представителей во Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира. Успех этого Конгресса на фоне эскалации холодной войны побудил Кремль запустить процесс создания ДСМ, надеясь при этом подчинить новое движение целям советской внешней политики [1, с. 47–50]. Многие документы ДСМ, как показывает изучение рассекреченных архивов ЦК КПСС, готовились в Москве. Так, текст Стокгольмского воззвания был подготовлен в аппарате ЦК ВКП(б) и утвержден решением Политбюро от 17 января 1950 г. [1, с. 66–67] Но имело место и обратное: предложения представителей западных сторонников мира получали поддержку советского руководства и находили отражение в постановлениях ЦК КПСС [например: 1, с. 83–85].

Затрагивая вопрос о финансировании деятельности Движения сторонников мира, Н. И. Егорова, опираясь на архивные документы, делает вывод, что Советский Союз и другие

¹ Рассматриваемое комплексное исследование является продолжением вышедшего в 2012 г. коллективного труда: Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова, И. В. Чайдук и др. См. также: Юнгблюд В. Т. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений // Новая и новейшая история. 2014. № 3. [2; 6].

социалистические страны несли основную финансовую нагрузку. Созданный в августе 1949 г. Советский комитет защиты мира до создания Советского фонда мира в 1958 г. финансировался фактически из бюджета СССР [1, с. 58–60]. Новое движение было нацелено на активные действия с целью сохранения мира, что отличало его от пацифистских организаций. Не случайно второй Всемирный конгресс сторонников мира выдвинул лозунг: «Мира не ждут – мир завоевывают» [1, с. 73].

Подъем с 1953 г. ДСМ в монографии связывается с успехами так называемой первой разрядки международной напряженности. Некоторые успехи нового внешнеполитического курса СССР после смерти И. В. Сталина породили надежды на скорое прекращение холодной войны, что стимулировало активность борцов за мир на Западе. Общественность в странах Европы верила в возможность подписания договора между великими державами, который положит конец холодной войне [1, с. 87]. На этом фоне советское руководство пыталось использовать антивоенное общественное движение для продвижения собственных внешнеполитических инициатив. Установки ЦК КПСС направляли деятельность ДСМ на всемерную поддержку переговоров с целью мирного разрешения конкретных спорных международных вопросов в отношениях Запада и Востока. Важным шагом, который также способствовал росту поддержки Движения, стала дифференциация конкретных требований, выдвигаемых в разных странах с учетом местной специфики. В то же время западные участники ДСМ вовсе не желали быть лишь инструментом в руках СССР. Н. И. Егорова приходит к заключению, что уже к концу 1953 г. наметилась тенденция к ослаблению выгодной Москве политизации Движения и усилению его гуманитарной составляющей – борьбы за предотвращение ядерной войны [1, с. 87].

Третья глава посвящена деятельности ДСМ на пике его активности и влияния – в 1955–1956 гг. Усилия миролюбивой общественности в этот период все больше концентрировались на борьбе за ядерное разоружение. Именно разоруженческая проблематика встречала наибольший отклик масс, подчеркивает Н. И. Егорова, при этом не только из-за страха перед войной, но и в связи с экономическими проблемами, порождаемыми гонкой вооружений. К концу 1955 г. проблема запрещения ядерного оружия была признана ДСМ приоритетной [1, с. 111]. Как показал проведенный автором монографии анализ документов ЦК КПСС, инициатива сосредоточить основные усилия на проблеме производства ядерного оружия исходила не от советского руководства, а от западной общественности. Кремль не сразу прислушался к мнению ученых о пагубных последствиях ядерной войны и давал указания «тактично убедить» председателя ВСМ ученого-физика Ф. Жолио-Кюри не заявлять об уничтожении человечества в ядерной войне [1, с. 101–102].

К 1955 г. Движение сторонников мира достигло своего пика, однако уже тогда обозначились и проблемы. Советские попытки использовать ДСМ для поддержки внешнеполитических инициатив Москвы встречали все более стойкое сопротивление западных членов Движения, а советские аналитики с тревогой отмечали все возрастающее желание США «перехватить» у СССР инициативу в борьбе за мир [1, с. 113–114].

В последующих главах монографии проанализированы кризисные тенденции в Движении сторонников мира и советские поиски выхода из тупика. Н. И. Егорова приходит к выводу, что уже в 1956 г. наметился явный спад движения. Серьезный удар по авторитету СССР и просоветского движения за мир нанес венгерский кризис 1956 г. Однако, как подчеркивает автор, причины нарастания кризисных тенденций в ДСМ были множественными: снижение непосредственной угрозы войны, разоблачение Н. С. Хрущевым «сталинизма» на XX съезде КПСС, спад интереса советского руководства к Движению, что отразилось на его финансировании, развитие «параллельных» ДСМ движений за мир, таких как Пагуошское движение ученых и Движение за ядерное разоружение, становление Движения неприсоединения, возрастание значения стран Азии и Африки в международных отношениях, первоочередной задачей которых была антиколониальная борьба, углубление противоречий СССР и Китая, а также административное давление на просоветские организации в западных странах. Кризисные явления особенно затронули движения за мир в Италии и Франции, которые из стран Запада являлись наиболее многочисленными. На этом фоне настоятельно требовалось расширение социальной базы движения, его деидеологизация. Вице-председатель Советского комитета защиты мира И. Г. Эренбург писал в ЦК КПСС, что «чисто коммунистическое движение за мир» становится ненужным [1, с. 134].

Найденные Егоровой архивные документы показывают, что советское руководство оказалось явно неготовым ответить на новые вызовы. В январе 1957 г. был выдвинут обнов-

ленный тезис о том, что ДСМ «не является союзом политически единым, а представляет из себя широкий блок мировых сил, выступающих в защиту мира» [1, с. 137]. Однако фактически движение не было реформировано, и в дальнейшем ДСМ оставалось на близких к официальной советской внешнеполитической линии позициях и поддерживало советские миротворческие инициативы. Вслед за обнародованием в январе 1957 г. советских предложений о прекращении испытаний ядерного оружия, кампанию в поддержку этих инициатив развернуло ДСМ [1, с. 144–145]. Характерным можно признать эпизод с «нежелательной формулировкой» по вопросу ядерных испытаний. ЦК КПСС и МИД СССР резко осудили как «вредную» формулировку воззвания ДСМ, которая не проводила различий между испытаниями ядерного оружия в СССР и США [1, с. 148–150]. Понятно, что с такими двойными стандартами ДСМ было все сложнее конкурировать с аполитичными общественными движениями.

В условиях размывания европоцентризма СССР уже в конце 1950-х гг. вынужден был обратиться к иным формам взаимодействия общественности социалистических и капиталистических стран. В пятой главе книги особое место отведено рассмотрению Дартмутских встреч – конференций общественности США и СССР, первая из которых была проведена осенью 1960 г. в Дартмутском колледже. В этих встречах с американской стороны принимали участие известные ученые, политические деятели, дипломаты, представители бизнеса и культуры, в том числе У. Ростоу, К. Гэлбрейт, Дж. Кеннан, Д. Рокфеллер. Третья Дартмутская встреча проходила в период Карибского кризиса 1962 г., и, как отмечает Н. И. Егорова, во время встречи американские делегаты предварительно «испытывали» на представителях советской общественности предложения, которые позднее выдвигались официально [1, с. 213–214].

Удачно в монографии Н. И. Егоровой показано влияние на ДСМ нового фактора – усилившегося с середины 1950-х гг. национально-освободительного движения в Азии и стремления руководства Китайской Народной Республики взять на себя функции выразителя интересов сторонников мира в азиатском регионе. Мир становился более сложным, а повестка дня ДСМ оставалась преимущественно европейской – разоружение, ограничение гонки ядерного оружия, создание безъядерных зон, в то время как за пределами Европы более актуальными были вопросы национального освобождения. Действия Пекина автор характеризует как раскольнические и направленные на подрыв позиций Москвы. Н. И. Егорова констатирует, что советские представители постепенно утрачивали решающее влияние в руководстве ДСМ.

Эскалация войны во Вьетнаме и поддержка коммунистическими партиями «антиимпериалистической» борьбы вьетнамского народа также усилили разногласия в ДСМ, отталкивая от него либерально настроенные миролюбивые силы. Советским представителям удалось не допустить раскола в ДСМ, но в январе 1966 г. ушедший в отставку с поста президента-исполнителя ВСМ Дж. Бернал охарактеризовал положение в Движении как «отчаянное» [1, с. 304].

В монографии имеются вкладки с интересными фотографиями из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов.

Книга написана на основе материалов исключительно российских архивов. Она богата перспективными сюжетами и поставленными дискуссионными проблемами. Автор как бы приглашает к продолжению исследований в намеченных направлениях, но уже с привлечением зарубежных архивов. В частности, по мнению рецензента, исследование Н. И. Егоровой показывает, что следующие шаги в изучении ДСМ могут быть нацелены на рассмотрение оценок этого Движения с той стороны «железного занавеса», в частности изучение мыслей и выводов экспертов, государственных деятелей и дипломатов западных стран, в том числе аналитиков Центрального разведывательного управления США, тем более, что многие документы этого ведомства в настоящее время имеются в открытом доступе в сети Интернет.

К сожалению, в исследовании Н. И. Егоровой остались не до конца проясненными некоторые вопросы, связанные с реальной эффективностью ДСМ. Насколько действенными, например, оказались широкие политико-пропагандистские кампании за мир, в частности сборы сотен миллионов подписей под Стокгольмским воззванием 1950 г. и Венским воззванием 1955 г.? По мнению рецензента, с большей осторожностью следует использовать распространенные в советских документах идеологические клише, например «советская общественность», поскольку во многих случаях позиция ЦК КПСС выдавалась за выражение настроений всего советского народа. В этой связи может оказаться полезным использование при изучении документов, подготовленных в аппарате ЦК ВКП(б)/КПСС, методов анализа советского политического дискурса, предложенных в работах швейцарского лингвиста П. Серио [4].

В целом монография Н. И. Егоровой является глубоким, прекрасно фундированным исследованием, которое отличает высокий профессиональный уровень. Можно согласиться с

мнением автора о том, что миротворческая активность Движения и сам его характер имели сложные и многоплановые цели. С одной стороны, деятельность ДСМ способствовала развитию многосторонних контактов между Востоком и Западом, борьбе за мирное урегулирование международных и региональных конфликтов. Но в то же время оно являлось также инструментом пропагандистской войны в глобальном соперничестве сверхдержав. Н. И. Егорова полагает, что Движение сторонников мира преследовало и высокие цели ослабления угрозы ядерной войны. Автор не разделяет распространенную в историографии «презумпцию виновности» СССР за гонку вооружений и эскалацию холодной войны.

Вызывают доверие выводы автора, представленные в конце каждого параграфа и в заключении. Работа может быть оценена как крупный вклад в исследование деятельности Движения сторонников мира в 1949–1965 гг.

Книга Н. И. Егоровой будет полезна как специалистам по истории международных отношений XX в., публичной дипломатии, так и студентам-историкам.

Список литературы

1. Егорова Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы / Ин-т всеобщей истории РАН, Центр по изучению холодной войны. М. : Аквилон, 2016. 320 с.
2. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова, И. В. Чайдук и др. // Русский фонд содействия образованию и науке. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 464 с.
3. Робертс Дж. Вячеслав Молотов: Сталинский рыцарь «холодной войны» : пер. с англ. М. : АСТ, 2014. 283 с.
4. Серюи П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 337–383.
5. Тарле Г. Я. Движение сторонников мира в СССР. М. : Наука, 1988. 235 с.
6. Юнгблуд В. Т. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 226–229.
7. Leffler M. P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War / M. P. Leffler. N. Y.: Hill & Wang, 2007. XX, 586 p.
8. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs Group, 2004. XVI, 191 p.
9. Roberts G. Moscow's Campaign Against the Cold War, 1948–1955 // Visions of the End of the Cold War in Europe (1945–1990) / Ed. by F. Bozo et al. Oxford: Berghahn Books, 2012. P. 47–60.

The struggle for peace as the Soviet version of public diplomacy

A. A. Kalinin

Dostor of historical sciences, Associate Professor, Department of History and Political Science,
Vyatka State University. Russia, Kirov.
E-mail: leipse@yandex.ru

Abstract. This paper is a review of N. I. Egorova monograph «“People to People” Diplomacy of the Nuclear Age: the Partisans of Peace Movement and the Issue of Disarmament, 1955–1965». The monograph under review is devoted to the poorly studied in contemporary Russian historiography of the Cold War theme of the Partisans of Peace Movement, to which Soviet researchers paid great attention until the end of the 1980s. The author of this book considers the Partisans of Peace Movement as a form of «public» and at the same time as a form of «people to people» diplomacy during the Cold War. The study focuses on the struggle of this Movement against the nuclear arms race in the 1950s and early 1960s. The reviewer notes that this monograph is a major contribution to the study of the Partisans of Peace Movement.

Keywords: Cold War, public diplomacy, soft power, disarmament, Partisans of Peace Movement, World Peace Council, Soviet Peace Committee.

Reference

1. Egorova N. I. «Narodnaya diplomatiya» yadernogo veka: dvizhenie storonnikov mira i problema razoru-zheniya, 1955–1965 gody [«People to People» Diplomacy of the Nuclear Age: the Partisans of Peace Movement and the Issue of Disarmament, 1955–1965] / Institute of the General History of the RAS, Center for the study of the cold war. M. Aquilon. 2016. 320 p.

2. *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij* – Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations / resp. ed. N. I. Egorova, I. V. Chuduk etc. // Russian Fund of assistance to education and science. M. Dmitriy Pozharskiy University, 2012. 464 p.

3. *Roberts Dzh. Vyacheslav Molotov: Stalinskij rycar' «holodnoj vojny»: per. s angl.* [Vyacheslav Molotov: Stalin's knight of the cold war: transl. from Eng.]. M. AST. 2014. 283 p.

4. *Serio P. Russkij yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizacij* [Russian language and analysis of the Soviet political discourse: analysis of nominations] // *Kvadratura smysla. Francuzskaya shkola analiza diskursa* – Quadrature of meaning. French school of discourse analysis. M. Progress. 1999. Pp. 337–383.

5. *Tarle G. YA. Dvizhenie storonnikov mira v SSSR* [Peace movement in the USSR]. M. Nauka. 1988. 235 p.

6. *Yungblud V. T. Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij* [Multilateral diplomacy in a bipolar system of international relations] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and newest history. 2014, No. 3, Pp. 226–229.

7. *Leffler M. P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War* / M. P. Leffler. N. Y.: Hill & Wang, 2007. XX, 586 p.

8. *Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs Group, 2004. XVI – Worldwide history, 191 p.

9. *Roberts G. Moscow's Campaign Against the Cold War, 1948–1955* // *Visions of the End of the Cold War in Europe (1945–1990)* / Ed. by F. Bozo et al. Oxford: Berghahn Books, 2012. P. 47–60.

Пыжиков А. В. Взлет над пропастью. 1890–1917 годы

А. С. Минаков

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ,
Московский педагогический государственный университет. Россия, г. Москва.
ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Аннотация. В рецензии рассматривается вышедшая в издательстве «Концептуал» в 2018 г. книга А. В. Пыжикова «Взлет над пропастью. 1890–1917 годы». Дана характеристика содержания, основных выводов, заключений автора и их доказательной базы в контексте современных направлений историографии заявленной проблемы. Отмечено, что автор рецензируемой книги анализирует варианты политических и социально-экономических реформ, которые оказали существенное влияние на внутреннее развитие и международное положение Российской империи в конце XIX – начале XX в. Книга обращает внимание на значительную роль проектов преобразований страны, разработанных представителями прогрессивной части высшей бюрократии. Кроме того, указано на их активное участие в противостоянии финансовых групп Москвы и Санкт-Петербурга за влияние на экономический курс государства. Представленная публикация оставляет возможность дальнейших дискуссий по рассмотренным в ней вопросам.

Ключевые слова: история, империя, реформы, модернизация, бюрократия, экономика.

«Преобразования начала XX столетия можно квалифицировать как наиболее масштабные за всю историю существования России», – такими словами обращается к читателю своей новой книги профессор МПГУ, доктор исторических наук Александр Владимирович Пыжиков. Автор хорошо известен своими публикациями и многочисленными выступлениями в СМИ по дискуссионным проблемам истории России. Рецензируемое издание представляет серию документальных очерков о сложном поиске оптимальных путей модернизации российской экономики на рубеже XIX–XX вв.

А. В. Пыжиков последовательно останавливается на отдельных аспектах политического и социально-экономического развития Российской империи последних десятилетий ее существования, которые сегодня продолжают оставаться для исследовательской аудитории предметом непрекращающейся полемики. Каковы были взаимовлияние административной и экономической элит и их готовность к взаимодействию? В какой степени они воздействовали на социально-экономическое развитие империи? Могла ли правящая бюрократия предложить на пороге XX в. альтернативные варианты правительственного курса? Наконец, насколько жизнеспособным оказалось российское самодержавие в сложных условиях противоречивой внутренней и внешней политики? Ответы на эти и другие вопросы историк ищет посредством анализа значительного количества документальных материалов из федеральных архивохранилищ, а также источников личного происхождения и публикаций периодической печати.

Автор книги совершенно справедливо подчеркивает существенную роль в исследуемый период ключевых представителей сановной бюрократии. Конечно, в жестко централизованной системе управления они являлись носителями и хранителями традиций самодержавных отношений внутри властной вертикали. Роль волевых директив, часто их непредсказуемость и иррациональность, нередко перевешивала осмысленные и взвешенные решения, а значит, актуализировала значение персональной активности и других личных качеств государственных деятелей.

В этой связи А. В. Пыжиков полагает, что историография нуждается в переосмыслении роли в судьбе империи отдельных представителей сановного истеблишмента рубежа столетий. Так, на страницах книги можно встретить скептические оценки С. Ю. Витте – одной из наиболее ярких фигур пореформенной бюрократии. Автор стремится заверить читателя, что за видимым реноме убежденного государственника, который сформировался в историографии во многом под влиянием знаменитых мемуаров последнего, скрывался преисполненный карьерных устремлений царедворец, легко менявший свои симпатии на антипатии и более всего ценивший близость к императору. В равной степени автор не скупится на критику в адрес другого популярного в историографии персонажа – П. А. Столыпина. В целом, по мысли

А. В. Пыжикова, их реформаторская деятельность являлась во многом результатом реализации идей и наработок их предшественников.

Кто же на самом деле генерировал прогрессивные идеи по преобразованию империи? Отвечая на этот вопрос, А. В. Пыжиков утверждает, что их носителями являлись высокопоставленные чиновники министерского ранга, в числе которых были Н. Х. Бунге, Д. М. Сольский, В. К. Плеве, А. С. Стишинский и др. По мысли автора книги, историческая наука должна акцентировать их значительное участие в модернизации народнохозяйственного сектора страны. Данный посыл автора, призывающий сделать достоянием историографии имена ярких выразителей передовых замыслов из числа высокопоставленных бюрократов несомненно заслуживает поддержки.

Например, образ В. К. Плеве, сформированный еще советской историографией, действительно, длительное время изобиловал самыми нелицеприятными характеристиками последнего, навязывая читателю портрет крайне ограниченного ретрограда. Что касается Д. М. Сольского, то научное осмысление этой фигуры вообще только начинается. Впрочем, страницы издания показывают, что традиции самодержавной политической системы были настолько устойчивы, что менталитет не только прогрессивно настроенных чиновников, но и общественников, а также представителей деловых кругов оказался тесно связан с понятиями близости к трону, как залога успешности каких-либо государственных начинаний [4, с. 32, 107, 162].

Вопрос о борьбе за реформаторскую инициативу автор дополняет рассуждениями об институциональных новациях заката Российской империи, когда самодержавие шло на рискованные эксперименты с управленческой системой. Так, слабо структурированная во властную вертикаль Государственная дума оказалась не просто малодейственным механизмом, но и органом власти, скопировавшим многие функциональные особенности и недостатки уже существовавшей непарламентской модели – нагромождение совещательных органов, зависимость от предварительных согласований с министерскими и придворными деятелями и т. п.

Прежде всего, российская представительная палата оказалась помехой привычному для самодержавия образу действий. Поэтому не только Николай II сохранил привычку самостоятельно принимать важнейшие государственные решения, но и многие руководители ведомств откровенно недоумевали, почему они должны адаптироваться к мнению думцев [4, с. 171, 179]. В то же время отдельные гибкие бюрократы, к примеру В. Н. Коковцов и А. В. Кривошеин, пытались превратить Думу в инструмент реализации собственных амбициозных проектов [4, с. 170, 177]. После того как в Думе было сформировано управляемое большинство, оно, как подчеркивает книга, стало «подспорьем для правительства» [4, с. 200].

Рассуждения А. В. Пыжикова наводят на мысль, что Государственная дума так и не стала реальным центром управленческой альтернативы. Он указывает, что уровень компетенции большинства членов Думы не позволял им квалифицированно разбираться в политических и народнохозяйственных вопросах [4, с. 209, 219]. Даже рекрутирование из ее состава кадров для верхушки центральных органов власти на деле оказывалось фикцией. Так, в книге описывается, что назначение в 1915 г. товарища председателя Думы В. М. Волконского товарищем главы МВД, а члена Думы В. В. Мусина-Пушкина – товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием предварительно согласовывалось с императором [4, с. 177–178]. Поэтому фактически они оказались креатурами двора, а не выдвиженцами представительного органа, что делало их участниками привычной ротации внутри сановной номенклатуры.

Другая группа проблем, затронутых в книге, связана с оценкой перспектив модернизации российской экономики и анализом ее финансовых источников. Красноречивым примером, характеризующим векторы данных процессов, является, по мысли автора, борьба между бюрократическим блоком и купеческими кланами за влияние на экономическую жизнь империи. Она разворачивалась в условиях деловой активности зарубежных инвесторов, в которых самодержавие видело одну из возможностей ускорения индустриального развития государства и его движения по рыночным рельсам. А. В. Пыжиков отмечает, что формирование свободной конкуренции в российских реалиях приняло отличные от общемировой практики формы. Иностранные вложения, на которые возлагали большие надежды, так и не принесли высокий модернизационный эффект, так как зарубежные партнеры не спешили превращать свои вложения в национальный капитал [4, с. 381].

Кроме того, привлечение внешних ресурсов затрагивало интересы отечественного купечества, которое традиционно ориентировалось на государственную поддержку и было не готово к самостоятельности, а значит, и риску в условиях свободного рынка. В этом, по мне-

нию автора, следует искать истоки мировоззренческого надлома пореформенного поколения российских предпринимателей, разуверившегося в помощи верховной власти и с надеждой обратившего взоры на планы преобразований либералов [4, с. 389–390].

В этой связи представленное издание возвращает читателя к одному из традиционных для историографии сюжетов о схожести российских экономических процессов с зарубежными и применимости внешнего опыта к реалиям нашей страны. Актуальность этой темы как будто неподвластна времени, так как давно находится в орбите принципиальных дискуссий историков [1, 2, 3]. Действительно, в условиях громадных территориальных пространств Российской империи, недостаточного развития хозяйственной инфраструктуры, нехватки банковских капиталов, а также отсутствия рыночных традиций при наличии устойчивых патриархальных элементов в деловой культуре, локомотивом и гарантом эффективности экономических процессов могло выступать правительство. Поэтому автор книги убежден, что корень понимания сущности российской рыночной модернизации рубежа XIX–XX вв. лежит в анализе деятельности бюрократических, а не банковских и предпринимательских институтов [4, с. 400–401].

В качестве примера результативности государственного вмешательства в экономические процессы А. В. Пыжиков отмечает стремление правительства к регулированию деятельности банковского сектора страны. Ярким воплощением такой политики стала борьба финансовых групп Москвы и Санкт-Петербурга при активном участии министерства финансов. Сравнивая инфраструктуру банков обеих столиц, А. В. Пыжиков указывает, что их петербургская часть создавалась именно как рычаг правительственного влияния на экономику в противовес московским олигархическо-клановым центрам капитала [4, с. 417, 421, 426]. Подобная тенденция имела место и в других значимых отраслях экономики: сырьевых концессиях, железнодорожном строительстве, оборонных заказах и др. А. В. Пыжиков уверен, что государство, установив к началу XX в. контроль над предпринимательской сферой, не позволило развиваться олигархической экономической модели. В итоге, как отмечено в книге, «крупный бизнес, очищенный от олигархического всевластия, оказался на службе у финансово-экономической бюрократии, чьи планы претворяла питерская банковская группа» [4, с. 450].

Однако если государству удавалось вмешиваться в организационную работу финансовых институтов, то социально-политические процессы в стране уже начинали выходить из-под его контроля. Например, антиправительственные выступления в Баку накануне Первой русской революции фактически привели к потере страной европейских рынков нефтепродуктов [4, с. 464–466].

Вместе с тем страницы исследования А. В. Пыжикова уведут читателя в область некоего обособленного мира вершителей политики и экономики, – это недооцененные чиновники-реформаторы, купцы-стяжатели, бесполезные думские депутаты, расчетливые иностранные инвесторы и т. д. За этим хором противоречивых действующих лиц книги автор оставляет на втором плане того, ради кого должна была осуществляться модернизация страны – ее многомиллионное, главным образом, крестьянское население. Без анализа уровня его вовлеченности в те процессы, о которых идет речь в книге, характеристика многокрасочных политических и экономических событий, а также перечисленных выше персонажей предстает перед читателем в абстрактном, черно-белом изображении.

Могла ли основная масса населения, при всей ее политической неграмотности, предпринимательской инертности и общем низком культурном уровне, влиться в реформаторскую волну и стать полноправным участником преобразования страны? Могла ли она воплощать на практике те высокие идеи реформирования, выработавшиеся талантливыми реформаторами в столичных кабинетах, становясь социальной опорой власти, а фактически спасителем империи? Ответы на эти вопросы могли бы существенно обогатить представленное издание.

Кроме того, на протяжении всего исследования А. В. Пыжиков, на наш взгляд, увлекается историческим прогнозированием потенциальных возможностей российской экономики в случае, например, успешного окончания Первой мировой войны. Проверить эффективность экономической политики самодержавия, а тем более выводы автора подобными прогнозами, конечно, затруднительно. Общеизвестно, что жизнеспособность российской государственной системы уже была красноречиво аттестована той же Первой мировой войной. Государство и его экономика, вместе со всей просвещенной бюрократией, борющимися банкирами, думскими ораторами и др. оказались не готовы к этому суровому испытанию. Видимо, мир не желал

предоставлять России тех «20 столыпинских лет» для ее преобразования, равно как и какого-либо адаптационного периода модернизации, о котором пишет автор [4, с. 543]. Национальная катастрофа, закончившаяся крушением имперской государственности в 1917 г., стала очевидной расплатой, в том числе и за затянувшиеся поиски пути преобразований.

Думается, ответственность за приближение драматического конца имперской модели должны разделить не только носитель верховной власти, но и другие политические силы и центры влияния. Именно это является существенным выводом рецензируемой, интересной и содержательной книги.

Список литературы

1. Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Л. : Наука, 1970.
2. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 2006. 568 с.
3. Об особенностях империализма в России. М. : Наука, 1963. 440 с.
4. Пыжиков А. В. Взлет над пропастью. 1890–1917 годы. М. : Концептуал, 2018. 552 с.

Pyzhikov A. V. Take off over the abyss. 1890–1917 years

A. S. Minakov

Doctor of historical sciences, associate professor, deputy Director of the Directorate for the study of history of MPSU, Moscow Pedagogical State University. Russia, Moscow.
ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Abstract. The review considers A.V. Pyzhikov' book «Takeoff over the abyss. 1890–1917 years», published by the «Conceptual publishing house» in 2018. The characteristic of the content, the main conclusions of the author and their evidence base in the context of the modern trends of the historiography of the stated problem is given. It is noted that the author of the book under review analyzes the options for political and socio-economic reforms that had a significant impact on the internal development and international position of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The book draws attention to the significant role of the projects of transformation of the country, developed by representatives of the progressive part of the higher bureaucracy. In addition, it is indicated that they actively participate in the confrontation of the financial groups of Moscow and St. Petersburg for their influence on the economic course of the state. The presented publication leaves room for further discussions on the issues addressed in it.

Keywords: history, empire, reforms, modernization, bureaucracy, economy

References

1. Anan'ich B. V. Rossiya i mezhdunarodnyj kapital. 1897–1914 [Russia and international capital. 1897–1914]. L. Nauka. 1970.
2. Milov L. V. Velikorusskij pahar' i osobennosti russkogo istoricheskogo processa [The great Russian ploughman and peculiarities of Russian historical process]. M. ROSSPEN. 2006. 568 p.
3. Ob osobennostyah imperializma v Rossii – On the features of imperialism in Russia. M. Nauka. 1963. 440 p.
4. Pyzhikov A. V. Vzlet nad propast'yu. 1890–1917 gody [Take off over the abyss. The years 1890–1917]. M. Conceptual. 2018. 552 p.

УДК 008

doi: 10.25730/VSU.2070.18.050

Человеческое измерение рукописей, которые не горят (О новой книге «Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох»)*

Н. И. Поспелова

кандидат искусствоведения, доцент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
E-mail: pospelova@vyatsu.ru

Аннотация. Рецензия посвящена вышедшей в 2017 г. в издательстве Уральского университета (Екатеринбург) монографии «Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох». Авторы-составители Л. С. Соболева, О. А. Михайлова на основе рукописи произведений песенного и романсового жанра, которая хранится в Свердловской областной универсальной научной библиотеке, документально подтверждают эмоциональный нарратив, открывающийся в литературном содержании текстов. Подчеркивается, что ценность фундаментального труда сводится к высокой культуре научного комментирования, отражения в текстах песен не столько знаний о социальной и политической жизни начала XIX в., сколько свойственных русскому народу общечеловеческих чувств и переживаний.

Ключевые слова: Л. С. Соболева, О. А. Михайлова, русская песня, европейский романс, русское народное творчество, эмоциональная культура, археография, национальное самосознание, история русской культуры.

Культура истории эмоций в проекции научного описания – тема новая и сложная. Она ещё только формирует вокруг себя пул исследователей для изучения разных её граней – понятийного нарратива, феноменологии, онтологических аспектов. Сложность её определяется, прежде всего, трудностью верификации процесса «вплетенности эмоционального фактора в причинность исторических событий», поскольку «эмоции часто невозможно выявить или подтвердить документально» (Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 35). В рамках этого проблемного поля значительно и весомо смотрятся такие книги, как вышедшее в издательстве Уральского университета собрание текстов лирических произведений песенного и романсового характера (1814 г.)¹, представленное авторами-составителями Л. С. Соболевой и О. А. Михайловой «Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох». Ценность работы бесспорна уже потому, что в ней в академическом дискурсе зафиксированы и научно прокомментированы главные эмоциональные реакции народа, сохранившего в коллективном творчестве драгоценную память о прошлом.

Если обратиться к традиции, в контекст которой вписывается монография, то следует упомянуть ряд имен, без которых немыслима современная научная мысль о русской словесности. Начало изучения русского народного творчества восходит к известному памятнику – собранию былин, исторических песен, скоморошин Кирши Данилова (XVIII в.), сборникам А. А. Догадина, А. М. Листопадова, Ф. М. Истомина, С. М. Ляпунова, Е. Э. Линевой, П. В. Киреевского и др. Большой вклад в изучение устного народного творчества в России внёс историк, литературовед и фольклорист А. Н. Афанасьев, издавший в 1855–1856 гг. «Народные русские сказки»² и академик А. И. Соболевский с его антологией русских народных песен³. Интерес к

© Поспелова Н. И., 2018

* Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох : монография / сост., подгот. текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 652 с. ил. (Б-ка QUAESTIO ROSSICA).

¹ Рукопись хранится в собрании редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В. Г. Белинского, № 375380. Сборник песен. 4 (210/216 на 160/170 мм.). 126 л.

² Полное собрание впервые издано: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. М. : Худож. лит., 1957.

³ Великорусские народные песни. Т. I–VII. 1895–1902 гг.

русским народным сказкам, песням, обрядам был подхвачен А. М. Васнецовым (братом знаменитых братьев-художников – В. М. и А. М. Васнецовых), записавшим в 1868–1894 гг. 355 вятских песен (впоследствии они не раз переиздавались)⁴. В XX в. этот ряд – пусть и выборочно – можно продолжить, вспомнив научный вклад в фольклористику Ю. В. Келдыша, М. Н. Сперанского, С. Л. Брасс, А. В. Позднеева и многих других. В изучении фольклора (в частности, городской песни и романса) эстафету в XX в. подхватило новое поколение фольклористов (назовём для примера имена А. М. Путинцева, Н. А. Смирнова, Д. М. Балашова, В. С. Бахтина, Я. И. Гудошников, Н. П. Зубовой и др.). И вот век XXI, новый результат – работа Л. С. Соболевой и О. А. Михайловой. Солидная, фундаментальная монография представляет существенный интерес и в плане сохранения связи времен и преемственности в деле собирательства и изучения рукописных текстов, и с точки зрения воспитания любви к отечественной культуре, что достигается через «человеческое, слишком человеческое» в доступных образцах народного творчества, этой любовью измеряемое.

Сборник составлен по всем законам академического жанра – с палеографическим описанием рукописи, тематической разбивкой песен (всего – 263 песни), научными комментариями, вступительной статьей, послесловием, полным перечнем имен и географических мест, списками литературы, сокращений и иллюстраций, словарем устаревших слов и выражений, алфавитным списком первых слов песен (иниципитами), переводом основных концептуальных идей и результатов на английский язык.

Картина получилась впечатляющая: на 652 страницах разворачивается культурно-историческая ретроспектива эмоционально-чувственного мира мужчин/женщин, преломленная сквозь призму восьми тематических блоков, каждый из которых разбит на более мелкие разделы. Логика такого построения материала продиктована исторической традицией, характерной для целой линейки изданий подобного рода, а именно движением от автономных песен (патриотическая линия – жанровая линия – лирика – песни-поздравления) к песням из театральных спектаклей. Но жесткой иерархии в ней нет. Есть естественное стремление систематизировать пёстрый, семантически многослойный материал. Стремление, далёкое от строгой классификации. Оно и понятно почему: всякой иерархичности и рациональности сопротивляется сам материал, сама тематика отражения чувств людей в их несистемной, неизбежной изменчивости.

Авторы-составители монографии, опираясь на принцип историзма и жанрово-видовой градации песен, отразили не столько многообразие форм разновременной социокультурной действительности (хотя и этот фактор важен), сколько многообразие общечеловеческих переживаний. Читатель получил не застывший видеоклип прошлого, а живописный портрет тех эмоций, которые отражали быт и будни разных сословных страт, индивидуальное и коллективное, характерное для городской культуры XIX в.

Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с традиционно богатой коллекцией народных плясовых и комических текстов, в сборнике солидное место занимают патриотические и лирические мужские авторские и анонимные песни. Раздел «Мужские любовные переживания в книжной поэзии» насчитывает 69 примеров. О чем это говорит? Говорит это о том, что чувства мужчины были важным источником вдохновения, они определяли «взгляд» (как бы сейчас сказали, «основной тренд») на культуру, на женщину, отношения с ней и миром.

Песни неизвестного авторского происхождения прославляются многократно переписанными книжными вариантами. Большинство песенных текстов, раскрывающих человека чувствительного, романтического, фигурируют в анонимном виде, что свидетельствует о фольклорной форме отражения типических настроений и переживаний. Однако часть авторов установлена (всего 27 имен), составители указывают их имена: это писатели и поэты допушкинской эпохи (Ф. Н. Глинка, Г. Р. Державин, М. В. Ломоносов, И. Ф. Богданович, И. И. Дмитриев, М. М. Херасков, Н. М. Карамзин и др.).

Собрание рукописей песен и романсов впечатляет уникальностью представленных произведений (все песни/романсы публикуются впервые). Но самое главное, в нем нашло отражение противоречие между бьющимися культурными кодами: в одном запечатлен имперский императив, в другом – его эмоциональный антипод – сентиментальность. Это против-

⁴ Песни Северо-Восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868–1894 гг. : [сб.] / А. М. Васнецов. 2-е изд. / ред., вступ. ст., прим. и библиогр. указания Л. В. Дьяконова. Киров : Облгосиздат, 1949. 241 с.

речие можно характеризовать как эмоциональную дихотомию, свойственную русскому человеку – его склонности к безудержному веселью и, одновременно, к тоске, патриотическому воодушевлению и разочарованию, беззаботности и наивной доверчивости, безоглядной любви и переживания разлуки. Судя по текстам, можно составить картину быта дружеской компании (очевидно, это было среднее сословие), о том, какими путями песни с явно личным отношением «автора» получали широкое распространение в городской среде, как песни становились романсами или попадали в контекст театральных пьес.

Несомненным украшением рецензируемого сборника являются две статьи, написанные Л. С. Соболевой, – предисловие («Рукописный сборник песен начала XIX в.: взгляд через два столетия») и послесловие («Фольклорная и светски-европейская традиция в картине чувств русского человека начала XIX в.») – как в плане раскрытия темы, так и с точки зрения стиля. Л. С. Соболева – признанный знаток русской литературы и археографии. Её слово о песне заряжено той энергией, той внутренней силой и зрением, которые идут от образно-сюжетного содержания текстов. Одно предопределяет другое.

Тексты песен, помимо того, что они способствуют более глубокому знанию о социальной, политической жизни и мировосприятии людей того времени, завораживают так, как если бы были написаны сегодня и сейчас. В чем секрет такого эффекта? Здесь просматриваются две причины. Первая связана с содержанием песен/романсов, а вторая – с высочайшим уровнем их научного комментирования.

Перед нами – бесценный памятник культуры чувственного самовыражения русского народа в песенно-романсовых текстах, дающий понимание того, как уже в допушкинское время формировался процесс национального самосознания и как этот процесс инкорпорировался в европейскую поэтическую традицию. Представленный памятник песенного творчества наделен человеческим, нравственным лицом. Он, безусловно, полезен всем, кто к нему прикоснулся, и будет открытием для тех, кто равнодушен к русской культуре и кому не безразлична память об историческом прошлом.

The human dimension of manuscripts that do not burn About the new book «Russian song and European romance in the manuscript collection of the early XIX century: emotional culture at the turn of eras»

N. I. Pospelova

PhD of arts, associate professor, Vyatka State University. Russia, Kirov.
E-mail: pospelova@vyatsu.ru

Abstract. The review is devoted to the monograph «Russian song and European romance in the manuscript collection of the beginning of the XIX century: emotional culture at the turn of the ages» published in the publishing house of the Ural University (Yekaterinburg) in 2017. The authors-compilers L. S. Soboleva, O. A. Mihailova on the basis of the manuscript of works of song and romance genre, which is stored in the Sverdlovsk regional universal scientific library, documentally confirm emotional narrative that opens in the literary content of the texts. It is emphasized that the value of the fundamental work comes down to the high culture of scientific comment and reflection in the lyrics not so much knowledge about the social and political life at the beginning of the nineteenth century, but human feelings and experiences inherent to the Russian people.

Keywords: Soboleva L. S., Mihailova O.A., Russian song, European romance, Russian folk art, emotional culture, archeography, national consciousness, history of Russian culture.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (11) (2018)

16+

Редактор *О. И. Коробкова*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Н. Петрова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 29.12.2018 г.
Дата выхода в свет 23.03.2019 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 100. Заказ № 5598.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36